

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ пѣмь, чшобы по нанечашаніи, до выпуска изъ Типографіи, предспавлены были въ Цензурный Комитетъ : одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой, для Департамента Минисперства Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 30 Сентября 1819 года.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Иванъ Тилковской.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

ОКТАБРЬ. 1819. N° XIX.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДОЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ТОРЖЕСТВО АПОЛЛОНА.

*Прологъ на возобновленіе Большаго
Театра *).*

Дѣйствующіе:

Аполлонъ.

Марсъ.

Меркурій.

Девять Музъ.

Хоръ воиновъ, юношей, женщинъ и дѣтей.

Явленіе 1.

Занавѣсъ подымается при гролкой военной музыки. Театръ представляетъ дикую пустыню, окруженную горами. Небо трезвѣтайно мрачно.

---

*) Прологъ сей, къ сожалѣнію, не былъ представлень, пошому что Сочинитель не успѣлъ окончить его къ ошкрытію шеатра. *Прим. Изд.*

*Хоръ женщинъ и дѣтей, бѣгущихъ въ смя-
теніи по театру.*

Гдѣ сокрышься намъ? о спрахъ!

Слышенъ битвы шумъ ужасный.

*Марсѣ , вооруженный великимъ копьемъ
показывается на горѣ , откуда обо-
зрѣваетъ поле сраженія.*

Громы бранны ,
Раздавайтесь въ сихъ мѣстахъ !

Хорѣ.

Жизнь невинныхъ раздайте!

Небеса , спасите насъ!

Марсѣ.

Нѣшъ , бѣдамъ конца не ждите !

(потряся копьемъ)

Брань , свирѣпствуй !

(за театромъ слышенъ звукъ метей.)

Хорѣ.

Грозный часъ !

Небеса , избавьте насъ !

*(Матери падаютъ на колѣна , держа въ объ-
ятіяхъ дѣтей.)*

Марсѣ.

Мнѣ не внясны смертныхъ проны !

Грады — я сравню съ землей ,

Въ прахъ низрину сильныхъ проны ! —

(Звукъ трубъ. Воины бѣгають на театрѣ и сражаются. Толпы увеличиваются. Видны развѣвающіяся знамена.)

Марсѣ.

Раздавайся звукъ мечей,
Лейся, лейся шокъ кровавый,
Поле брани — поле славы!

Явленіе 2.

Блестаетъ молнія. Сильные удары грома. Меркурій спускается на облакъ.

Меркурій.

Браннолюбивый Марсѣ! завѣшь боговъ
внемли:

Да смолкнешь громъ войны къ спокойствію
земли,
И шамъ, погибель гдѣ во слѣдъ шебѣ спремшся,
Гдѣ въ ослѣпленьи лющъ себѣ подобныхъ
кровь,
Да крошка пишина надолго водворшся,
Съ кошорой пришекупъ и счастье и любовь—
И Музы, веселясь, здѣсь вспрѣшяпъ Аполлона:
Злапыми спрѣлами онъ въ адъ низвергъ
Пиѥона,
Онъ злобу покараль, и въ торжешвѣ идешъ,

Разгнавъ печали мракъ , разлишь опрады
свѣшь.

Опселѣ удались : Зевесъ вѣщаешь мною.
Спокойсшвія людей не возмущай войною !
Громодержашель Зевсѣ мольбами ихъ смяг-
чень.

*(Марсѣ безмолвствуетъ и потрясаетъ въ до-
садѣ копьелѣ.)*

Почто же медлишь, Марсѣ ? и гнѣвомъ рас-
палень,

Съ улыбкой яроспи копьемъ шы потрясаешь?

Сверши, что Царь боговъ велишь,

Уже ли шы не знаешь,

Что непокорныхъ онъ перунами разишь!

(Ударѣ грома. Меркурій отлетаетъ.)

Явленіе 3.

*Марсѣ въ недоумѣніи не знаетъ на что
рѣшиться. Юноши и дѣвицы въ бѣлыхъ оде-
ждахъ выходятъ на театрѣ. Въ рукахъ у
нихъ лавровыя вѣтви и вѣнки.*

Хорѣ.

Прошло время горести, спона ;
Сердца всѣхъ объемлетъ воспоргъ ;
Идетъ, побѣдишель Пиеона ,
Лучезарный нашъ богъ !

(Марсъ удаляется съ негодованіемъ. Сражавшіеся воины подають другъ другу руки и другъ друга обнимають, снимають шлемы, бросаютъ щиты и мечи, которые составляютъ пирамиду, образующую трофей.)

Хоръ воиновъ.

Въ шумъ упорна сраженья,
 Храбрымъ побѣда славна;
 Но сладостенъ часъ примиренья,
 Намъ дружба въ блаженствѣ дана.

Общій Хоръ.

Прошло время горести, спона;
 Сердца всѣхъ объемлетъ воспоргъ;
 Идетъ лучезарный нашъ богъ,
 Побѣдитель Пивона!

Явленіе 4.

Слышны звуки пріятной гармоніи. Аполлонъ въ блестящей одеждѣ, въ вѣнкѣ лавровомъ, съ золотымъ колтаномъ за плечами и съ лукомъ въ рукахъ появляется на горѣ; едва онъ показывается, какъ весь театръ освѣщается. Юноши и дѣвицы бросаютъ къ ногамъ его лавровыя вѣтви и вѣнки.

Аполлонъ, остановясь на срединѣ горы.

Да процвѣтаетъ весна въ пустынной сей
 спранѣ!

(Когда онъ произноситъ сіи слова, дикая пустыня превращается въ прелестную долину, скалы въ лавровыя рощи, цвѣтники и гроты, обросшіе розами.)

Аполлонъ сходитъ съ горы. На встрѣчу къ нему выходятъ изъ рощъ *Музы*. *Клія* держитъ свипокъ, *Талія* маску, *Мельпомена* кинжалъ, *Евтерпа* лиру, *Ерата* свирѣль. *Уранія* препоясана зодіакомъ. *Калліона* съ злапою трубой, *Полимнія* съ вѣнцомъ въ рукѣ, *Терпсихора* съ гирляндой цвѣщовъ. На *Братъ* и *Терпсихоръ* вѣнки изъ розъ, на другихъ лавровые.

Аполлонъ.

Я злобу низложилъ: колчанъ не нуженъ мнѣ,
Не нуженъ лукъ злапой и стрѣлы быспро-
лешны.

(бросаетъ лукъ и колчанъ.)

О дщери Зевсовы безсмертны!

Подайше лиру мнѣ, да воспую потъ день,
Въ который я сразивъ ужаснаго Пиеона,
Вступаю снова въ мирну сѣнь
Лѣсовъ лавровыхъ Геликона.

(Онъ беретъ лиру изъ рукъ *Евтерпы* и садится въ одно изъ гротовъ, находящихся впереди театра. По сторонамъ его *Музы*, нѣсколько далѣе юноши, дѣвы и воцны.)

Аполлонъ играетъ на лирѣ.

Регитативъ, нагнающийся грохкиль, возвышеннымъ тонъ и окантивающийся тихою, сладостною мелодіею.

Самъ адъ

Извергъ чудовище изъ пропасти бездонной.

Его дыханье — ядъ злопворной,
И пламенный, свирѣпый взглядъ.

Пиѳонъ повсюду озирая,
Когтями камни раздиралъ,

И кольцами хребетъ чешуйчатый свивая,
Шипѣль и жалами сверкалъ.

Предъ нимъ — шьма небо заспилала,
Земля спонала

Подъ шыгосшыю его;

Но я изшелъ съ нимъ въ брань, и съ лука
моего

Злашыя стрѣлы полешѣли,
Какъ молніи Пиѳона жгли,
И шотъ, кого со страхомъ зрѣли —
Исчезъ съ лица земли!

Такъ предъ лучами просвѣщенья
Невъжешва исчезнешъ шьма;
Такъ смѣлаго полешъ ума,
Разгонитъ мрачность заблужденья!
Познаній свѣтъ — источникъ благи.
Цвѣшише, мирныя науки!

Сладостны звуки

Раздайшесь восшоргомъ въ сердцахъ.

Общій Хоръ.

Цѣштите, мирныя науки!

Сладостны звуки,

Раздайшесь восторгомъ въ сердцахъ.

Аполлонъ, обращаясь къ юношамъ.

Коль болѣ всего вы чштите просвѣщенье,

Пребудьте навсегда въ бесѣдѣ мирныхъ Музъ:

Онъ возвысяшъ духъ и образуютъ вкусъ.

(Къ Музамъ.)

А вы, ихъ одобряя рвенье,

Повѣдайте для нихъ труды пріятны вамъ,

Да каждый изберешъ себѣ спезю въ вашъ

храмъ.

Уранія (къ юношамъ.)

Я безпредѣльность протечаю,

Горящихъ сонмъ свѣшилъ въ эфиръ созерцаю,

Ихъ мѣрю быспрый бѣгъ и звѣздныхъ цѣпь

круговъ,

И свѣша вѣчный храмъ являя взорамъ смерт-

нымъ,

Даю познать умамъ надмѣннымъ

Ничпожество людей, величіе боговъ.

Клія.

Въ награду правотѣ, пороку въ наказанье,

Я всѣ событія на судъ вѣковъ предамъ,

И предковъ доблестныхъ изобразивъ дѣянья,

Пушь къ славѣ укажу позднѣйшимъ ихъ

сынамъ.

Полиинія .

Кто именемъ гремѣль, вселенну удивляя,
 Иль подданнымъ своимъ на провъ былъ
 опецъ,

Тому готовлю я безсмертія вѣнецъ,
 Цвѣшны вишійства разсыпая.

Евтерпа (поетъ, играя на цитрѣ.)

Я звукомъ пріятныхъ струнь цитры
 Смягчила жестокіе нравы,
 И гордыя души смирила,
 Прельщая сердца.

*

Я лиру дала Амфіону,
 Чшобъ властвовать чувствами смерт-
 ныхъ:

Орфей къ сожалѣнью подвигнулъ
 Безжалостный адъ.

*

Гармоніей слухъ восхищая,
 Я сладостны слезы изшоргла;
 Суровостью рока гонимымъ
 Оспраду дала.

(Калліона поетъ, играя на лирѣ.)

Пою временъ протекшихъ славу,
 Пою великія дѣла
 Вождей, гремѣвшихъ въ брань кроваву,
 И Сѣверна полетъ Орла ,

Предтекса знаменамъ побѣднымъ,
 Съ кѣмъ посланъ миръ спранамъ смя-
 пеннымъ,
 Земли любимца и небесъ.
 На славу подвиговъ взирая,
 Возторгъ въ Поэсахъ воскресляя,
 Веду ихъ въ обласи чудесъ.

Ерата.

А я пою любви пріятность,
 Невинной, сельской жизни сладость.
 Мои герои—паслушки!
 Для нихъ и хижины довольно,
 Лишь бы подруга въ ней была;
 Ихъ жизнь беспечна, весела,
 Какъ ручеекъ—всегда спокойна—
 Скупецъ, о золотѣ поскуй!
 Паслухъ богатство презираешь;
 Подруги милой поцалуй
 На золото не промѣняешь.

Терпсихора (поетъ и танцуетъ.)

Есть время заботъ,
 Есть время веселью!
 Тогда въ хороводъ,
 Миршъ нѣжныхъ подъ шѣнью,
 Шумливой полной
 Сбѣришь рѣзвисься,
 Рукою съ рукой
 Другъ съ другомъ кружисься.—
 Пущь время бѣжись

Отъ васъ пороливо:
 Тотъ прожилъ счастливо,
 Чья жизнь пролетишь
 Въ забавахъ невинныхъ;
 Кшожь мѣры не зналъ
 Въ желаньяхъ обширныхъ—
 Тотъ время шерялъ!—
 Съ мечтами въ предметѣ,
 Кто счастья на свѣсѣ
 Другаго искалъ—
 Тотъ время шерялъ!
 Не лучше ли вздоры
 Изъ мыслей прогнашь?
 И въ слѣдъ Терпсихоры
 Рѣзвисься, плясашь?

Хоръ.

И въ слѣдъ Терпсихоры
 Рѣзвисься, плясашь!

Аполлонъ.

Но что любимая споль мною Мельпомена
 Желаетъ горесъ скрышь, копорою смущенна?
 И даже—Талія скучна подругъ въ кругу?

Талія (улыбаясь.)

Печальный разсказать я случай не могу;
 Но сердце спѣснено шоскою.

Мельпомена.

Внемли мнѣ, Аполлонъ! Незапноюль бѣдой,
 Иль грозныхъ адскихъ силъ враждою,
 Неопвращимую судьбой,
 Величественный храмъ, въ которомъ обитавъ,
 И вмѣстѣ съ Таліей гдѣ власшь я раздѣляю,
 Гдѣ зеркало она порокамъ подаетъ
 И колкой шушкою сшыдишь развращенный
 свѣтъ;
 Гдѣ въ шрепешъ приводя, я слезы испоргала,
 Блескъ добродѣтели, злодѣйства казнь являла;
 Сей храмъ, въ полночный мракъ — объялся
 вдругъ огнемъ
 И спрашно воспылалъ.—Въ опчаянны моемъ
 Я зрѣла: черный дымъ, клубяся, разшился,
 Съ нимъ рдяна зарева ужасный свѣтъ сливался;
 Я зрѣла—съ шрескомъ онъ, разрушась, въ
 пламя палъ!
 Взывала и мой вопль къ тебѣ не достигалъ!
 (Въ сіе время, по мановенію Аполлона, лавровая роща раздается и является великолѣпное зданіе, представляющее фасадъ театра; на фронтонѣ его горитъ надпись: возобновленъ.)

Мельпомена (въ изумленіи.)

Но что?...о небеса! не взоръ ли обольщаешь?

(подходитъ къ храму)

Нѣтъ, это не мечта!...сей храмъ вновь воз-
никаетъ!

*Всходитъ на ступени и обзрѣваетъ съ вос-
хищеніемъ зданіе.)*

Великолѣпнѣе блиспаетъ больше онъ!

Нашъ храмъ восстановленъ

*(сходитъ и влѣстѣ съ Талією по-
вергается къ ногамъ Аполлона)*

шобою, Аполлонъ!

Хоръ Музъ.

Твоимъ возрѣнемъ озаренный
Храмъ Таліи и Мельпомены
Изъ пепла возродясь возсталъ
И новымъ блескомъ возсіялъ!

Общій Хоръ.

День торжесшвуйше незабвенный!
Храмъ Таліи и Мельпомены
Изъ пепла возродясь возсталъ
И новымъ блескомъ возсіялъ!

*Аполлонъ всходитъ къ портику храма.
Съ одной стороны его Мельпомена, съ дру-
гой Талія. Юноши и дѣвицы составляютъ
балетъ, во время котораго украшаютъ стол-
бы зданія цвѣточными гирляндами.*

Б. Ѳедоровъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДИИ.

Театръ представляетъ залу въ домѣ Стихокрапова Бюро, письменный столъ, уложенный кипами бумагъ и шкафъ съ книгами стоятъ напередѣ сцены.

СТИХОКРАПОВЪ (*одинъ въ сертукѣ, туфляхъ и колпакѣ, за письменнымъ столомъ, держа перо въ зубахъ и считая строчки.*)

Здѣсь двадцать три стиха, еще одинъ
 сюда,
 Да шамъ десяшка съ два — ну право хопъ
 куда!
 Что я большой Пипшъ, мнѣ скажупъ всѣ
 безъ лести.
 Однакожь шакъ шрудясь, мнѣ не грѣшно по
 чеспи
 И ошдохнуть шеперь. Походимъ! (*вставая*)
 Уфъ! усшаль!
 Теперь девяшой часъ, а я въ чешыре всшаль
 И сорокъ намахаль! Такъ почемужь при-
 дешся?

(считаетъ по пальцамъ)

По десяти на часъ! — Другой шакъ бешся,
 бешся,
 А сполько въ цѣлый день не можешъ на-
 писашъ.

Да какъ и требовать? По правдѣ коль ска-
 зашь
 Нельзя же всякому вѣдь съ Геніємъ ро-
 диться;
 Иначебъ опъ другихъ чѣмъ можно опи-
 саться?
 А пакъ какъ нынче насъ не скоро гдѣ
 найдешь,
 Такъ всѣми и почтень. На улицуль пойдешь?
 Народъ весь за тобой, куда ни повернешься,
 И даже опъ ребята прохода не добьешься.
 Одно бы съ языка словцо лишь сорвалось,
 Глядь: вмигъ ужъ въ городѣ по всѣмъ и
 разнеслось,
 Какъ бы оракула какое изрѣченье. —
 Что значить умъ имѣшь! . . . . (*любясь на
 кипу своихъ сочиненій*) Какое утѣшенъе!
 Вѣдь время надобножь пакъ много напи-
 сать!
 Гмъ! время?—Надо умъ! умъ! умъ! а намарашь
 Не долго всякому, да все-то будешь скверно.
 Ужь что ни говори, а можно класть на-
 вѣрно,
 Что Стихокраповыхъ не много въ свѣтѣ
 есть!
 Не много? никого! Державинъ? Эка честь!
 Что Оду: Богъ скропаль, да пѣша имъ Фе-
 лица;
 Такъ ужъ и думающъ, что онъ большая
 пшица!

Кшожь? . . . Дмитріевъ? . . . Крыловъ? Ха!
ха! ха! Крыловъ!

Во всю-шо жизнь свою онъ написалъ лист-
ковъ

Десяшковъ пять иль шесть, книжонки вошь
такія!

Нѣтъ! А у насъ такъ вошь, вошь кипы
здѣсь какія!

Вошь столько напиши! Да ужь не Басни
шущь!

Попробуй кшо, возмись — нѣтъ, завтра!
подождущь!

На спихошворный бой всѣхъ смѣло вызы-
ваю!

О кровные мои! я вамъ цѣны не знаю!

(поднявѣ кипу тетрадей)

Эге! какъ тяжело! Тутъ вѣсу пуда три!

Вѣдь радость и смотрѣшь, что ты ни
говори:

Все есть! Трагедій ли? Вошь здѣсь! По-
слапья, Оды,

Баллады, импромптю, стихи на новы
годы . . . . .

Всего не перечтешь! Да и нарочно въ заль
Изъ кабинета все сюда я переклалъ,

Чшобъ кшо бы ни вошелъ, въ глаза шакъ
и бросалось.

Вошь напрымѣръ: на дняхъ сюда бышь обѣ-
щалась

Графиня Знашова. Щеспи еще нѣтъ дней
 Ея приѣзда къ намъ; о славъ же моей
 Она, я думаю, давнымъ давно ужъ знаетъ!
 Она вошь входитъ здѣсь, вошла, вошь при-
 сѣдаетъ.

Я ей поклонъ, къ рукѣ.— „Здоровыль вы?“—
 Здоровъ! —

Ну шупъ мы съ ней еще десяшка два, при
 словъ

Потомъ мнѣ говоришь: „меня вы изви-
 ните,

Что спану васъ просить!“—О чемъ? Лишь
 прикажите,

Исполнено пошчасъ, въ секунду! — „Вы
 Поэтъ?“

— Кто? я?... признаться... такъ... — „Вы
 скромны очень!“ — Нѣтъ!

По чести... я... пишу... — „Я слышала
 прекрасно!“

—О много чести мнѣ! Вы льстите!—„Нѣтъ,
 напрасно!

Прочтите что нибудь!“—Извольте! но
 вѣдь я... —

„Безъ отговорокъ. Ну утѣшьте же меня!“—
 Вошь я беру шепрадь; онѣ съ женой са-
 дяшся,

Начну — что спихъ, у ней такъ слезы и
 капятся!

О радость! О восторгъ! Я... ахъ! я внѣ
 себя!

Какое счастье Пийшомъ быть какъ я! . . . .

Однакожь оставляшь не надобно мнѣ
дѣла —

Докончишь, чтобъ жена проснувшись не ус-
пѣла.

А шо, какъ чоршъ ее подыметъ ото сна,
Такъ полно ужъ, прощай! Прямая Самана!
Пойдетъ спучашъ, кричашъ: „да что за со-
чиненье?

Да что въ твоихъ спихахъ? “ — О! охъ!
непросвѣщенье

Однакожь вѣдь пора! Одну спрокую вписашь,
Да полно и конецъ! — начашъ было, начашъ!

*(Садится важно на стулъ, кашляетъ, по-
правляетъ колпакъ, придвигаетъ тернилницу
и думаетъ.)*

И. Великопольскій.

~~~~~

ОМОНИМЪ *).

Вещь чудную во мнѣ, чашашель, ты найдешь,
Когда подробнѣе разсмотришь, разберешь
Мои различныя дѣянiя и свойства :

---

*) Недавно изобрѣшенъ въ Германiи новый родъ загадки, названный по гречески *Омонимъ*, а по нѣмецки *Gleichname*; что значить *Тождесловъ*, или *Сомненникъ*. Загадка сія дѣлается шакимъ обра-

Я часто въ война вселяю духъ геройства;
 Небесныя шѣла извѣстны спали мной;
 Огня ты не спрашись тогда, какъ я съ
 шобой;
 Пришомъ же иногда шакъ высоко бываю,
 Что храмы и дворцы ногами попираю;
 Имѣю сходшвенность съ людьми — и вопшь
 она:
 Наружность бѣлая, а внутренность черна.

Никостѣ.

Ш А Р А Д Ы.

1.

Начальное мое уродъ большой, мохнашой,
 Ужасной съ виду и рогашой;
Вторая часть слывешъ священною горой;

зомъ: должно найпи слово, которое имѣло бы различныя значенія, и каждому изъ сихъ значеній дѣлать особенное опредѣленіе, по правиламъ прошыхъ загадокъ. На рускомъ языкѣ можно прискашь весьма много словъ, могущихъ служить *Омонимами*, напр: *коса* (косящъ сѣно и заплешающъ волосы); *Орелъ* (птица и городъ); *Атласъ* (хотя не руское, но приняпо, означающее собраніе лавкаршъ и шелковую матерію) и проч. — *Прим. Сов.*

А *цѣлое* даешь въ опшпавкѣ хлѣбъ, покой
И образуешь умъ незрѣлой, молодой.

И. Покровскій.

2.

Чашпашель! *первое* ты ежедневно пьешь;
                    Второе въ азбукѣ найдешь;
А *цѣлое* мое ты птицей назовешь.

П. Теряевъ.

3.

Святымъ угодникамъ, кпо въ слѣдъ идши
                                                            желаешь,
Топъ *первое* мое охотно соблюдаешь;
Послѣднеежь распешъ во множесшвѣ въ
                                                            лѣсахъ,
Оножь играетъ роль во всѣхъ похоронахъ;
А *цѣлое* тебѣ извѣстно безъ сомнѣнья:
Ты въ ономъ сладкое найдешь успокоенье.

В. К. . . ст. . . виѣб.

Изъ помѣщенныхъ въ Но XVIII Шарадъ
первая значить *Вы—я*, вторая *Кипа—рисѣ*,
третья *Мор—два* и четвертая *Лалпа—да*.


~~~~~  
 П Р О З А .  
 ~~~~~

СУДЪ ПАРИСА.

(Изъ *Lettres à Emilie sur la Mythologie.*)

Молчаливая ночь оканчивается мирно свое печеніе. Аврора дремлетъ еще на розовомъ ложѣ; но стараніе нравишься давно уже бодрствуешь. И можно ли проводишь во снѣ утро предъ битвою? Уже Юнона и Минерва тайно готовяшь себѣ побѣду. Важное искусство убранства помогаетъ природѣ и даже божеству.

Но чѣмъ занимается Венера въ сіи драгоценныя минуны? Не могу сказать тебѣ, Эмилія. Извѣстно только, что она ввечеру, послѣ пира боговъ, скрылась съ Бахусомъ. Тайность за ними послѣдовала; прочаго никто не знаетъ.

Наконецъ день является, и роковый часъ наступаетъ. Богини, побуждаемыя завистью и любопытствомъ, собираются толпами на Олимпъ. Всѣ устремляющъ взоры на гору Иду. Тамъ прекрас-

ный Парисъ садится подъ древнимъ дубомъ, съ яблокомъ въ рукѣ. Юнона предспаешъ ему первая. Величественно сходишь она съ колесницы, везомой двумя павлинами. Божественный спанъ, внушающій почтеніе взоръ, благородная, гордая поступь, озаренное лучами вѣнца чело, держащая злapyй скипетръ рука—все возвышаетъ въ ней Царицу бессмертныхъ. Судья, неподвижный опъ изумленія, ощущаетъ священный претепь. Къ несчастью

Почтенье и любовь

Не могутъ никогда дружиться:

Почтеньемъ спроси хладися,
Оно горящую мгновенно гаситъ кровь.

Судья претепалъ еще, когда увидѣлъ Минерву. Не знаю, какое тайное очарованіе окружало Богиню. Сладостною, непобѣдимую прелестью плѣняла она сердца. Ясность чела умѣряла суровость взоровъ. Улыбка Минервы доспавила бы ей побѣду; но, спуспя нѣсколько минушь, ея важный, однообразный видъ удержалъ въ рукѣ Судьи яблоко, гошовое уже выпасъ. Признаюсь, Эмилія, на мѣспѣ

Париса я сдѣлала бы тоже. Однако не
почти меня врагомъ Минервы.

Не говорю тебѣ, что мудрость ослабляетъ
Вліянье красоты;

Что строгость нѣжности огня не охлажда-
даешь,

Мнѣ ясно доказала ты.

Но согласишься, привѣпнымъ разгово-
ромъ

И взглядомъ доброта скорѣй насъ побѣдишь,

Чѣмъ сумрачнымъ суровость взоромъ,

И долѣ власъ свою надъ сердцемъ сохра-
нишь.

Не говорю тебѣ, что скромностью
любезной

И самая краса не дѣлалась милѣй;

Но ты признаешься, о другъ души моей,

Что, добродѣтели не оскорбивъ небесной,

За сердце, милое для насъ,

Пожертвовать своимъ во всякой можно
часть.

Не говорю тебѣ, что бы сопротивленье,

Обдуманная выраженья,

Холодность не были достойны одобренья.

Все это хорошо: но выслушай меня,

Минерву яблокомъ не наградила Судья.

Вотъ является Венера. Она почти забыла условленное время. Ея русые волосы спруились въ беспорядкѣ по челу, на кошоромъ разцвѣшали розы наслажденія, небесный поясъ былъ до половины развязанъ, взоры испаявали въ упоеніи, уста горѣли сладоспрасптімь. Весь Олимпъ не усумнился, что Венера споль же мало покоилась, какъ Юнона и Минерва; но всѣ Богини согласны были въ томъ, что она бодрспвожала не для убранспва, и справедливо.

Венера съ Бахусомъ минуны провела
 Подъ тѣнью Тайноспи надежной;
 Трикрашы машерью прелеспная была:
 Родились Граціи отъ сей любви нѣжной.

При видѣ Ципереи, Паспухъ вздыхаешъ, смущаешся и роняешъ яблоко. Юнона, Минерва, собравшійся Олимпъ, все предъ нимъ исчезаешъ; онъ видишъ одну Венеру и, просперши руку, хочешъ подашъ ей яблоко.... Оно уже лежало у ногъ Богини и Олимпъ рукоплескалъ!

Не удивишельно, что важность забываешъ

Въ сей мигъ судья молодой:

Предъ милой онъ красой

Невольню яблоко роняешъ.

Не спану описывашъ шебѣ, Эмилиа, досаду соперницъ; не знаю живописца, который могъ бы выразить всю ихъ ярость.

Многіе писатели повѣспвуютъ, что до суда Париса, всѣ при Богини покушались каждая привлечь Судью на свою сторону. Юнона предлагала ему въ награду величіе, Минерва мудрость, Венера прелестнѣйшую женщину въ свѣтѣ. Венера сдержала слово и помогла ему въ послѣдствіи похишить прекрасную Елену, супругу Менелая; но Греки соединившись, опмстили за сіе наглое похищеніе. Десять лѣтъ осаждали они Трою; наконецъ ненависть Юноны и Минервы довершила паденіе Иліона.

Вскорѣ расскажу я шебѣ, Эмилиа, о ужасныхъ дѣйствіяхъ ихъ гнѣва.—Если бы я, подобно Парису, получилъ нынѣ яблоко для Юноны, Минервы и Венеры, то не оскорбилъ бы ни одной изъ нихъ и опдалъ бы яблоко—шебѣ. Такимъ образомъ

Пріятности въ шебѣ природныя вѣнчая
И горделивое величіе съ умомъ,

Вогинь бы примирилъ правдивымъ я судомъ,
Триумфъ межъ ними раздѣляя.

И. Покровскій.

О СРЕДСТВАХЪ УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ КАКЪ НАУКИ.

Словесность, какъ собраніе произведеній въ прозѣ и стихахъ, вездѣ предшествовала умозрительной своей части. Прежде, нежели Исократъ началъ писать правила для краснорѣчія, Аристотель для стихотворства, Греція уже гордилась Омеромъ, Пиндаромъ, Софокломъ и Платономъ. Въ Римѣ, за долго до Квинтилиана, жили: Юлій Цезарь, Цицеронъ, Горацій, Виргилій и другіе славные писатели. Въ новѣйшія времена происходило тоже самое. У Французовъ до Лагарпа написано все, чѣмъ заставили они уважать свой языкъ и сдѣлали его едва ли не всеобщимъ. Въ самыхъ искусствахъ, по преимуществу называемыхъ изящными, подобнымъ образомъ практическая часть упредила успѣхами теоретическую. До Винкельмана и Бушер-

века, разкрывшихъ тайну изящнаго, Европа восхищалась безцѣнными произведеніями древнихъ и новыхъ художниковъ.

Это для насъ Рускихъ нѣсколько упѣшительно. Можно ли упрекать насъ, что, имѣя Ломоносова, Державина, Карамзина, Дмипріева, Озерова, Крылова, Жуковского, Батюшкова и подобныхъ имъ, мы еще не имѣемъ хорошей теоріи своей Словесности? Наше время для сего занятія только что настало. Теперь только, можно сказать, истинный вкусъ въ Словесности у насъ образовался. Царствованіе АЛЕКСАНДРА, подобно царствованію Августа, утвердило и нашу славу и наше счастье и нашъ языкъ на той степени совершенства, которую въ дали показалъ намъ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ и у которой мы такъ близко были во времена ЕКАТЕРИНЫ II.

Какимъ же образомъ долженъ поступить поэтъ, кто захочетъ обработать умозрительную часть нашей Словесности? Подобный вопросъ лучше бы предоставить сужденію или цѣлаго ка-

кого нибудь общества людей, свѣдущихъ въ Словесности, или произволу того, кто рѣшился принять на себя сей трудъ. Между тѣмъ я считаю позволительнымъ всякому открывать свои мысли, особенно же о предметѣ, къ которому онъ привязанъ. Сии мысли, по крайней мѣрѣ, могутъ родить въ другомъ сомнѣнiе — а это обыкновенной путь къ истинѣ.

Наука Словесности, принимаемая не совсемъ въ обширномъ смыслѣ, заключается въ себѣ три части: Грамматику, Риторичу и Поэзiю. Она сдѣлалась бы полезнѣе и (въ чемъ главное достоинство теорiи) полезнѣе, еслибы прибавили четвертую часть, кою называю *Характеристики классическихъ писателей*. Сколько мнѣ извѣстно, ни въ одной изъ нашихъ учебныхъ книгъ, писанныхъ для преподаванiя Словесности, не найдется короткаго, но вѣрнаго изображенiя отличительности образцовыхъ авторовъ нашихъ. Я согласенъ, что у насъ еще ихъ немного, однакоже есть: и такъ не обязанъ ли обучающiйся Сло-

весности знать объ нихъ , чѣмъ различается ихъ слогъ , кто сколько произвелъ дѣйствія въ распространеніи испинно изящнаго вкуса? Характеристика , воображаемая мною , замѣняема была у насъ до сихъ поръ (и то въ рѣдкихъ книгахъ) сухими біографіями. или, правильнѣе сказать , послужными списками писателей , припомъ не однихъ образцовыхъ , а всѣхъ , копорые писали много. Кромъ скуки, какую долженъ почувствовать всякой, перечитывая годы рожденія , чинопроизводства и смерти автора, числа его піесъ и проч. сіи біографіи дають ложныя понятія о писателяхъ. Ломоносовъ и Сумароковъ покажутся въ нихъ одинаковыми свѣздами нашей Словесности — и потому, что они въ одно время жили , и потому, что въ свое время всѣми были уважаемы.

Предположивъ, что сіи четыре части въ наукѣ Словесности необходимы, сдѣлаемъ еще вопросъ: полезно ли будетъ сочинителю теоріи Руской Словесности принять себѣ за образецъ какое нибудь иностранное сочиненіе , въ

семь же родъ написанное? Замѣтимъ, что у всякаго народа есть свои коренныя приемы при составленіи рѣчи, а въ произведеніяхъ словесности оплительный духъ, любимыя красоты; по сему, руководствуясь иностраннымъ сочиненіемъ, надобно будетъ или только слегка объ эпозъ упомянуть въ какомъ нибудь примѣчаніи, или вовсе умолчать. Не сдѣлается ли для насъ сія теорія тѣмъ же, что Всеобщая или Философская Грамматика для обучающагося какому нибудь особенно языку?

Предначертаніе или планъ книги долженъ наиболѣе занять сочинителя. Я здѣсь говорю о книгѣ учебной, а учебная книга не должна быть слишкомъ велика. Между тѣмъ надобно постараться, что бы окончившій курсъ Руской Словесности въ состояніи былъ послѣднѣйшъ безошибочно всякое произведенія оной. Какъ же соединить въ ней двѣ противоположности--полношъ съ краткосшю? Если назначить ее для употребленія преимущественно Рускимъ и тѣмъ иностранцамъ, которые въ состояніи уже понимаютъ нашихъ писателей; то

легко можно многія мѣлочныя подробности оставить. Заключимъ, напримеръ, все въ небольшихъ прехъ книжкахъ или помахъ, изъ коихъ въ первомъ будущъ помѣщены правила Прозы, во второмъ правила Поэзіи, а въ третьемъ Характеристика лучшихъ нашихъ писателей.

Изящная проза, единственная цѣль первой части теоретической Словесности, основывается преимущественно на правильности выраженій, красотѣ ихъ и особенномъ приличіи по тому предмету, о которомъ говорять, или пишутъ. Правильность языка есть дѣло Грамматики, но она тѣсно соединена съ надлежащимъ печеніемъ мыслей. Чтобы раскрыть вдругъ по и другое, надобно начать съ раздробленія или анализа простыхъ предложеній. Это познакомишь читателя съ техническими названіями и сущностью частей ихъ; сверхъ того послѣ легче будетъ опредѣлить случаи, при которыхъ сіи части перемѣняють мѣста въ словосочиненіи. Изъ сего видно, что шупъ помѣщена будетъ самая малая часть Ло-

тики и Грамматики, однакожь и самая важнѣйшая для предполагаемой цѣли. Прибавимъ къ этому обыкновенные способы распространенія простыхъ предложений, спараясь впрочемъ сближашь ихъ подъ одни главные источники — способы соединенія ихъ въ большихъ сочиненіяхъ, и тогда кончашся двѣ длинныя главы, извѣстныя въ Рипорикахъ подъ именемъ *Изобрѣтенія* и *Расположенія мыслей*. Говоря о красотѣ прозы, нельзя будетъ не упомянутьъ объ украшеніи рѣчи пропами и фигурами, хотя сіи шермины, съ безконечною цѣпью подобныхъ названій, невольное возбуждають отвращеніе отъ науки изящной прозы. Къ сожалѣнію эта часть въ Рипорикѣ сдѣлалась любимой многихъ учившей Словесности: не отъ того ли, что больше половины въ книгѣ можно занять примѣрами на пропы и фигуры? Спраннѣе всего, что, говоря о прозѣ, безпрестанно беруть примѣры изъ Поэзіи. Уже ли одною дорогою идушь къ совершенству прозы и совершенству стихотворства? Можно бы, кажешся, проходя эпошь лабиринтъ,

выбравъ ближайшій пупъ къ цѣли. Украшеніе рѣчи, называемое пропомъ, происходитъ отъ употребленія словъ въ иносказательномъ, не собственномъ ихъ значеніи; а фигура рождается всякой разъ, когда опшсупаюпъ отъ обыкновеннаго грамматическаго словосочиненія. Зачѣмъ же изчисляпъ сіи неизчислимые случаи? Зачѣмъ выдумывапъ названія, когда сущность перемѣны сама служипъ названіемъ? Кто не догадается, что перемѣна утвердительныхъ предложеній въ вопросительныя должна назваться фигурою *Вопрошеніемъ*? Одинъ, или два примѣра, самые простыя, поставленные подъ главными замѣчаніями о сущности переноснаго языка, могли бы замѣнить всю теорію проповъ и фигуръ. Но оставимъ это сухое, бесплодное поле въ наукѣ словесности.

Подъ именемъ особеннаго приличія выражений, свойственныхъ каждому предмету, я разумѣю искусство не выпустать за предѣлы каждаго рода прозы. Следственно послѣднее отдѣленіе сей части будетъ заключапъ въ себѣ изчи-

сленіе всѣхъ родовъ прозы и опличительныхъ свойствъ каждаго изъ нихъ. Принимая, согласно мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, только пять родовъ прозы: описательный, историческій, дидактическій, орапорскій и собственно называемый письменнымъ, можно будешь полезнымъ и самымъ пріятнымъ образомъ занявшись и доказашь, что не форма опредѣляетъ родъ прозы, а сущность ея, послѣ сего изчислишь совершенства каждаго рода, а наконецъ показашь, какъ легко переходяшь (хотя не къ чести своей) самыя лучшія писатели изъ одного рода въ другой. Въ семъ обзорѣніи правилъ для изящной прозы недостаешь теоріи слоговъ. Она оставлена потому, что слогъ, какъ весьма справедливо доказалъ Бушпервекъ, есть опличительность каждаго писателя и не можешь имѣть общей теоріи. Проза, по различію рода своего, принимаетъ у одного и того же писателя особенное направленіе, а слогъ его нигдѣ измѣниться не можешь. И такъ слогъ высокій, слогъ средній, слогъ низкій суть слова почти безъ значенія. Можно ска-

зашь: слогъ Тита - Ливія, слогъ Іоанна Миллера, слогъ Карамзина, попому чшо эшо будешь изображашь способы выраженій, каждому изъ нихъ свойственныя, копорые можно чувспвовашь и въ важныхъ и въ простыхъ ихъ сочиненіяхъ.

Поэзія, какъ душа всѣхъ прекрасныхъ искусствъ, въ обширномъ своемъ значеніи, не подлежишь правиламъ Словесности; попому чшо не слова, но извѣстной мѣрѣ разположенныя, составляютъ ее, а опличный, одною природою внушаемый способъ чувспвовашь и чѣмъ нибудь изьясняль вдохновенныя свои чувспвованія. Но такъ какъ слова, по своей удобности, легче всякаго орудія могушь выражашь всѣ порывы воспламененнаго воображенія, попому Поэзію и сдѣлали частію Словесности. Въ ней два главныхъ опдѣленія: механизмъ стиховъ и теорія Поэзіи съ раздѣленіемъ ея на роды. Механическая частъ Поэзіи, при всей своей сухости, можешь сдѣлаться занимательною, когда обрабаташь ее знашокъ, подобный Востокову. Чшо касаеться до теоріи пѣмического искусства, она должна бышь основана

на всеобщихъ законахъ изящнаго, какъ единственнѣйшей цѣли Поэзіи. Мысль—раздѣлишь Поэзію на идеальную и просто естественную — очень справедлива: во-первыхъ пошому, что различіе между сими родами столь же очевидно, какъ на примѣръ, различіе въ живописи между Венеціанскою и Фламанскою школами; во вторыхъ, сіи два рода совершенно обнимающъ всю область разнообразныхъ, почти неизчислимыхъ видовъ Поэзіи. Впрочемъ обыкновенное раздѣленіе ея на четыре рода: лирической, дидактической, эпической и драматической въ наукѣ словесности равнымъ образомъ необходимо, особенно опличительныя свойства каждаго изъ нихъ. Конечно наука Поэзіи не можетъ прозаика сдѣлать поэтомъ: по крайней мѣрѣ правила доспаваютъ случай всѣмъ справедливе судить о произведеніяхъ Поэзіи; съ другой стороны онѣ могутъ укрощать неумѣстные порывы юнаго воображенія. Надобно только различіе между сими родами опредѣлять не формою стиховъ, а сущностію самой Поэзіи, которая тѣсно соединена съ направле-

ніемъ нашихъ чувствованій, тѣмъ болѣе, что въ новѣйшія времена поэмы сдѣлались свободнѣе древнихъ.

Послѣдняя часть Словесности, названная нами Характериспикою классическихъ писателей, у насъ лучше можетъ быть написана по порядку времени, нежели по предметамъ: прозаики и поэмы равное имѣютъ дѣйствіе на образованіе языка. Сверхъ того первыхъ у насъ несравненно менѣе, нежели послѣднихъ, что произвело бы чувствительное неравенство въ раздѣлѣ по предметамъ. Какимъ же образомъ въ многочисленной толпѣ нашихъ авторовъ оплести тѣхъ, которые должны для насъ сдѣлаться законодателями вкуса? На нихъ есть особенная печать — печать совершенства мыслей и выраженій. Авторъ Характериспики больше всего долженъ опасаться, чтобы не смотрѣть на прозаиковъ и поэтовъ съ одной точки зрѣнія. Языкъ—общее орудіе тѣхъ и другихъ—совсемъ не къ одной служилъ цѣли. Если бы прозаикъ, подобно поэту, захопѣлъ доставить намъ сочиненіемъ своимъ одно удовольствіе, а поэтъ

преимущественно постарался бы научить насъ чему нибудь своимъ стихотвореніемъ; тогда они оба, при всѣхъ совершенствахъ языка, показали бы, что не знаютъ своего дѣла.

Обнаруживая свои мысли о наукѣ Словесности, я опнюдь не намѣренъ выдавать ихъ за правила — и надѣюсь, что никто не припишетъ мнѣ столь непрощительнаго самолюбія. Напрощивъ, я съ удовольствіемъ ожидаю буду опроверженія ихъ, потому что оно послужитъ мнѣ руководствомъ въ такомъ занятіи, которое, послѣ должности своей, я больше всего люблю.

Плетневъ.

СМЪСЪ.

Выписки изъ иностранныхъ Журналовъ и писемъ отъ Корреспондентовъ къ Издателю.

Швеція.

Механикъ *Овенъ* въ Стокгольмѣ изобрѣлъ повозку и сани, которыя вмѣщаютъ въ себя отъ 12 до 15 человекъ и движутся безъ лошадей посредствомъ паровой машины. Академія Наукъ разсмотрѣвъ сію повозку и сани, дала ему на дѣланіе оныхъ привилегію. Слышно, будто намѣрены воспользоваться симъ изобрѣпеніемъ для учрежденія почтовыхъ сообщеній — безъ лошадей.

Франція.

Состоящее въ Парижѣ *Дѣтское Общество* для вспоможенія бѣднымъ старцамъ не упоминается въ благородной своей дѣятельности. Оно учреждено Гжею Дюпонъ де Немуръ (*Dupont de Nemours*) съ похвальнымъ намѣреніемъ приучать дѣшей, а особливо дѣвушекъ, къ благотворительности. Всякое дитя, желающее быть членомъ Общества, должно вносить каждую недѣлю по 7 су изъ сбереженныхъ или выработанныхъ

ныхъ имъ денегъ и продолжашъ сїи вносы по крайней мѣрѣ въ печеніе цѣлаго года. Дѣши избираюшъ между себя ежегодно Президента, Вице-Президента, Секретаря и Казначея. Въмѣстѣ съ родителями своими посѣщаютъ они неимущихъ и доносятъ Обществу о ихъ нуждахъ. Каждому спарику, которому Общество рѣшается сдѣлать пособіе, выдаются обыкновенно двѣ хорошія рубашки и серпукъ, изготовленные по возможности самими дѣшми. — Заведеніе, по истинѣ достойное подражанія.

Германія.

Извѣстный Скульпторъ *Даннекеръ* прудился шеперь надъ колоссальнымъ изображеніемъ Спасителя и, какъ слышно, модель уже окончена. Въ Журналѣ: *Емла* пишутъ, что голова Спасителя стоила художнику чрезвычайно много труда (онъ сдѣлалъ для ней 23 различные рисунка) и все не былъ доволенъ своею работою, пока наконецъ не увидѣлъ самый образъ Спасителя, и при томъ два раза сряду — во снѣ. Со многими великими живописцами случалось почти по же самое, когда они прудились надъ изображеніемъ Богоматери. Первое явленіе было опмѣнно ясно, свѣшло и какъ бы изъ чистаго золоша; во вшорый разъ оно со-

крыто было какъ бы подъ понкимъ, воздушнымъ покровомъ. Съ тѣхъ поръ видѣніе болѣе не являлось и художникъ ничего такъ не желаетъ, какъ увидѣть оное еще въ прешій разъ, что бы дасть изображенію возможное совершенство. — Однажды молодая, просная и вовсе незнакомая со свѣтскими уловками дѣвушка, вошла въ масперскую *Даннекера* и при видѣ модели воскликнула: „вопъ нашъ Спаситель!“ На вопросъ же Художника, почему она узнала его, ошвѣчала съ дѣтскимъ просподушіемъ; „никош другой не можешъ бытъ это, кромѣ Спасителя!“

Тироль.

Пишутъ, что въ Графствѣ Тироль, въ мѣстѣ, называемомъ *Пильцѣ-Галь*, гдѣ водятся во множествѣ сурки, уже съ давняго времени не запомняшъ, что бы кто нибудь умиралъ отъ чахотки или другихъ грудныхъ болѣзней: ибо всѣ спраждушіе оными, принимая нѣсколько времени жиръ сихъ звѣрковъ, разведенный въ уксусъ, совершенно исцѣляются. Даже надъ чахоточными лошадьми дѣлали опыты и весьма удачно излечали ихъ симъ способомъ. Это извѣстіе заслуживаетъ вниманіе медиковъ.

Венгерія.

Недавно отпечатана вторая часть прекрасной книги Бюшинга: *Жизнь, искусства и познания Германцевъ въ среднихъ вѣкахъ* (четвертая еженедѣльныхъ извѣстій). Между прочимъ находится тамъ слѣдующая статья, подписанная буквами: *Ksch*, подъ заглавиемъ: *происхождение Маджаровъ*. Чѣмъ неизвѣстнѣе осталось происхождение и поколѣние Маджаровъ, прародителей нынѣшнихъ Венгерцовъ, несмотря на всѣ изысканія Историковъ, тѣмъ важнѣе одно мѣсто въ древнемъ восточномъ описаніи путешествія *Евлія* (см. *Fundgruben des Orients*, часть V, тетрадь 2, стран. 204), которое по словесному близкому переводу значить: „изъ происходящаго отъ Персовъ поколѣнія небранныхъ четыре сына Мендгера суть прародители. Они ушли и поселились въ *Агръ* (Ерла), гдѣ ихъ спросили: кто вы? — *Ma tschar is*, т. е. насъ четверо, отвѣтствовали они. Изъ сихъ словъ: *Ma tschar* составилось въ послѣдствіи времени чрезъ испорченный разговоръ слово *Маджаръ*, откуда произошло наименованіе поколѣнія Маджаровъ.“ — Что Маджары вышли изъ Сѣверной Азіи и въ концѣ IX столѣтія поселились въ древней Паноніи, которая отъ нихъ получила наименованіе Венгеріи, подтверждается и дру-

гими извѣстіями (см. Шлецерова Нестора ч. III, стр. 107 — 145), кои впрочемъ происхождение сего народа оставляють въ большей неизвѣстности. Многіе языкоиспытатели (грамматики, Sprachforscher) думали найти въ Венгерскомъ языкѣ сродство съ Финнскимъ; теперь остается еще, чтобы знающіе сіе дѣло попытались сравнить Венгерскій языкъ съ Персидскимъ, чтобы симъ образомъ подтвердить вышеупомянутое извѣстіе восточнаго путешественника. — Все сіе заимствовано изъ одного новѣйшаго Нѣмецкаго журнала Корреспондентами Издателя *Благонамѣреннаго*. Они присовокупляють съ своей стороны, что имѣвъ случай дѣлать сравненіе между Венгерскимъ и Россійскимъ языкомъ, нашли во многихъ словахъ, а особливо въ тѣхъ, которые приняты въ нашъ языкъ изъ Татарскаго, чрезвычайное сходство. Сообщаемъ здѣсь для примѣра нѣкоторыя изъ сихъ словъ:

Баранъ	Bárány. (выговар. барань)
Быкъ	Bika
Капуста	Káposzta. (капуста)
Свекла	Tzékla (чекла)
Слуга	Szolga (солга)
Собака (кушя) .	Kutya.
Слива	Szilva (силва)
Блоха	Bolha.
Жиръ	Zsir. (в. жиръ)

Колпакъ . . .	Sарка. (шапка)
Шапка . . .	Kalpag.
Туфля . . .	Patsmag. (пачмагъ)
Черешня . . .	Tseresnye. (черешня)
Ключъ . . .	Kults. (кульчъ)
Рожъ . . .	Rozs. (рожь)
Сорока . . .	Szarka. (сарка)
Воробей . . .	Veréb. (веребъ)
Чижъ . . .	Tsis. (чишь)
Сойка . . .	Szajko. (сайко)
Ружье . . .	Puska. (пушка)
Сѣкира . . .	Szekirtze.
Рожь . . .	Ròsza.
Осень . . .	Osz.
Икра (въ обоихъ значеніяхъ, ш. е. рыбья и на ногѣ)	Iкра.
Голубушка (въ обѣихъ значеніяхъ)	Gaïambotska.
Рѣпа . . .	Repa.
Рѣдька . . .	Retek.
Споль . . .	Asztali.
Кошница . . .	Kosár (кошаръ)
Кадка . . .	Kad.
Кадочка . . .	Kádotska.
Обѣдъ . . .	Ebéd.
Вечеря (ужинъ)	Vatsora. (вечора)
Полдникъ . . .	Uzsona (ужона)
Вечерня . . .	Vetsernye.
Мша (обѣдня)	Mise. (мише)

Калачь . . .	Kaláts.
Солома . . .	Szalma (сальма)
Сѣно . . .	Széna. (сѣна)
Чихирь (водка) .	Tsiger. (чигерь)
Шука . . .	Tsuka. (чука)
Карась . . .	Kárász.
Рыбья сѣшь .	Riba heló
Лопаша . . .	Lapat.
Сорь . . .	Szar. (сарь) и п. д.

Краткія выписки, замѣтанія и анекдоты.

Когда Людовикъ XIV въ 1666 году проѣзжалъ черезъ Реймсъ, по Меръ сего города поднесъ ему сушенныя груши и нѣсколько бушылокъ шамошняго вина при слѣдующемъ крашкомъ привѣщевіи: „Государь! мы приносимъ Вашему Величеству то, что имѣемъ лучшаго: наши груши, наше вино и наши сердца.“ Король ударивъ его по плечу, сказалъ: возшъ самое лучшее привѣщевіе!

Другой Меръ, который долженъ былъ говорить Людовику же XIV привѣщевенную рѣчь, вспрѣшивъ его у городскихъ го-

ротъ и представя ему ключи отъ города, сказалъ: „Государь! радость наша при видѣ Вашего Величества столь велика, что...“ Тутъ онъ смѣшался и не могъ продолжать далѣе. Одинъ, изъ придворныхъ, желая вывести его изъ сего затруднительнаго положенія, подхватилъ: „шочно шакъ, радость ваша столь велика, что вы не въ состояніи изъяснить ее.“

Какой-то Французской Король слушая длинную рѣчь, которую говорилъ предъ нимъ Меръ одного небольшого города, и поперявъ наконецъ перифііе, сказалъ ему: *кончи двумя словами*. Меръ оспановился и пошомъ воскликнулъ: *да здравствуетъ Король!*

Бывшій при Людовикѣ XIV Военный Министръ Лувуа общалъ одному Гасконскому Офицеру, просившему за службу свою пенсіона, представилъ его Королю съ такимъ однако условіемъ, что бы не говорилъ предъ нимъ болѣе двухъ словъ. Чшо же сдѣлалъ хитрый Гасконецъ? Онъ подалъ Королю указъ о производствѣ себѣ пенсіона и сказалъ шолько два слова: *Государь! подпишите.*

Одинъ бѣдный риѣмачъ представилъ Папѣ Клименту VII сонетъ своего сочиненія. Лишь только Папа началъ читать его, то и нашелъ, что во второмъ или въ третьемъ стихѣ не достаетъ одной стопы. Онъ замѣнилъ это безграмотному стихотворцу; но пошъ, не смѣшавшись ни мало, сказалъ ему: „извольте, Ваше Святейшество, читать далѣе: можешь быть, найдется тамъ у меня въ котормъ нибудь стихъ лишняя стопа; шакъ одна пойдетъ за другую.“

Едуардъ Говардъ, Графъ Суффолкскій помѣшанъ былъ на стихахъ и во всю жизнь свою не могъ написать порядочныхъ. Однажды читалъ онъ у себя въ кабинетѣ какое-то свое стихотвореніе извѣстному либреттеру, и какъ только дошелъ до описанія красавицы, то вдругъ остановился и сказалъ: „я пишу, сударь, не по воображенію, какъ прочіе наши поэты, а всегда съ натурой.“ Тутъ позвонилъ онъ въ колокольчикъ и сказалъ пришедшему къ нему слугѣ: „позови сюда прекрасные глаза.“ — Входишь чрезъ минушу въ кабинетъ молодая дѣвушка, очень недурная собою.—„Посмотрите, сударь, посмотрите: какіе глаза! Послушайте, посудите, шакъ ли изобразилъ

я ихъ въ стихахъ..... Теперь поди и пришли сюда прекрасной носикѣ. — Прекрасные глаза ушли, а явился вмѣсто ихъ прекрасной носикѣ, попомъ прекрасной ротикѣ, прекрасныя щетки, прекрасная шея и прекрасной станѣ. — Графъ признался своему гещю, что всѣ эти прекрасныя модели стоили ему очень дорого.

Лаци (Lazzi) есть слово принятое во Французскій языкъ изъ Италіянскаго и означающее особенныя ухватки и шушки Италіянскихъ буфоновъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ яснѣе можно видѣшь, что такое Италіянцы и Французы разумѣють подъ симъ словомъ:

Мезешинъ, старинный персонажъ въ Италіянской Комедіи показывается на театрѣ въ эпанчѣ, подъ кошорою что-то у него спрячано. „Что у тебя подъ эпанчею?“ спрашиваетъ его Арлекинъ. — *Кинжалѣ*, отвѣчаетъ Мезешинъ. — Арлекинъ обыскиваетъ его, находить бушылку, выпиваетъ до суха и отдавая ее назадъ Мезешину, говоритъ: „вотъ тебѣ *ножны*.“

Скарамушъ, пришедши къ Арлекину въ библиошеку, находить у него шамъ большой кругъ сыру. „Дай мнѣ эту *книгу*“ говоритъ онъ ему. — Нельзя, отвѣчаетъ Арле-

кинъ, это *оригиналъ*; а оригиналы, какъ ты самъ знаешь, не должны никогда выходить изъ библіотеки.

Гжа Севиные въ одномъ изъ своихъ писемъ къ дочери пишетъ: „вчера за ужиномъ рассказывали, что видѣли на улицѣ Арлекина въ маленькой эпанчѣ, подъ кофрой несъ онъ пребольшой камень. Спросили у него: что ты хочешь дѣлать съ этимъ камнемъ? — Хочу продать домъ, оповѣчалъ онъ, и взялъ нарочно съ собою этошъ камень вмѣсто образчика, что бы показать желающимъ. — Не вздумаешь ли и ты, любезная дочь, употребить подобное средство для продажи своей земли.“

Девизъ есть, такъ сказать, нарисованная метафора или аллегорія. Онъ состоитъ обыкновенно изъ фигуръ, или изображеній, и изъ словъ. Первые называютъ *тѣломъ*, а послѣднія *душею*. Слова, или душа девиза, должны соотвѣтствовать изображенію и только ему одному быть приличны. Вотъ нѣкоторыя избранные девизы:

Для распятаго Спасителя:

Бальзамное дерево, почашее изъ сдѣланныхъ на корѣ онаго насѣчекъ цѣлебный свой сокъ.

Vulneror ut sanem.

(Изъ язвъ моихъ изцѣленіе.)

Для Богоматери:

1. Отсвѣтъ, или отраженіе солнца въ облакахъ.

Quia resrexit.

(Отъ его на меня воззрѣнія.)

2. Померанцовое дерево.

Fructus non adimit florem.

(Плодь не лишаетъ меня цвѣта.)

Для Инфанти:

Гранаша, не совсемъ еще созрѣвшая.

Et nondum gestat matura coronam.

(Когда созрѣешь, будешь съ вѣнцомъ.)

Для гестолубиваго:

Ракета въ воздухѣ.

Roco duri, puche m' inalzi.

(Хоть послѣ исчезнешь, лишь бы только возвысишься.)

Для отшельника:

Огонь подъ пепломъ.

Sepelitur ut vivat.

(Погребень для того, что бы жить.)

Для теловѣка, проливающего слезы раскаянія:

Кубъ, чрезъ кошорый гоняшь воду.

Humor ab igne.

(Огонь производитъ сію воду.)

Для овдовѣвшей женщины:

Одинокая горлица.

Piangio la sua morte et mia vita.

(Соболѣзную о его смерти и о своей жизни.)

Для глупаго красавца:

Павлинь.

Ut placeat, taceat.

(Долженъ молчать, когда хочешь понравиться.)

*Для любовника, скрывающаго сильную
страсть:*

Снѣнные часы.

Cheto fuor, commento dentro.

(Внутри сильно движущся, а снаружи
покойны.)

Одинъ Италіанецъ сказалъ, что опасно
быть въ дружбѣ съ Аполлономъ; что
онъ обходился со всѣми поэтами точно
такъ, какъ съ Гіацингомъ, котораго чрез-
вычайно любилъ и вопорому однако рас-
шибъ голову. Эпошь же самый Италіанецъ
далъ Тассу въ девизъ цвѣтокъ гіациншъ съ
сими словами: Sic me Phoebus amat (Апол-
лонъ любилъ меня такимъ же образомъ).

Пасквили (Pasquinades) получили сіе наименованіе въ Римѣ отъ статуи, прозванной *Пасквиномѣ*, къ которой ихъ привѣшивали или приклѣивали. Статуя сія поставлена на перекресткѣ; она почитается древнею и весьма много уже повреждена. Полагають, что она прозвана *Пасквиномѣ* по имени жившаго въ помѣ мѣстѣ проказника поршнаго, въ лавкѣ котораго собирались слушать новости, острые слова и насмѣшки. Къ другой статуѣ: *Морфоріо* (что нынѣ фоншанъ въ Капиноліи) привѣшивали отвѣсы на личныя саширы Пасквина. Хотя ни къ той, ни къ другой статуѣ давно уже не привѣшиваютъ таковыхъ саширъ; но онѣ и донынѣ сохранили названіе *пасквилей*. Сообщимъ здѣсь нашимъ читателямъ нѣкошорые изъ прежнихъ Римскихъ *пасквилей*.

При Папѣ Павлѣ III нарядили Пасквина Персеемъ и заставили его сказать въ свое оправданіе, что ему очень уже можно переѣннисься однажды, когда Папа переѣняется десять разъ на одномъ часу.

Въ другой саширѣ на того же самаго Папу Пасквинъ сказалъ: „прежде давали деньги стихотворцамъ для того, что бы они говорили или писали; сколько же дашь мнѣ ты, Павелъ, за то, что бы я замолчалъ?“

Синьора *Камилла*, сестра Папы Сикста

У, имѣла прежде пропитаніе ошь одной полько стирки бѣлья. Когда она сдѣлалась уже Принцессою, то на другой послѣ того день появилась на Пасквинѣ прегрязная рубашка: Морфоріо спросилъ его, ошь чего онъ спалъ такимъ неряхою? — „Ошь того, ошвѣчалъ Пасквинъ, что прачка моя попала въ Принцессы.“

Во время бывшаго въ 1682 году собранія духовенства Парижскій Архіепископъ Францискъ Гарлай говорилъ очень много и сильно прошивъ власти, присвоенной святымъ престоломъ. На эшотъ случай сдѣлали въ Римѣ медаль. Архіепископъ предсавленъ былъ на оной стоящимъ на колѣнахъ передъ Папою, подлѣ котораго стоялъ Пасквинъ и говорилъ на ухо Его Свяшѣйшеству: *Roenitebit sed non erubescet* (раскаешся, но не покраснѣетъ). Предсказаніе эшо сбылось: Архіепископъ умеръ въ Августѣ мѣсяцѣ 1695 года, не получивъ *красной* кардинальской шляпы, до которой добивался.

Самые лучшіе врачи, по свидѣтельству Салернской Школы, суть: веселый и спокойный духъ, умѣренное тѣлодвиженіе и діэша. Такъ щочно думалъ и Дюмулень. Сей славный врачъ будучи при кончинѣ своей окруженъ лучшими Парижскими Медиками,

соболезновавшими о его кончинѣ, сказали имъ: *господа, утѣшаюсь тѣмъ, что оставляю послѣ себя трехъ величайшихъ врачей.* Приспустили къ нему, что бы онъ объявилъ, кто были эти врачи и всякой надѣялся, что услышитъ отъ него между прочимъ и свое имя; но Дюмулень отвѣчалъ: *вода, экзерциція и діета.*

Фабрицій Гильданъ, славный врачъ и весьма искусный операшоръ, позванъ былъ къ одному крестьянину, къ которому въ глазъ попала самая тонкая плѣночка отъ желѣза. Гильданъ никакъ не могъ ее вынуть, даже посредствомъ инструментовъ, и отъ операціи сдѣлалось воспаленіе въ глазѣ. Врачъ пришелъ домой въ величайшей задумчивости и опчаявался въ успѣхѣ, какъ вдругъ жена его, услышавъ о семъ происшествіи, улыбнулась и попросила его, что бы онъ взялъ ее съ собою къ больному. Гильданъ пошелъ съ нею къ крестьянину; она сказала своему мужу, что бы онъ побольше поднималъ у больного вѣки, вынула у себя изъ кармана магнитъ и приспавила его сколь можно ближе къ глазу крестьянина; въ минушу плѣночка выскочила изъ глаза и пристала къ магниту, а больной почувствовалъ облегченіе. Какое шоржество для Гжи Гильданъ! Мужъ обнялъ ее и признался, что сей самый простый и удачный

способъ никогда бы безъ нея не пришелъ ему на мысль.

Въ Журналъ ученыхъ (Journal des Savans) упоминается о ссорѣ двухъ врачей за печеное яблоко. Оба они велѣли испечь для своего больного яблоко на угляхъ; но одинъ изъ нихъ полагалъ, что его должно обернуть въ сѣрую бумагу, а другой совѣщывалъ употребить вмѣсто того виноградный листъ. Послѣдній съ великимъ краснорѣчіемъ исчислилъ всю пользу, могущую произойти для больного отъ качества винограднаго листа; но первый нашелъ гораздо еще лучшія и полезнѣйшія качества въ сѣрой бумагѣ. Однако какъ ни одинъ изъ нихъ не могъ убѣдить и переспорить другаго, то споръ ихъ и окончился рукопашнымъ боемъ.

Извѣстный Англинскій Журналъ: *Зритель* сравниваетъ лекарей съ древними Британцами, изъ коихъ одни, во время сраженія, убивали непріятелей пѣшіе, а другіе сидя на колесницахъ. „Если пѣхота, присовокупляешь оны, не дѣлаешь такого опустошенія какъ конница, то единственно пошому, что не можетъ столь скоро переноситься изъ одной части города въ другую.“

Съ Франц. И.

Книжныя извѣстія.

Журналъ: Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія, издаваемый Высочайше утвержденнымъ Вольнымъ Обществомъ любителей Россійской Словесности, продолжашься будетъ и въ слѣдующемъ 1820 году.

Въ составъ онаго входяшъ:

1. Науки и Художества.

Словесность древняя и новая; — изслѣдованія о свойствахъ языковъ; — древности; — описанія земель и народовъ; — историческіе отрывки и біографіи знаменитыхъ мужей; — ученія путешествія; разныя разсужденія, рѣчи и вообще все любопытное по части наукъ и искусствъ; новыя изобрѣшенія, открытія и т. п.

11. Изящная Проза.

Живописныя путешествія; — изображеніе характеровъ, повѣсти и пр.

111. Стихотворенія.

IV. Смѣсь.

1. Библиографія, или извѣстія и сужденія о книгахъ, также извлеченія изъ оныхъ.
2. Извлеченія изъ разныхъ Журналовъ.
3. Записки Общества.

Сверхъ сего прилагаемы будутъ къ Журналу по временамъ и по приличію портреты, карты, чершежи и ноты.

Принявъ означенныя главныя спашьи въ основаніе Журнала, Обществу, избѣгая всѣхъ излишнихъ обѣщаній, постарается въ слѣдующемъ году сдѣлать изданіе свое сколько возможно занимательнымъ и обратиться преимущественно вниманіе на все опечесивенное.

Доставляемая Обществу отъ поспоронныхъ лицъ сочиненія и переводы, соотвѣтствующія цѣли сего изданія, помѣщаются въ ономъ будупъ съ удовольствіемъ.

Каждый мѣсяць выходитъ одна книжка, содержащая отъ 8 до 10 листовъ. Трипакowychъ книжки составляютъ часть. Общество приняло вѣрныя мѣры, дабы книжки Журнала выходили со всею исправностію въ надлежащее время.

Цѣна годовому изданію 25 руб., а съ доставленіемъ на домъ и пересылкою въ другіе города 30 рублей; на полгода же 15, а съ доставленіемъ 18 руб. Но какъ выручаемая симъ изданіемъ деньги назначаются на пособіе ученымъ и учащимся, то желающіе содѣйствовать сей благотворной цѣли могутъ вносить за экземпляръ и болѣе означенной суммы.

Имена подписавшихся и благотвори-

пелей припечатываемы будущь при каждой части.

Подписка принимается:

Въ С. Петербургѣ: въ домѣ Собраній Общества подь № 254, 3й Адмиралшейской части 4 кваршала на Вознесенскомъ проспектѣ; также въ книжной лавкѣ брашьевъ Слѣниныхъ и въ библиотекѣ Г. Плавильщикова.

Въ Москвѣ: у Содержателя Университетской книжной лавки Г. Ширяева.

Въ Казани: у Г. Члена Корреспондента Петра Сергѣевича Кондырева.

Въ Одессѣ: у Г. Дѣйствительнаго Члена Карла Ивановича Кеппена.

Иногородныя особы могутъ также адресоваться въ Газетныя Экспедиціи С. Петербургскаго и другихъ Почтамтовъ.

Желающіе получить Журналь *Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія* за 1818 и 1819 годы съ платою той же суммы, могутъ относиться прямо въ Общество, или въ С. Петербургскую Газетную Экспедицію.

Въ домѣ Собраній С. П. бургскаго Вольнаго Общества любителей Россійской Словесности послупила въ продажу изданная Дѣйствительнымъ Членомъ сего сословія Я. О. Пожарскимъ книга, подь названіемъ: *Слово о полку Игоря Святославита, Удѣльнаго Князя Новгородъ Сѣверскаго съ при-*

совокупленіемъ переложеній и прилѣганій.
 Цѣна экземпляру 5 р. Половина выручен-
 ныхъ отъ продажи сей книги денегъ, по
 желанію Издашеля, употреблена будетъ въ
 пользу бѣдныхъ сообразно съ цѣлью Обще-
 ства.

Извѣстная и лучшая наша писатель-
 ница *А. П. Бунина*, издаетъ по подпискѣ
 полное собраніе своихъ стихотвореній, (изъ
 коихъ многія не были еще нигдѣ напеча-
 таны, а прочія вновь исправлены и очище-
 ны) подъ названіемъ: *Неопытная Муза*, въ
 трехъ частяхъ. Въ 1 й части, которая уже
 печатается, помѣщены будутъ лирическія
 стихотворенія; во 2 й дидактическія и въ
 3 й Смѣсь. При каждой части приложена
 будетъ искусно гравированная виньета. —
 Подписка принимается: у содержателя пи-
 пографіи Плавильщикова, въ библіотекѣ для
 чтенія, что у Синяго моста въ домѣ Гжи
 Гавриловой; въ Театральной типографіи,
 находящейся въ Офицерской улицѣ въ домѣ
 купца Голидая; у Московскаго книгопродав-
 ца Машвѣя Глазунова, противъ Госпинаго
 двора, въ домѣ Генераль-Маіора Балабина,
 подъ № 25 (также и въ Москвѣ въ его же
 книжныхъ лавкахъ); въ Конпорѣ Редакціи
Русскаго Инвалида, что на Сѣнной въ домѣ
 Гжи Полшорацкой, и у Издашеля *Благона-*

мѣреннаго. Подписная цѣна 20 р. Иногородные прилагаютъ вѣсовыя деньги за при фунта. Имена подписавшихся будутъ припечатаны.

Благотворенія.

При запискѣ къ Издашелю *Благонамѣреннаго* отъ 30 ч. минувшаго Сентября, подписанной буквами: В и С, прислано для бѣдной больной вдовы Гжи Надворной Совѣшницы *Зайцовой*, о копорой объявлено въ XVII N° сего журнала двадцать пять рублей (25- р.). Въ эпошъ же самой день Гжа *Зайцова* скончалась. Деньги сіи ошданы на ея погребеніе.

И.

Отъ Издашеля.

Издашель *Благонамѣреннаго* получилъ на сихъ дняхъ, отъ Г. Н. Н. безъ означенія числа и за печатью съ лишерями А. Л. письмо, въ копоромъ проситъ онъ его припечатать въ журналѣ объявленіе о какомъ-то бѣдномъ сѣмействѣ; но объявленія сего при письмѣ не оказалось, и вѣроятно Г. Н. Н. забылъ вложить оное, въ конвертъ. Издашель *Благонамѣреннаго* съ удовольствіемъ всегда будетъ помѣщать въ журналѣ своемъ

извѣстія о бѣдныхъ, заслуживающихъ дѣйствительно вспоможеніе; онъ только проситъ шѣхъ особъ, которымъ угодно сообщать къ нему таковыя извѣстія, что бы онѣ въ письмахъ своихъ означали имя свое и фамилію, также мѣсто жительства бѣдныхъ, за коихъ ходатайствуютъ у Публики. Письма сіи могутъ ~~быть~~ печатаемы въ журналъ и безъ означенія имени, но Издашелоу оно непременно должно быть извѣстно.

И.

(20 Октября.)

Журналъ Благонамѣренный будетъ продолжаться и на слѣдующій 1820 годъ. Цѣна остается прежняя; но въ планѣ онаго сдѣланы будутъ, для разнообразія, нѣкоторыя перемены.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

ОКТАБРЬ. 1819. № XX.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДОЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

СИЛА ВООБРАЖЕНІЯ.

Какъ весело мечташь въ часы уединенья!
Мечташель-чародѣй въ жару воображенья,
На крыльяхъ легкихъ думъ онъ пренеспись
И вдругъ въ надзвѣдннй міръ и въ обла-
сти Духовъ!
Какъ часно вечеромъ, заняшья опложивши,
За чашкой кофею и трубку раскуривши,
Въ каминѣ разлога прескучій огонекъ,
Я предаюсь мечтамъ, смотря на камелекъ,
И опершись на столъ, стоящій предо мною.
Дымъ шянешся къ огню прозрачной пеле-
ною,
И въ видѣ флѣровыхъ несется облаковъ.
Въ жару мечшанія, сквозь легкой ихъ пок-
ровъ,

Я вижу иногда прапраошцевъ почтенныхъ:
 На древнихъ ихъ главахъ, лучами озарен-
 ныхъ,
 Лѣта и опытность могущею рукой
 Оставшіе власы покрыли сѣдиной.
 Съ почтеньемъ внутреннимъ, въ душѣ бла-
 гоговѣя,
 Недвижимъ и безъ словъ, едва дышатъ
 лишь смѣя,
 Внимаю съ трепетомъ священный раз-
 говоръ —
 И слышу слышу въ немъ ужасный при-
 говоръ. —
 Или, написанный Балладъ ужасныхъ ччень-
 емъ,
 И мрачнымъ увлечень моимъ воображень-
 емъ,
 Я вижу вкругъ себя ужасныхъ сонмъ
 шѣней —
 Боюсь вспрѣпшишь взоръ ихъ огненныхъ
 очей;
 Мнѣ кажешся, они мое дыханье слышатъ,
 И пламенемъ въ меня уже со злобой ды-
 шатъ.
 Отъ страха весь дрожа, не влашвуя со-
 бой,
 Я жду со трепетомъ минушы роковой . . . .
 Вдругъ преснулъ огонѣкъ, исчезли приви-
 дѣнья —
 И я нелѣпоси смѣюсь воображенья.

Или, переселясь въ злашой, Аспреинъ вѣкъ,
 Когда по испинѣ былъ счастливъ человекъ,
 Когда красавицы обманывать не знали,
 Когда еще любви пороки не изгнали,
 Я дѣлаю себя Аркадскимъ паспушкомъ,
 И въ скромну хижину свой превращаю
 домъ.
 Въ волненьи сладоспномъ, прелестная А-
 глая!
 Паспушкою меня въ мечтаньи представляя,
 Въ семь новомъ образѣ люблюся тобой.
 Волнуясь, легкой дымъ мнѣ спань рисуетъ
 швой;
 Невинность и любовь въ глазахъ швоихъ
 блистають;
 Мнѣ кажется, они мою ужь тайну знаютъ;
 Мнѣ кажется, что ты манишь меня къ себѣ;
 Въ восторгѣ, въ радости бросаюся къ
 тебѣ —
 Движеніе мое дымъ легкой разгоняетъ,
 И образъ милой швой опъ взора исчезаетъ.
 Съ печалью на сердцѣ, съ распроенной ду-
 шой,
 Я прихожу въ себя. Обманушый мечшой,
 Я счастливъ былъ лишь мигъ — но радости
 сердечны,
 Скажише, въ свѣтѣ семь когдажь бывають
 вѣчны?

И. Великопольскій.

ВЕСНА.

Роскошно цвѣщами Весна молодая
 Усыпала доль и луга;
 Ручей серебрисшый, съ горы упадая,
 Зелены лобзаетъ берега,

Лобзаетъ и роощетъ, журчитъ и кру-
 шится

И въ брызги алмазны о камень дро-
 бится.

*

Вошь лебедь, въ криспальныхъ струяхъ,
 бѣлоснѣжной,

Какъ царь, величаво плыветъ

И, звуками пѣсни плѣнительной, нѣжной,

Уныніе въ спранника льетъ,

По зыби крылами могучими плещетъ

И зыбь подъ владыкой надводнымъ пре-
 пещетъ.

*

Чу! слышно, за мшистой, высокой горою,
 Раздался незапно рожокъ!

То рѣзвыхъ овечекъ, къ ночному покою,

Сзываетъ молодой паспушокъ;

И быстро овечки къ загону спремются

И скачутъ играя и съ шумомъ тол-
 пятся.

*

Тамъ скорбная Лиза пришла надъ могилой
Родительской слезы пролишь;
Лобзается голубь съ голубкою милой
И учишь искусству любитьъ;

И взоромъ привѣтнымъ подруга ла-
скаешь
Счастливица, который надъ нею пор-
хаешь.

*

Волшебный и радостный гласъ Филомелы
Сзываетъ отъсюду пѣвцовъ
Въ отчизну, въ дубравы, лѣса опустѣлы,
Съ горящихъ Гренады песковъ.

И быспро пернатыхъ слетаются хоры,
И пѣсни ихъ вторяютъ и рощи и горы.

*

Все мирно подъ кровомъ лазурнаго свода!
Зефиры лобзаютъ листки,
Въ долинахъ смѣшся, пируешь Природа,
Зеркальны журчатъ ручейки;

И всюду блистаешь довольство и ра-
дось
И рѣзвится въ селахъ игривая младось.

*

Гдѣ жертвенникъ Флоры роскошной ку-
ришся,
Порхая съ цвѣшка на цвѣшокъ,
Среди ароматовъ, летаетъ, кружишся

Долины-краса, мошылѣкъ!

И пчелка къ жасмину прильнула запахая,
Жужжа и крылами его обнимая!

*

О роци, подѣ свѣсплымъ шумящія небомъ!
Сѣ воспоргомъ васъ новымъ пою!

Подѣ вашею сѣнью, внушаемый Фебомъ,
Я лиру наспроилъ мою.

Дубравы родныя, всегда процвѣшайте,
Прошедшаго духъ мой мечшамъ питайте.

*

Здѣсь ранней улыбкой, я встрѣшилъ впер-
выя

Взоръ матери нѣжной и свѣшь,
И радость и дѣшства забавы запахая
И счастья нелестный привѣшь;

Здѣсь юной Природы красою прель-
щенный,

Прижалъ я ко груди ее восхищенный.

*

Здѣсь нѣжная Роза плѣнила небесной
Меня красошою своей;
И пламень жестокой, дополь неизвѣстной,
По груди разлился моей;

И радость умчалась и спрась заки-
пѣла

И юноши сердцемъ тоска овладѣла.

*

Прелестную Розу, злую надежду,
 Похитилъ безжалостный рокъ. —
 Дубравы! надѣньте печали одежду:
 Я мраченъ, уныль, одинокъ!

Пусть скуку Природа со мной раздѣ-
 ляетъ,

Пусть бурная Осень въ лугахъ завыва-
 ваетъ!

*

Пусть вранъ лишь пустынный въ дубравѣ
 гнѣздится,
 Какъ въ сердцѣ унынье моемъ.
 Оспрадно прискорбнымъ прискорбьемъ дѣ-
 лисься!

Я въ міръ поспыломъ, нѣмомъ
 Бесѣдовашь стану какъ будто съ друзь-
 ями,
 Съ печальными, сладкими сердцу меч-
 шами.

*

Что міръ для несчастныхъ?—ужасная келья!
 О бѣдное сердце мое!
 Забыло ты биться давно для веселья!
 Исчезло блаженство твое!

Но скоро замрешь ты въ груди изну-
 ренной,
 Какъ стебель, косою средь лѣша сѣ-
 ченной!

П. Теряевъ.

КЪ АДЕЛАИДѢ.

—U—UU—U—U—U

—U—UU—U—U—U

—U—UU—U—U—U

—UU—U

Другъ швой бродишь одинъ въ садахъ цвѣ-
 тущихъ,
 Въ сердцѣ съ грустію . Ахъ! съ шобой въ
 разлукѣ
 Можноль чувствовашь сладость дней весен-
 нихъ,

Аделаида?

*

Въ свѣшломъ зеркалѣ водъ, въ лазури неба;
 Въ облакахъ золопыхъ младаго упра;
 Въ крошкѣмъ свѣшѣ луны блещишь швой
 образъ,

Аделаида!

*

Вѣпры рѣзвые въ нѣжныкъ листьяхъ ды-
 шущъ;
 Молодые цвѣшы, качаясь, шепчущъ;
 Пшашки въ роцѣ поющъ, и струи плещущъ,

Аделаида?

* *

Съ грустью бродишь швой другъ въ садахъ
 цвѣшущихъ!

Ахъ! любовь безушйна въ отдаленнн!
 Скороль, скороль прижмешь ты къ сердцу
 друга,
 Аделаида?

Вѣна, 9 Сент. 1819.

Туланскій.

~~~~~

ОТЗЫВЪ СЕРДЦА.

(Къ Аделаидѣ.)

На вѣки твоя! пусть море воздымаетъ
 Валы горой;
 Пусть свещетъ вѣтръ, пусть степь кру-
 гомъ пылаетъ:
 На вѣки твоя!

* * *

При блескѣ золопа, въ черпогѣ дивномъ,
 Дивясь съ толпой;
 И въ шалашѣ соломенномъ, пусынномъ:
 На вѣки твоя!

* * *

Не измѣню! пусть въ душу хладъ про-
 лъется,
 Любви свяшой;
 Въ угасшемъ сердцѣ голосъ опзвепся:
 На вѣки твоя!

Вѣна 9 Сент.

Туланскій.

~~~~~

КЪ МОЕМУ СЕРДЦУ.

Сердце младое!
 Носишь ты бремя
 Горести злой;
 Ею златое
 Губишь ты время;
 Хоть бы порой
 Радость повѣяла
 Въ лоно швое!

Ахъ! на мгновенье
 Муки, терзанья
 Ты позабуди.
 Тщешно стремленье!
 Нѣтъ упованья!
 Пуще лишь грудь
 Носитъ, сменяешь,
 Вздохи лешаешь!

Сердце! спокойся,
 Будь терпѣливо
 Въ горесяхъ ты,
 Ропота бойся:
 Ропотъ стропшивый
 Множишь бѣды;
 А облегченья
 Не принесешь.

И. П.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ.

Романсб.

Опчизна милая! по долгомъ разлученьи
 Опяшь увидѣль я твои всѣ красоты;
 Опяшь родный приюсть любзаю въ восхи-
 щеньи:
 Здѣсь нѣжили меня крылашыл мечшы!

*

Вошь холмъ, гдѣ упренней зарей я любо-
 вался!
 По прежнему цвѣты красуюшся на нёмъ;
 Вошь роца, гдѣ еъ пѣни съ любезной укры-
 вался!
 Какъ прежде въ ней гремишь пѣвцовъ воз-
 душныхъ сонмъ.

*

А вошь и ручеёкъ! какъ прежде онъ пре-
 красенъ,
 Какъ прежде капишся и сладосшно жур-
 чить,
 По прежнему даришь прохлагою и ясенъ,
 Какъ прежде взоръ и слухъ и душу весе-
 лишъ.

*

Все милое опяшь предъ спранника явилось!
 Но гдѣжь Лилеша? . . . ахъ! что сдѣлалося
 съ ней?

Вотъ хижина ея!... и сердце ужь заби-
лось!...

Лилеша—о восшоргъ! ужь на груди моей!

*

Я счастливъ! Лила, ты со мной и знай,
что друга

Не сильно измѣнишь ничто; онъ швой опяшь!

И ты, давно сказала швой взоръ, миѣ шажь
подруга;

Клянусь уже вовѣкъ себя не покидашь. —

И. Покровскій.

~~~~~

ВЪ АЛЬБОМЪ М. Г. В.

Въ задумчивости часъ, когда рукой прекра-
сной

Ты будешь пробѣгаешь, Марія швой альбомъ,

То вспомни иногда о томъ,

Кто съ откровенностью сердечной, безпри-
страстной,

Зналь цѣну прелестямъ ума, души швоей,

И просто говорилъ-всѣхъ чувствую сильнѣй.

Будь счастлива!—тебѣ мое желанье;

Но передать всего не можешь даръ сти-
ховъ,

И часто—самое молчанье

Поняшиѣй бесполезныхъ словъ!—

Б. Федоровъ.

~~~~~

ВЪ АЛЬБОМЪ С. К. Б.

Ты *Софьей* названа, и очень справедливо:
Премудрость, Софья,—все одно *)!
 И въ самомъ дѣлѣ мудроно,
 Чтобъ разсуждать краснорѣчиво,
 А поступишь всегда умно.—
 Ты юности цвѣтѣ весною,
 Любезна всѣмъ не красотою,
 А чѣмъ—шо ... словъ нѣтъ изъяснишь;
 Задумчивость, веселость, нѣжность,
 Спѣдливость и непринужденность
 Могла въ себѣ соединить.
 Свои познанія скрывая,
 Своею скромностью дивишь,
 И словъ напрасныхъ не теряя,
 Ты сердцу—взоромъ говоришь.
 Прелестно это дарованье,
 Ума, души очарованье,
 Природой рѣдкимъ здѣсь дано.
 Ты вѣкъ свой проведешь счастливо.
Премудрость—Софья—все одно;
 Ты—*Софьей* названа и очень справедливо!

1818 Марта 6.

Б. Ѳедоровъ.

~~~~~

---

*) Извѣстно, что это имя на Греческомъ языкѣ значить *Премудрость*.

СТРАННОЕ ДѢЛО.

КЪ N.

Зачемъ люблю тебя, дивлюсь!
 Съ побою только время пращу:
 Когда смѣешься ты, я плачу;
 Когда ты плачешь, я смѣюсь.

Т.

~~~~~

ШАРАДЫ.

1.

Мой *первый* слогъ панцоръ на выгнутыхъ
 ногахъ
 Выдѣлываетъ восхищенной;
Вторый давноль низвергнуть въ прахъ
 Во Франціи, мечтою ослѣпленной?
 А *цѣлое*—припасъ военной.

И. Покровскій.

2.

Два первыхъ слога то, что въ жидкомъ
 огонь вмѣщаетъ
 И веселишь народъ;
 Последній же слогъ то, что сверху упадаешь
 И вредъ великой причиняешь;
 А *цѣлое*—древесный плодъ.

В. З.

3.

Для многихъ *первое* полезно можетъ быть
И въ карточной игрѣ по лестно получишь;
Второе же въ водѣ имѣешь пребыванье;

А *цѣлое*—мечшанье.

М. С.

4.

Вы *первое* мое найдете въ букваряхъ,
Второе въ погребахъ,
А *цѣлое* въ рѣкахъ, озерахъ и моряхъ.

П. Теряевъ.

Изъ помѣщенныхъ въ N° XIX Шарадъ пер-
вая значить *Пан - сіонъ*, вторая *Чай-ка* и
третья *Пост-ель*.

Омонидъ, напечатанный въ той же
книжкѣ, значить *Труба: военная, зритель-
ная. пожарная и петная*.

дмѣль ее. Онъ былъ сынъ Ліонскаго купца, который умеръ отъ горести, что вошелъ въ большіе долги, и когда получилъ въ наслѣдство имѣніе отца своего, то, благодаря своей неусыпности, оплашилъ ихъ менѣе, нежели въ годъ. У него была сестра, которую онъ искренно любилъ; онъ далъ ей богатое приданое, выдалъ за мужъ, но на слѣдующій годъ поссорился съ нею и разлучилъ ее съ мужемъ. Разлука сія привела обоихъ ко гробу; мужъ ея оставилъ Ліонъ и погибъ далеко отъ своего отечества; нѣсколько лѣтъ спрдала она съ маленькою своею дочерью, не получая никакой помощи отъ брата. При самой кончинѣ своей умоляла она его о минушномъ свиданіи. Г. Дюрмонъ былъ непреклоненъ; но какъ онъ старался всегда быть справедливымъ, даже и въ то время, когда оказывалъ свою суровость, то и писалъ къ ней, что будетъ имѣть попеченіе о своей племянницѣ—и бѣдная его сестра, будучи совершенно увѣрена въ своемъ братѣ, умерла спокойно.

Г. Дюрмонъ, человекъ добрый, но

весьма строгій, имѣлъ у себя величайшее богатство, которое приобрѣлъ самымъ честнымъ образомъ; онъ былъ великодушень даже съ самыми рабочниками; готовъ былъ всегда лепѣшь на помощь къ честному купцу, претерпѣвшему несчастіе; бѣдность и нищета были для него самыми священными шиплами; но онъ скорѣе бы согласился потерять половину своего имѣнія, чѣмъ помочь какому нибудь бездѣльнику; никогда не довѣрялъ онъ молодымъ людямъ, замѣченнымъ въ какихъ либо порокахъ. „Пусть они начнутъ—говаривалъ Г. Дюрмонъ—и кончатъ также, какъ и я; сперва надобно приобрести, а потомъ уже пользоваться приобретеннымъ; молодые люди часто много издерживаютъ—пусть участвую у насъ экономіи.“ Въспомня его правила, добродѣтели и качества.

Еще было уже сорокъ лѣтъ, а онъ и не думалъ еще жениться. Женщина, которую онъ нимало не уважалъ, единственно потому что она жила у него, управляла домомъ, раздѣляла съ нимъ удовольствія, но не была его повѣренною.

Гжа Дюлоръ (такъ ее называли) бы-

да прекрасна собою; она не имѣла никакого состоянія; родители ея дали ей, къ несчастію, такое воспитаніе, которое раскрывая средства болѣе и болѣе нравишься, принудило ее наконецъ удалиться изъ города, гдѣ богатство и экономія цѣнятся дороже всего. Она была очень хитра и честолюбива. Въ двадцать лѣтъ по необходимости вышла она за мужъ довольно неудачно и начала жить совершенно не по состоянію; на двадцать пятомъ году овдовѣла и не знала куда ей приклонить голову, какъ Г. Дюрмонъ влюбился въ нее. Не смотря на предубѣжденія свои прошивъ женщину, онъ женился бы на ней, еслибы она хорошенько узнала его характеръ; но и самыя хитрыя люди не рѣдко ошибаются. Гжа Дюлоръ думая, что она больше выиграетъ, если скорѣе согласится на его желанія, сдѣлалась сверхъ чаянія любовницею того человѣка, котораго могла бытъ женою. Впрочемъ это не очень много ее беспокоило; она все еще надѣялась получить руку Г. Дюрмона, не зная что сама же поставила преграду своему съ нимъ соединенію.

Гжѣ Дюлоръ весьма неприятно показалось, когда Дюрмонъ, по смерти сеспры своей, взялъ къ себѣ въ домъ маленькую ея дочь Лизу. Этому ребенку было тогда не болѣе шести лѣтъ. Гжа Дюлоръ, желая скорѣе избавиться отъ присмотра за нею, совѣтовала Г. Дюрмону отдать Лизу въ какой нибудь пенсіонъ. Г. Дюрмонъ всегда строго судилъ всѣхъ женщинъ; при томъ же онъ видѣлъ очень ясно, сколь много потеряла бы его племянница, если бы осталась жить при немъ въ домѣ и особенно подъ присмотромъ Гжи Дюлоръ. Лиза была прекрасна; она имѣла привлекательное просердечіе, которое чрезвычайно нравилось Дюрмону; въ нѣскольکو дней такъ онъ привыкъ къ ней, что ему тяжело уже было расстаться съ нею—но необходимостъ преобладала этого и онъ отвезъ ее въ монастырь С. Ешьень, гдѣ и оставилъ съ горестію, какъ самый нѣжный отецъ.

Онъ услышался шѣмъ, что имѣлъ у себя наследницу, которая обязана ему будетъ своимъ счастьемъ и особенно воспитаніемъ. Дюрмонъ чувствовалъ,

что недолго будешь сопровождать желанію видѣть близъ себя милую Лизу, если не положишь предѣла своей волѣ. Дѣвичьи училища въ Ліонѣ ему не нравились, пошому что тамъ за всемъ слабо смотрѣли. И такъ избралъ онъ для своей племянницы монастырь С. Ешьень, гдѣ воспитывали благородныхъ дѣвицъ какъ должно и не приучали ни къ роскоши, ни къ тщеславію; а Г. Дюрмону хотѣлось болѣе всего, чтобы Лиза сохранила ту драгоцѣнную невинность, для которой, казалось, она была сотворена. Лице ея совершенно было сходно съ ея характеромъ. Длинные русые волосы, открытый лобъ, большіе голубые глаза, сокрытые до половины подъ черными рѣсницами, розовыя щеки, небольшой рошикъ — такова была Лиза шести лѣтъ. Споило только взглянуть на Лизу, чтобы полюбить ее; но когда поднимала она прелестные глаза свои, по не возможно было не улыбнуться отъ удивленія.

Г. Дюрмонъ не говорилъ того, что о ней думалъ: онъ ушѣшался будущимъ; радовался напередъ, что самая

прекраснѣйшая въ Лионѣ женщина будетъ и самая благоразумнѣйшая. Это было неперемѣнное его желаніе. Гжа Дюлоръ, не зная что было на умѣ у Дюрмона; поздравляла себя съ удаленіемъ Лизы и думала, что теперь скорѣе успѣетъ въ своемъ намѣреніи.

Оставимъ Лизу въ монастырѣ, гдѣ она приобрѣшаетъ познанія, не имѣя впрочемъ понятія о порокахъ и обычаяхъ свѣтскихъ: здѣсь наслаждалась она такими чистыми удовольствіями, что не желала лучшихъ. Будучи любима своими начальницами и подругами, а еще болѣе своимъ дядею, который приѣзжалъ къ ней всякой годъ четыре раза и восхищался ея успѣхами, она росла, сохраняя невинность своего характера и образуя свой разумъ. Не знаю до чего можетъ простирается монастырская невинность; въ послѣдствіи узнаемъ объ этомъ; но какъ сіе происшествіе случилось нѣсколькими мѣсяцами прежде возвращенія Лизы въ Лионъ и въ то время; какъ ей было уже шестнадцать лѣтъ, то посмотримъ, что происходило въ это время въ домѣ Г. Дюрмона.

Говорятъ , что семейственное счастье весьма рѣдко. — Согласенъ; но счастье и спокойствіе двухъ особъ , соединенныхъ между собою одною только любовію, еще рѣже. Приближаясь къ сороковому десятку, Гжа Дюлоръ сдѣлалась уже несною: или пошому что уменьшеніе прелестей опняло у ней надежду бытъ женою Дюрмона, или пошому что не могла она скрывать недовольствія, видя къ себѣ презрѣніе опъ чловѣка, котораго любила. Весьма примѣтно было , что онъ держалъ ее у себя только по привычкѣ и не хотѣлъ выгнать изъ дому, пошому что былъ не способенъ къ такому жестокому поспунку. Ему чрезвычайно хотѣлось взять обратно къ себѣ свою племянницу; но онъ никогда бы не сдѣлалъ шага при Гжѣ Дюлоръ.

Однажды Дюрмонъ предложилъ ей оставить свой домъ съ такими выгодами, которыя бы могли прельстить не столь честолюбивую женщину; но этотъ разговоръ довелъ ее до слезъ; долговременная болѣзнь послѣдовала за симъ объясненіемъ, и это такъ пронудо доб-

родушнаго Дюрмона, чно онъ почти уже готовъ былъ пожертвованъ своею свободою. Что дѣлать? Жениться на Гжѣ Дюлорь—энаго прѣбывала совѣсть, да въ такихъ лѣтахъ чпожь и шеряль онъ? Однакожь сей бракъ все спрациль его, и вопъ новая ошибка съ спороны Гжи Дюлорь. Вмѣсто того, чпобъ больше взять надъ нимъ власпи, она смотрѣла сквозь пальцевъ на всѣ его прихоти. И пакъ не занимаясь болѣе Гжею Дюлорь, которая по лѣтамъ своимъ спала гораздо взыскапельнѣе, онъ не сомнѣвался въ ея намѣреніи выдти за него за мужъ. Она съ своей спороны надѣялась, что со временемъ получишь давно желаемое ею право; мучила бѣднаго Дюрмона своими угожденіями, слезами, упреками и благоразуміемъ, которое его удивляло, не въ соспояніи будучи увѣришь въ прошивномъ.

Таково было положеніе сихъ двухъ особъ. Дядя, чувспвуя надобность въ чловѣкѣ, который бы служиль ему при старости ушѣшеніемъ, думаль, что присущствіе Лизы для него необходимо; онъ рѣшиль взять ее изъ монастыря, не предувѣдомивъ о томъ Госпожу Дюлорь.

Странно покажется, что такой человекъ, какъ Дюрмонъ, имѣлъ нужду въ утѣщеніи и думалъ майпи его въ своей племянницѣ. Дюрмонъ испоцилъ свою дѣяшельность трудами, а воображеніе его начало ослабѣвать опъ множеству удовольствій. Лѣта и богатство принуждали его жить уже покойнѣе, и хопя онъ не уклонялся опъ торговли, но во всѣхъ дѣлахъ своихъ полагался совершенно на одного молодого человека, котораго самъ онъ воспиталъ и котораго думалъ наградить, отдавъ ему послѣ себя весь свой торгъ, а можетъ быть, и руку своей племянницы. Дервье при весьма пріятной наружности имѣлъ доброе сердце, но былъ уже слишкомъ скромный и холодный. Дюрмонъ уважалъ и любилъ его. Хопя они были разныхъ вкусовъ и характеровъ, однакожь это не мѣшало ихъ дружбѣ.

Выше сказалъ я, что Дюрмонъ хотѣлъ уже взять Лизу изъ монастыря, не уведомивъ о томъ Гжу Дюлоръ; онъ зналъ, что ему сдѣлають множество возраженій и потому рѣшился лучше молчать до времени, нежели кому ни-

будь объявить объ этомъ. Правда Дюлоръ много бы нашла причинъ помѣшать возвращенію Лизы; но теперь ей не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ пришворяться и впайнѣ изыскивать средства для поддержанія своей довѣренности. Она ненавидѣла Дервье за его холодность; не нужно входить здѣсь въ подробности: легко можно угадать причину ея ненависти. Не нужно также сказывать, что чувствовала Лиза, получивъ письмо отъ дяди, которымъ онъ увѣдомлялъ ее, что придетъ за нею и чтобъ она въ назначенный часъ была готова къ отъѣзду.

Письмо Дюмона удивило, а съ тѣмъ вмѣстѣ и огорчило Лизу. Оставивъ мѣсто, гдѣ почти десять лѣтъ жила она въ совершенномъ счастіи; лишилась подругъ, которыхъ почитала своими сестрами; не видаться болѣе съ добрыми монахинями, которыхъ столько ее любили, опвыкаться отъ всѣхъ привычекъ своего сердца;—можешь ли быть положеніе ужаснѣе? Чѣмъ наградишься это пожертвованіе? Лиза не знала, что ожидало ее въ свѣтѣ, и воображеніе не

могло украсить будущую судьбу ея. Начальница монастыря запретила монахинямъ говорить съ пансіонерками о свѣтской жизни; припомъ же въ число сихъ послѣднихъ принимались однѣ только дѣви и до самаго выхода изъ монастыря никуда ихъ опшуда не опускали. Сія благоразумная женщина думала, согласно съ Фенелономъ, что ничто не можешь бышь споль опасно, какъ смопрѣшь на свѣтъ издали, не выдавъ его близко: ибо въ инакомъ случаѣ помышляющъ единспвенно объ удовольспвіяхъ, не предспавляя себѣ шѣхъ неприяшностей, съ которыми онѣ почти неразлучны. Она знала, что главнѣйшая ея обязанность, въ разсужденіи ввѣренныхъ ей дѣшей, состояла въ образованіи ихъ сердца, и что родспвенники ихъ должны были сами дашь имъ послѣ того поняшіе о удовольспвіяхъ и опасностяхъ свѣтской жизни. Благодаря симъ предоспорожностямъ, невинность и веселость царспвовали въ монастырѣ; воспитанницы не думали о шомъ, о чемъ имъ не говорили, и еслибъ не случилось шамъ одно происшествіе за

нѣскольکو мѣсяцевъ до выхода Лизы, шо конечно не препешала бы она пришой мысли, что должна скоро всшупишь въ свѣшть.

Вопшь происшесшівіе, само по себѣ не важное, но кошорое поразило чрезвычайно молодыхъ пансіонерокъ и зашпавило ихъ думашь о свѣшть.

Дѣвушка лѣшъ двадцати была привезена къ нимъ ночью; на другой день помѣсшили ее между бѣлицами. Она была прекрасна—всѣ на нее заглядывались, а глубокая горесшь, начерпанная на ея лицѣ, зашпавляла брашь въ ней учашіе. Задумчивосшь ея пронула всѣхъ пансіонерокъ; но ни одна не осмѣливалась всшупишь съ нею въ разгѡворъ, кошораго ша сама убѣгала. Когда она проходила чрезъ садъ, гдѣ играли воспитанницы, игра прекращалась и не начиналась до шѣхъ поръ, пока не шеряли изъ виду прекрасной и печальной бѣлицы. Здоровье сей несчастной спановилось часъ опъ часу хуже, и въ шопшь самый день, какъ ее поспригли, она умерла.

Эшаго уже было довольно, чтообъ возбудишь желаніе узнашь причину, при-

ведшую ее ко гробу. Несмотря на запрещение Начальницы, между пансіонерками разнесся слухъ, что покойная была маперью, не будучи за мужемъ; что поперявъ всю къ тому надежду и слѣдую желанію родныхъ своихъ, она пошла въ монастырь. Легко себѣ представивъ можно, сколько забавныхъ сужденій и полковъ произвела между ними шоль ужасная и непонятная для нихъ новоспъ. Бывъ маперью, не будучи за мужемъ, была такая загадка, копорую онѣ никакъ не могли разрѣшить, и это чрезвычайно ихъ занимало. Та изъ пансіонерокъ, копорая всѣхъ была поумнѣе, сказала, что мужчина вошелъ въ комнату къ сей несчастной, когда она спала. Пропивъ сего не было возраженія; пансіонерки повѣрили словамъ своей подруги и это произвело самое сильное надъ ними впечатлѣніе. Лиза болѣе всѣхъ была поражена симъ опкрытіемъ; будучи чувствительна ошъ природы, она принимала величайшее участіе въ судьбѣ несчастной монахини и прешала при одномъ шолько помышленіи, какимъ опасностямъ подвержена женщина въ

свѣшѣ, какъ легко въ ономъ лишишься
 чеспи и самой жизни. Между шѣмъ на-
 добно было пригошовишься къ опѣѣзду.
 Въ назначенный день Г. Дюрмонъ при-
 ѣхалъ. Лиза просшилась со своими на-
 чальницами и подругами, поплакала и
 опирая слезы, сѣла въ карепу со своимъ
 дядею. Дорогою спаралась она скривашъ
 печаль свою, но дядя не сердился за шо,
 что она была печальна, говорилъ что
 это очень напуурально и увѣрялъ ее въ
 своей дружбѣ. Лиза нѣсколько успокои-
 лась; ушѣшишельная мысль, что будешъ
 жишъ съ роднымъ, копорый шакъ добръ,
 что не оскорбляешся самою ея горе-
 стію, уменьшило печаль ея.

Приѣздъ Лизы къ Дюрмону произ-
 вель шакое дѣйспвіе, какого онъ ожи-
 далъ: Гжа Дюлоръ, скривала свое неудо-
 вольспвіе и казалась весьма довольною.
 Скоро однако она замѣшила, что довѣ-
 ренносшь къ ней Г. Дюрмона уменьша-
 лась по мѣрѣ шого, какъ дружба его къ
 прекрасной племянницѣ увеличивалась.
 Сказано уже прежде, что Гжа Дюлоръ
 не любила Дервье, копорый былъ при-
 няшъ въ домѣ, какъ родной, ибо Г. Дюр-

мону хопѣлось, чшобъ молодые люди понравились другъ другу. Онъ не скрываль эшаго опъ Дюлоръ и сія неблаго-разумная довѣренносшь возбудила всю ея ненависшь прошивъ Дервье. Онъ и Лиза занимали всѣ ея мысли: въ одной она видѣла соперницу; въ другомъ чело-вѣка ея презиравашаго; припомъ же дол-женъ онъ былъ со временемъ получить все по богатству, копорымъ она сама хопѣла воспользовашься. Она клялась погубишь ихъ, чего бы по ни стоило, хопя бы и сама могла низвергнушься въ пропасть, для нихъ пригошьяе-мую.

Гжа Дюлоръ хопѣла возбудишь че-сполюбіе Лизы, предспавляя ей всѣ вы-годы, копорыя можешъ она получить при замужствѣ опъ богатства своего дяди, и спараясь внушишь отвращеніе къ Дервье. Лиза не понимала ея, и Дервье былъ только одинъ мужчина, на копо-раго она смотрѣла безъ боязни. Тщеп-но Гжа Дюлоръ изыскивала средства, что бы Лиза сколь можно чаще была со свѣтскими молодыми людьми: она боялась и убѣгала ихъ; самыя обыкно-

венныя со стороны ихъ привѣспвія приводили ее въ замѣшательство.

Дервье былъ робокъ; не зная ничего о намѣреніяхъ Дюрмона, онъ спарался болѣе убѣгать Лизы, нежели бытъ вмѣспѣ съ нею. Когда въ кабинетѣ Г. Дюрмона долженъ онъ былъ повѣрять счесты, образъ прекрасной Лизы безпрестанно представлялся ему и развлекалъ его въ работѣ. Онъ вздыхалъ, и не имѣя надежды, не опкрывалъ никому любви своей.

Дюрмонъ примѣчалъ за молодыми людьми, и внутрененно радовался; Лиза вскружила ему голову. Для чего не поспѣшилъ онъ бракомъ и даль время чесполобивой и ревливой Гжѣ Дюлоръ исполнить адское ея намѣреніе? Будучи не въ соспоянніи развратилъ Лизу пороками, она рѣшила погубить ее посредствомъ ея невинности.

Гжа Дюлоръ, надѣясь располагать племянницею Дюрмона сообразно своей цѣли, спрашивала ее о многихъ подробностяхъ монастырской жизни; она проникала въ самыя шайныя ея мысли, думала найти въ нихъ порочную спо-

рону и погубишь ее. Лиза любила говорить о монастырѣ; она охотно предавалась споль сладкимъ воспоминаніямъ и открывала часъ опъ часу болѣе свое просподушіе и невинность, копорая приводила въ опчаяніе ея повѣренную. Испорія монахини, сполько разъ повшоряемая, мысли и боязнь, копорую сохранила Лиза, поразили Гжу Дюлорь; голова ея наполнилась множеспвомъ плановъ, копорые однако казались ей несбыточными. Можешъ, бышь она оспавила бы ихъ, еслибъ не представился ей удобный случай къ исполненію ея намѣреній.

Однажды Лиза провела всю ночь на балѣ. Въ первый еще разъ она не спала цѣлыя сушки; послѣ обѣда хопѣла она иди опдохнушь въ свою комнапу. Было холодно. Гжа Дюлорь предложила ей оспашься въ шой самой залѣ, въ копорой онѣ сидѣли за работою, и придвинувъ канапе къ камину, гдѣ разложенъ былъ огонь, она уложила Лизу, копорая шопчасъ и заснула.

Гжа Дюлорь продолжала работать и скоро впала въ шакую задумчивость,

что можно было подумашь, будшо и она находилсь въ одинакомъ положеніи съ Лизю. Вдругъ она вскочила съ своего мѣста и вышла изъ залы на цыпочкахъ. Послушала у дверей и не слыша ничего, пошла въ кабинетъ, зная навѣрное, что найдешь тамъ Дервье. Говоря съ нимъ, жаловалась она, что не спала всю ночь и что чрезвычайно успала. „Я такъ ослабѣла, сказала она ему, что не въ силахъ даже идти въ залу, гдѣ оставила салопъ свой и шляпку.“ Дервье вызвался услужить ей; она спала было нарочно его удерживашь, но онъ побѣждалъ и неоспорочно вошелъ въ комнату, въ которой спала племянница Дюрмона. Шумъ пробудилъ Лизю; она вскочила съ ужасомъ и оборотясь къ двери, увидѣла Дервье, который пристально смотрѣлъ на нее и искалъ словъ для извиненія. Лишь только Лиза взглянула на него, какъ закричала безъ памяти; онъ началъ было говорить; но она закрыла обѣими руками лице свое и не хотѣла его слушашь; не смѣя взглянуть на него, сдѣлала ему знакъ рукою, чтообъ онъ вы-

шель. Чѣмъ больше онъ видѣлъ знаковъ неудовольствія, тѣмъ болѣе старался извиняться и умножалъ мученія сей несчастной. Наконецъ она, собравшись съ силами, вскричала: „Ради Бога, прошу васъ, сударь, выдыше; вы меня погубили!“ Сказавъ слова сіи, упала она безъ чувствъ. Образъ умирающей и обезчещенной монахини живо напечатлѣлся въ ея памяти.

Дервье, испуганный обморокомъ Лизы, побѣжалъ къ Гжѣ Дюлоръ и разсказалъ ей все, что случилось; она обѣщала ему оправдать его и побѣжала къ своей жершвѣ. Много споило ей пруда удержавъ Дервье въ кабинетѣ. Опъ испуга сдѣлался съ Лизою припадокъ лихорадки. Лизу опвели въ ея комнату, положили на постель и она со слезами умоляла Гжу Дюлоръ не сказывать ничего дядѣ. „Для чего же, моя милая? швое состояніе ничуть не опасно; эшо опъ усралоспи.“ — Ахъ! сударыня, вскричала Лиза, сжимая ея руки и орошая ихъ слезами, вы не знаете?... — „Что шакое? скажи“ — Онъ вошелъ ко мнѣ въ комнату, когда я

спала. — „Кто?“ спросила Гжа Дюлорь голосомъ, умножившимъ ужасъ Лизы. — Ахъ! Девъе! —

Гжа Дюлорь вырвала руку свою изъ шрепещущихъ рукъ Лизы и хранила нѣсколько времени жестокое молчаніе. „Ты спала, когда онъ вошелъ?“ спросила она ее со вздохомъ. — Такъ, сударыня. — „Это похоже на бѣдную монахиню! Но, можешь бышь, ты не говорила съ нимъ?“ — Лиза не могла отвѣчать; рыданія пресѣкли ея голосъ. Она очень помнила, что говорила съ Девъе; но думала, что признавшись въ этомъ, услышишь свое осужденіе. Наконецъ она открылась; Гжа Дюлорь опасаясь, что бы она не сказала о помъ дядѣ, просила ее успокоиться; что бы болѣе успѣшь въ своемъ предпріятіи, увѣряла ее, что это еще не такая опасность, какъ она думаетъ. „Я спрошу Девъе, сказала Дюлорь, подожди не много, не открывай эшаго никому и положишь во всемъ на меня: все сдѣлаю, что бы только отвратишь гнѣвъ Г. Дюрмона.“

Въ самую эту минушу Дюрмонъ вошелъ въ комнату Лизы; онъ узналъ о

болѣзни своей племянницы и поспѣшилъ къ ней. Чѣмъ больше онъ ее спрашивалъ, тѣмъ болѣе она страдала. Она не смѣла отвергать его ласки, которыхъ почиала уже себя недостойною, не смѣла опкрыться ему, и слезы ручьями текли по лицу ея. Дюрмонъ старался ее успокоить, увѣрялъ что болѣзнь ея нимало не опасна, что это обыкновенное слѣдствіе успалости, но между тѣмъ послалъ за докторомъ. Долго Гжа Дюлоръ не могла вызвать дядю изъ комнаты племянницы; наконецъ онъ вышелъ — вышла за нимъ и поржествующая Дюлоръ, обнявъ свою жертву и сказавъ ей, чтобъ она никому не открывала своей тайны.

(Продолженіе будетъ.)

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЖИЛЬБАЗА *).

(Кн. III, Гл. 6.)

*Разговоръ нѣкоторыхъ господъ объ
актерахъ Принцевой труппы.*

Въ эпопѣ самый день господинь мой, проснувшись, получилъ записку отъ Дона Алексо Сегіара, копорый приглашалъ его къ себѣ. Пришедши туда, мы зашли у него Мѣркиза Ценеша и другаго молодаго дворянина пріятной наружности, копорого я еще никогда

---

*) Изъ второй части, копорая оканчивается уже писаніемъ и выдешъ въ непродолжительномъ времени. Подписка на сію книгу принимается у Переводчика, *Аполлона Александровита Никольскаго*, живущаго Лишней части 4 квартала, въ переулкѣ, за церковью Спаса Преображенія, въ собственномъ домѣ подъ № 400, и у Издателя *Благонамѣреннаго*. Цѣна за всѣ восемь частей съ портретомъ Автора и съ гравированными картинками при каждой части, здѣсь въ С. П. бургѣ 25, а съ пересылкою въ другіе города 30 руб.

не видываль. — „Донъ Машіасъ“ — сказаль Сегіаръ моему господину, предспавляя ему незнакомаго кавалера „— рекомендую вамъ Дона Помпео де Каспро, моего родспвенника. Съ самага почпи младенчеспва находипся онъ при Порпугальскомъ Дворѣ, и приѣхаль вчера вечеромъ въ Мадрипъ, а завпра опять опсправляешся въ Лиссабонъ. Онъ можешъ подарипъ меня полько нынѣшнимъ днемъ. Я хочу воспользовашся такимъ драгоцѣннымъ временемъ; а что бы сдѣлать его еще пріятнѣе для моего госпя, вздумаль попросипъ къ себѣ васъ и Маркиза Ценеша.“ — Тупъ господинъ мой и родспвенникъ Дона Алексо обнялись и надѣлали другъ другу множеспво комплименповъ. Я былъ очень доволенъ шѣмъ, что говорилъ Донъ Помпео: онъ показался мнѣ основательнымъ и оспроумнымъ.

Ошобѣдавъ у Сегіара, кавалеры занялись игрою до шого времени, какъ надбно было идши въ шеашръ. Попомъ пошли они всѣ вмѣспѣ въ *Принцевѣ Театрѣ* смопрѣпъ предспавленіе новой Трагедіи подъ заглавіемъ: *Картагенская*

Царица. По окончаніи піэсы, пришли они ужинашь шуда же, гдѣ обѣдали: Первый разговоръ ихъ былъ о Трагедіи, которую видѣли, а потомъ объ акперахъ. — „Что касается до сочиненія, вскричалъ Донъ Мапіасъ; шо оно мнѣ не нравися: Эней предсшавленъ въ немъ еще глуше, чѣмъ въ Энеидѣ. Но надобно согласишься, что піеса разыграна чудесно. Какъ вы объ эпомъ думаете, Донъ Помпео? Мнѣ кажешся, вы не одного со мною мнѣнія.“ — Господа, опвѣчалъ Донъ Помпео улыбнувшись, вижу, что ваши акперы, а особливо акприсы, чрезвычайно вамъ нравящся, и пошому не смѣю сказашь вамъ, что сужу объ нихъ совсемъ иначе, нежели вы. — „И хорошо дѣлаеще, прервалъ Донъ Алексо шушя: ваша кришика была бы принята очень дурно. Имѣйте почпеніе къ нашимъ акприсамъ при зашишникахъ ихъ славы. Мы пьемъ съ ними каждый день, и порукою за ихъ превосходные шаланшы: если угодно, шо можемъ имъ дашь опшь себя въ шомъ письменныя свидѣпельсшва.“ — Не сомнѣваюсь въ эпомъ, опвѣчалъ Донъ Помпео, пожалуй вы да-

дѣше имъ свидѣтельсва и о ихъ безпорочномъ поведеніи: шакъ, мнѣ кажутся, вы съ ними дружны. —

„Конечно ваши Лиссабонскія актрисы, спросилъ Маркизь Ценеша смѣючись, гораздо лучше нашихъ?“ — Безъ всякаго сомнѣнія, ошвѣчалъ Донъ Помпео: „по крайней мѣрѣ еснѣ между нами шакія, которыя не имѣють нималяйшаго недостатка.—, Вѣрно шѣ самыя, которыя и вы опѣ себя дадѣше свидѣтельсва?“ — Я не имѣю съ ними никакой связи, и пошому могу безпристрастно судить о ихъ талантахъ. Не уже ли въ самомъ дѣлѣ думаете вы, что у васъ превосходная шруппа? —, Совсемъ нѣшъ, я не думаю эшаго, и защищаю только очень немногихъ акперовъ, а до прочихъ мнѣ нѣшъ дѣла. Не согласнесь ли вы сами, что актриса, игравшая роль Дидоны, достойна удивленія? Не представляла ли она эшу царицу совсемъ благородшвомъ, со всею прелестью, согласными съ поняшiemъ, какое мы объ ней имѣемъ? Не удивлялись ли вы, съ какимъ искусшвомъ плѣняетъ она зритель, и заставляешъ его чув-

спововать всё выражаемая ею спра-
спы? Можно сказать, что никто не
сравняется съ нею въ декламаци. — „Со-
гласень, сказалъ Донъ Помпео, что она
умѣешь прогашъ зришелей; что нѣшь,
можешь бышь, ни одной актрисы съ
такими нѣжными чувспвами; что она
прекрасно сыграла свою ролю: но при
всемъ помъ и она не безъ погрѣшно-
стей. По крайней мѣрѣ я замѣшилъ въ
игрѣ ея два, или три недоспашка, и
припомъ довольно важные. Когда хо-
чешь она выразишь удивленіе, по ко-
сись чрезвычайно глаза, что вовсе не
прилично Принцессѣ. Прибавьше къ по-
му, что понижая свой голосъ, кошорый
у ней ошь природы очень пріятень и
нѣжень, дѣлаешь она его грубымъ и
хрипильшакъ, что не возможно поч-
ти безъ опвращенія ея слушаешь. Сверхъ
того въ нѣкошорыхъ мѣспахъ піэсы
показалось мнѣ, что она не совсемъ
понимала по, что говорила. Однакожь
я лучше хочу думаешь, что она была
разсѣяна, нежели обвиняешь ея въ недо-
спашкѣ понимія. —

„Какъ я вижу, сказалъ Донъ Машіасъ

крипику, по вы не напишите похвальныхъ стиховъ нашимъ актрисамъ.“ — Почему вы такъ думаете? опвѣчалъ Донъ Помпео; при всѣхъ ихъ недоспашкахъ нахожу я въ нихъ много талантовъ. Скажу вамъ даже, что актриса, копорая предспавляла горничную въ другой пѣсѣ, чрезвычайно мнѣ понравилась. Какъ натурально, съ какою прѣпностью играла она свою роль! Случился ли ей сказать оспрое слово — лукавая и прелеспная улыбка, съ какою она произноситъ его, придаетъ ему новую цѣну. Вошь въ чемъ можно упрекнуть ее: увлекаясь своею живоспю, преспушаетъ она иногда границы благородной вольности; но это еще можно проспитъ ей. Я бы хотѣлъ только, чтобы она оставила дурную свою привычку, копорую ничемъ нельзя извинитъ. Часпо во время дѣйсствія, въ самомъ интересномъ мѣстѣ, вдругъ перестаетъ она говорить и начинаетъ смѣяться. Вы скажете, что и тогда партнеръ ей апплодируетъ: большое счастье! —

„А что вы скажете объ актеряхъ? прервалъ Маркизь. Конечно не будете

имъ помилованія, когда уже и актрисъ не пощадили.“ — Извините, опшвѣчалъ Донъ Помпео; по моему мнѣнiю, нѣкоторыя молодые актеры подають о себѣ большую надежду, а особливо доволенъ я пѣмъ, копорый игралъ ролю перваго Дидонина Министра. Онъ говоритъ очень напурально; точно такъ декламируетъ у насъ въ Португалiи — „Если бы доволенъ эшимъ актеромъ, сказалъ Сегіаръ, то долженъ уже бытъ въ восхищенiи опъ того, копорый представлялъ Энея. Не показался ли онъ себѣ великимъ, оригинальнымъ актеромъ?“ — Очень оригинальнымъ: у него такой странный и пронзительный голосъ, какого никакъ другой имѣтъ не можетъ. Совершенно во всемъ опшсупаетъ онъ опъ природы; слова, копорыми должно выражать чувство, произноситъ скоро, а прочія просяжно, даже опшанавливается на союзахъ. Довольно онъ меня позабавилъ своею игрою, особенно въ то время, когда признавался своему наперснику, какъ тяжело ему было опшавить Дидону. Не возможно смѣшнѣе его выразить горести! — „Поспой, поспой,

брапець! прерваль Донъ Алексо, наконецъ ты заставишь насъ думать, что при Португальскомъ Дворѣ вовсе не имѣюшь вкуса. Знаешь ли, что актерь, о которомъ мы говоримъ, есть украшеніе и слава нашего театра? Развѣ ты не слыхаль, какъ часто ему аплодировали? Это доказываетъ, что онъ не такъ дурень.“—Это ничего не доказываетъ, ошвѣчалъ Донъ Помпео. Какъ можно ссылашься на рукоплесканія партера? Зрители очень часто не къ шапи аплодируютъ и даже нерѣдко отдають преимущество мнимымъ талантамъ предъ истинными. У Федра есть на этошь случай прекрасная басня. Позвольте, я вамъ расскажу ее.

Въ какомъ-то городѣ весь народъ собрался на большую площадь смотрѣть игру пантомимовъ. Между актерами былъ одинъ, которому безпрестанно аплодировали. Этому шупу вздумалось окончить представленіе зрѣлищемъ совсемъ новаго рода. Онъ вышелъ одинъ на сцену, наклонился, закрывъ голову эпанчею, и началъ визжать по поросычьи. Всякой думаль, что у него въ самомъ

дѣлъ подь полою поросенокъ. Обыскали его и ничего не нанли. Громъ рукоплесканій раздался въ шолпахъ народа. Такія неумѣренныя похвалы привели въ досаду одного крешьянина, бывшаго въ числѣ зришелей. „Господа, вскричалъ онъ, напрасно удивляешесь вы этому шушу: онъ не такой еще большой мастеръ, какъ вы объ немъ думаете. Я гораздо лучше его провизжу. Ежели вы не вѣрите мнѣ, то приходите сюда завтра въ такое же время.“—Народъ, предубѣжденный въ пользу паншомима, собрался на слѣдующій день въ болъшемъ числѣ, не съ пѣмъ, чшо бы судишь о искусствѣ крешьянина, но чшобы насмѣяшсь надъ нимъ и освиспашь его. Оба соперника появились на сценѣ. Шушь первый показалъ опяшь свое мастерство и получилъ еще болъе рукоплесканій, чѣмъ наканунѣ. Пѣшомъ крешьянинъ, въ свою очередь, наклонившись и завернувъ голову въ эпанчу, какъ и шощь, подраль за ухо насшоящаго поросенка, который былъ у него подь пазухой, и поросенокъ поднялъ ужасный визгъ. Собраніе присудило паншомиму награду,

а креспьянина осыпало ругательствами — Креспьянинъ, поднявъ вверху поросенка и показавъ его зрителямъ, сказалъ: „Господа, вѣдь не я визжалъ, а поросенокъ! Видите ли какіе вы судьи!“ —

ВИДѢНІЕ ПРИНЦЕССЫ ПАПАНЦИНЪ.

*Происшествіе, случившееся предъ
открытіемъ Мексики.*

Папанцинъ, Принцесса Мексиканская и родная сеспра Императора Монпецумы, была въ замужствѣ за Губернаторомъ города Тлапелолько. По смерти своего супруга, она не оставляла дворца Тлапелольскаго и кончила въ немъ жизнь свою въ 1509 году. Погребеніе отправлено съ великолѣпіемъ; приличнымъ ея знаменитому роду, въ присущствіи Монпецумы и всѣхъ знаменитѣйшихъ Мексиканскихъ и Тлапелольскихъ вельможъ. Тѣло ея положено въ дворцовомъ саду, въ пещерѣ близъ источника, гдѣ она обыкновенно купалась, и входъ въ пещеру загражденъ небольшимъ камнемъ.

На другой день послѣ погребенія одна пяпилѣшняя дѣвочка, идучи опь матери своей къ смопришелю дворца покойной Принцессы, живущему на другомъ концѣ сада, проходила близъ пещеры и увидѣла Принцессу, сидящую при испочникѣ и кличущую ее *кокотонной* (ласковое слово, копорымъ въ Мексикѣ называютъ дѣшей). Неудивительно, что маленькая дѣвочка не могла судить о смерти ея, и думая, что Принцесса по своему обыкновенію пришла туда купаться, весело подбѣжала къ ней. — Папанцинъ приказала ей приоласть къ себѣ жену смопришеля. Но сія женщина, услышавъ о томъ, сказала съ усмѣшкою дѣвочкѣ: „да развѣ ты, умница, не знаешь, что Папанцинъ умерла и что мы вчера ее похоронили?“ — Однако молюшка звала ее шакъ неотспушно, что она рѣшилась пойти съ нею въ садъ; но лишь только издали увидѣла Принцессу, то и лишилась чувствъ. Дѣвочка, испугавшись, извѣстила о томъ свою мать, копорая съ двумя прислужницами немедленно прибѣжала на помощь. Женщины пришли въ великій страхъ

при видѣ Принцессы сидящей въ погребальной одеждѣ; но Папанцинъ ободрила ихъ, сказавъ, что она жива. По приказанію ея призванъ смоприпель дворца. Папанцинъ поручила ему увѣдомить о семъ Моншецуму; но онъ отказалъ исполнишь волю ея, предспавляя, что Императоръ ему не повѣришь, и безъ всякаго изслѣдованія строго накажешъ его, какъ обманщика. „Спупай же ты въ Тескуко, сказала ему Принцесса, и проси ко мнѣ Короля Незалюалпилли.“ Смоприпель повиновался сему приказанію, и Король пошже часъ прибылъ въ Глашелолко. Въ то время Папанцинъ перешла уже въ покой. Незалюалпилли при видѣ ея пришелъ въ великое замѣшательство; но попомъ нѣсколько ободрясь, опдалъ Принцессѣ должное почтение. Тогда Папанцинъ упростила его опправиться въ Мексику къ Моншецумѣ, и сказаъ ему, что она жива, желаешъ съ нимъ видѣться и говоришь о важныхъ дѣлахъ. Незалюальпилли немедленно опправился по ея желанію. Моншецума хопя и не вѣрилъ сему извѣстію, но чтобы не показашъ недоувѣрчивости

къ словамъ почтеннаго Короля Тескукскаго, поспѣшилъ въ сопровожденіи Мексиканскихъ вельможей, и войдя въ чертогъ, въ которомъ находилась Принцесса, спросилъ ее: „Точно ли она сестра его?“ — Я точно своя сестра Папанцинъ, опвѣчала она, та самая, которую ты похоронилъ вчерашняго дня; я жива и хочу тебѣ опкрышь, что я видѣла; ибо сіе до тебя касается.—

Императоръ и Король сѣли; прочіе зрители стояли въ изумленіи, взирая на Папанцинъ, которая такъ продолжала: „Послѣ смерти моей, или если не вѣрите, что я умерла, скажу лучше послѣ того, какъ лишилась чувствъ, увидѣла я себя въ такой пространной долині, что въ какую сторону ни обращала свой взоръ, нигдѣ ни видѣла ея предѣловъ. Среди сей долины представилась мнѣ дорога, раздѣлявшаяся на множество пропинокъ; предо мною съ шумомъ волновалась великая и бурная рѣка; я хотѣла ее переплыть; но вдругъ предсталъ какой-то прекрасный юноша, величественнаго роста, въ одеждѣ бѣлѣйшей снѣга и свѣплѣйшей солнца.

Онъ имѣлъ крылья, изъ прекраснѣйшихъ перьевъ, а на лбу его блискала сей знакъ (шупъ Папанцинъ изобразила пальцами крестъ). „Останься здѣсь, сказалъ онъ „взявъ меня за руку, тебѣ еще не при- „шло время переплыть эту рѣку. Богъ „любитъ тебя, хотя ты и не знаешь „его.“ Попомъ повелъ онъ меня вдоль рѣки. На берегу оной бѣлѣло множество череповъ и костей человѣческихъ, и я слышала споль плачевныя стоны, что сердце мое помилось ошь жалости; на самой же рѣкѣ увидѣла я вдали нѣсколь- ко огромныхъ зданій, съ распущенными крыльями плывущихъ по пѣниспымъ волнамъ и носящихъ въ себѣ какихъ-то людей, для меня неизвѣстныхъ и стран- ныхъ. Лица у нихъ были бѣлыя, въ ру- кахъ они держали знамена и головы ихъ прикрывались шлемами. Тогда сей юноша, сказалъ мнѣ: „Богъ хочеть, что-бы „ты жила и видѣла перемѣны, предна- „значенныя Имъ въ сихъ странахъ. Спо- „ны, которые ты слышишь, суть спо- „ны швоихъ предковъ, претерпѣвающихъ „мученія за ихъ злодѣянія. Сїи неизвѣ- „стные тебѣ люди, плывущіе на кораб-

„ляхъ, приѣдутъ сюда, силою оружія
 „завоюютъ все Мексиканское Государ-
 „ство и открываютъ здѣсь истинное по-
 „знаніе Творца Неба и земли. Чшожь ка-
 „саешся до тебя, то лишь кончися
 „война и будешь проповѣдуемо креще-
 „ніе, омывающее грѣхи, ты должна пер-
 „вая принять его и подашь собою при-
 „мѣръ своимъ согражданамъ.“ Сказавъ сіе,
 юноша исчезъ, и я снова почувствовала
 свое существованіе, вспала, ополкну-
 ла камень и вышла изъ пещеры въ садъ.
 Остальное вамъ извѣстно.“—Монпецу-
 ма, слыша столь необыкновенное повѣ-
 ствованіе, ужаснулся, вспаль превожи-
 мый различными мыслями, и немедлѣн-
 но удалился въ свой дворець, съ мрач-
 нымъ безмолвіемъ, не отвѣчая ничего
 льсещамъ; копорые хотѣли его успо-
 коить, увѣряя, что умъ Принцессы по-
 врежденъ жестокою болѣзнію. Съ шѣхъ
 поръ Монпецума не хотѣлъ болѣе видѣть
 свою сещру, не желая напоминашь себѣ
 паденія своего государства. Папанцинъ
 была свидѣтельницаю событія своего
 видѣнія. При ней Корсещъ приспаль къ
 берегамъ Мексики, и Испанцы низпро-

вергли провъ Моншецумы.—Она жила въ величайшемъ уединеніи, вела самую спрочую жизнь, первая приняла святое крещеніе въ Тлашелолько въ 1524 году, и наименована Донной Маріей Папанцинь. Сдѣлавшись Христіянкою, она по смерть свою была примѣромъ добродѣтелей, и кончина ея была своеобразна ея жизни и чудесному возванію къ Христіанству.

Сіе происшествіе, какъ повѣствуетъ Антоній де Солисъ, тогда же было обнаружено и представлено въ карпинахъ, копорыя замѣняютъ Мексиканцамъ писмена.—Карпины сіи были присланы ко Двору Испанскому и еще по нынѣ хранятся въ Мадридѣ. —

Съ Фр. К. Николай Голицынъ.

С М Ъ С Ъ .

Отъ Издателя Сибирскаго Вѣстника.

По обширности нѣкоторыхъ статей, напечатанныхъ въ *Сибирскомъ Вѣстникѣ* и по связи ихъ со многими рисунками, нельзя было выдавать его въ 1818 и 1819 году иначе, какъ чрезъ каждую четверть года по одной только части. Но по окончаніи сихъ статей предшавилась возможность издавать сей журналъ, по примѣру другихъ, ежемѣсячно, и съ 1820 года будетъ уже выходить въ каждый мѣсяць по одной книжкѣ, содержащей до пяти печатныхъ листовъ; три такія книжки составятъ часть, а четыре части годовое изданіе.

Расположеніе *Сибирскаго Вѣстника* въ 1820 году оспается на прежнемъ основаніи.— Въ составъ его должны входить:

I. Сибирскія древности и достопамятности.

Наблюденія и изысканія касательно древней Исторіи Сибири; лѣтописи Сибирскія.

II. Изображеніе обитателей Сибири.

Описаніе нѣкоторыхъ коренныхъ или первобытныхъ жителей Сибири.

III. Путешествія по Сибири.

Новѣйшія ученія и живописныя путешествія по сему краю.

IV. Собраніе свѣдѣній о Сибири и странахъ сопредѣльныхъ съ нею.

Историческія и Статистическія описанія нѣкоторыхъ достопримѣчательныхъ мѣстъ въ Сибири; путешествія въ сопредѣльныя съ оною страны и проч.

V. Собраніе свѣдѣній по части наукъ и искусствъ.

Сочиненія и переводы ученаго содержанія, и въ особенности, полезныя для путешествующихъ по Сибири и тамошнихъ жителей и проч.

VI. Смѣсь.

Извѣстія, какія будутъ доходить до Издателя; о новѣйшихъ въ Сибири происшествіяхъ; о несчастныхъ, заслуживающихъ вниманіе соотечественниковъ; о сдѣланныхъ имъ пособіяхъ и всякія общественныя или любопытныя сташы, неотносящіяся ни къ которому изъ предыдущихъ отдѣленій.

Сверхъ сего къ нѣкоторымъ спашьямъ, по принадлежности, будутъ приобщаемы карты, поршрешы или другія какія нибудь гравированныя изображенія.

Издатель *Сибирскаго Вѣстника* приметъ съ благодарностію всякую присылаемую къ нему спашью, если шолько она будетъ соотвѣтствовать плану изданія.

Подписка на сей Журналь принимается въ *Санктпетербургѣ*: у самаго Издателя Берг-мейстера 8 класса *Григорья Ивановича Спасскаго*, живущаго у Владимірской церкви въ домѣ жены чиновника 5 класса Качьки подъ № 763, въ Газетной С. П. бургскаго Почтамта Экспедиціи и въ книжныхъ лавкахъ: Глазуновыхъ, Плавильщикова, Свѣшникова и Заикина; въ *Москвѣ*: въ Газетной Московскаго Почтамта Экспедиціи и въ книжныхъ лавкахъ: Глазунова, Ширяева и Свѣшникова.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 12 книжекъ, здѣсь въ С. П. бургѣ 25 руб. а съ пересылкою въ другіе Россійскіе города 30 рублей ассигнаціями; за полугодовое же вполонину менѣе.

Желающіе получить 8 частей *Сибирскаго Вѣстника*, вышедшія въ 1818 и 1819 году, могутъ ошноситься къ самому Издателю, или въ Газетную С. П. бургскаго Почтамта Экспедицію съ доставленіемъ

за оныя, съ принадлежащими къ нимъ видами и прочими изображеніями, на обыкновенной любской бумагѣ по 30 рублей, а съ видами на Александрійской бумагѣ по 55 рублей ассигнаціями.

Г. Спасскій.

~~~~~

Отъ Издателя Журнала: Благонамбренный.

Журналъ: *Благонамбренный* будетъ издаваться и на слѣдующій 1820 годъ на прежнемъ основаніи, то есть, по двѣ книжки въ мѣсяцъ, въ половинѣ и въ концѣ каждаго. Въ семъ Журналѣ помѣщаются будутъ, какъ и прежде: 1) стихотворенія; 2) повѣсти оригинальныя и переводныя; 3) отрывки изъ новѣйшихъ Рускихъ путешествій; 4) небольшіе нравоучительные, сатирическіе, историческіе и политическіе сочиненія и отрывки; 5) разсужденія относительно теории Словесности; 6) Рускіе и иностранныя анекдоты; 7) извѣстія о нѣкоторыхъ новыхъ театральныхъ піесахъ и замѣчанія о игрѣ актеровъ; 8) выписки изъ новѣйшихъ иностранныхъ Журналовъ, письма къ Издателю отъ его Корреспондентовъ изъ чужихъ краевъ, разныя извѣстія, замѣчанія

и п. п. Сверхъ того Издашель намѣренъ прибавишь новую въ своемъ Журналѣ спашью, которую постарается сдѣлать сколь возможно занимательнѣе, а именно: *Критику*, п. е. разборъ нѣкоторыхъ образцовыхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ, и реценсіи на новыя книги. Многіе извѣстные литераторы обѣщали принять участіе въ трудахъ Издашеля, который употребитъ всѣ зависящія отъ него способы, что бы Журналъ его соотвѣтствовалъ своему названію. Сочиненія, противныя строгой нравственности и цѣломудрію, а также и бранныя кришики, не будутъ имѣть мѣста въ *Благонамѣренномъ*.

Подписка на Журналъ *Благонамѣренный* принимается у Издашеля Коллежскаго Совѣтника *Александра Ефиловича Измайлова*, живущаго на Пескахъ противъ Бассейна, въ новомъ каменномъ домѣ Моденова подъ № 283; въ Газетной С. П. бургскаго Почтампа Экспедиціи, которая приняла самыя вѣрныя мѣры къ исправному доставленію сего Журнала иногороднымъ подписчикамъ, и у всѣхъ здѣшнихъ книгопродавцевъ. Цѣна за годовое изданіе, п. е. за 24 книжки, здѣсь въ С. П. бургѣ, на люб. бум. 35, а на простой 30 рублей; за полугодовое же или за 12 книжекъ, вполонину менѣе. За пересылку въ другіе города и за доставленіе на домъ

прилагается въ годъ по 5 р. а за полгода 2 р 50 к. Для всѣхъ вообще казенныхъ училищъ дѣлается уступки отъ каждаго экземпляра въ годъ по 10 р. Начальники, или правленія оныхъ, благоволяшъ отношиться съ прѣбываніями своими къ самому Издашелю. Имена подписавшихся особъ будутъ припечатаны.

Благотворенія.

Письмо къ Издашелю.

Въ X N^о *Благонаимѣреннаго* на нынѣшній годъ помѣспили вы письмо мое къ вамъ о жалоспномъ положеніи *Убытковыхъ*: мужа и жены. Предсказаніе мое сбылось. Нашлись добрые люди — какъ могли, помогли несчастнымъ. Стараніемъ одного мужъ помѣщенъ въ нѣкоторое богоугодное заведеніе; а другой обезпечилъ жену въ пристанищѣ: опредѣлилъ ей нужную сумму на наемъ чистенькаго, шеплага уголка. Со слезами на глазахъ благодарила меня Гжа *Убыткова* за сію для нихъ помощь; но я не въ правѣ воспользоваться сею благодарностію: она принадлежишь вопервыхъ вамъ, М. Г. *), а вовшорыхъ шѣмъ благороднымъ людямъ, кои оказали имъ пособіе. Какъ легко иногда

---

*) Нѣшъ, вамъ, М. Г. *Прим. Изд.*

помочь несчастному и насладиться ни съ чѣмъ, несравнимымъ удовольствіемъ при видѣ живѣйшей, чувствительнѣйшей благодарности признательнаго сердца! Я прошу васъ, М. Г. напечатать и сіе письмо мое въ вашемъ Журналѣ. Да будетъ оно хотя слабымъ изліяніемъ сердечныхъ чувствъ *Убытковыхъ* къ благошворителямъ ихъ; но да не оспаривать емѣсь съ нимъ прочихъ благодѣтельныхъ людей въ продолженіи пособій своихъ несчастной женщинѣ. Гжа *Убыткова*, обезпеченная въ жилищѣ, безъ сихъ пособій принуждена будетъ умереть съ голоду, ибо спрадя нѣсколько лѣтъ жестокою одышкою, она не въ состояніи выработывать себѣ и на хлѣбъ. Нынѣшняя ея квартира близъ самой Церкви Рождества Христова, въ домѣ наследниковъ Коллежскаго Секретаря Андреева, подъ N° 187, рядомъ съ церковнымъ, въ которомъ живутъ Священники.

Имѣю честь бытъ и пр.

26 Октября 1819.

П. Р — съ.

2. *Отгетъ въ деньгахъ, присланныхъ къ Издателю для раздачи бѣднымъ.*

Издашеть *Благонамѣреннаго* получили ошъ неизвѣстныхъ благошворителей для раздачи бѣднымъ, а именно:

Изъ Вятки:

При запискѣ ошъ 1 ч. Октября .	30	руб.
— — — — 6 — — . . .	100	—
— — — — 15 — — . . .	15	—
Изъ <i>Талбова</i> при письмѣ ошъ 14 ч. сего мѣсяца для доставленія Гжѣ Д. Ст. Сов. <i>А. Л. К—ой.</i>	30	—

Здѣсь въ С. П. буреѣ:

22 Октября ошъ <i>Тульской помѣщицы</i> <i>Н. Н.</i> для доставленія Гжѣ <i>Надв. Сов. Зайцовой</i>	10	—
— — — <i>Г. Н. Н.</i>	25	—

Итого двѣсти десять рублей . 210 руб.
Изъ сихъ денегъ ошдано Издашелемъ:

Гжѣ Дѣйст. Ст. Сов. <i>А. Л. К—ой</i> (см. XVIII N ^o сего Журнала стран. 388) .	60	руб.
Дочери вдовы <i>Порупчицы К. М. Давыдовой</i> , (см. IV N ^o сшр. 264), скончавшейся 30 ч. сего мѣсяца	50	—

Вдовѣ <i>Кол. Ассессоршѣ Ш.</i> съ двумя малолѣпными дѣшми	25	—
--	----	---

Женѣ чиновника 14 класса Е. В. П. (см. I № стр. 67)	25 руб.
Мащери и сесшрѣ Над. Сов. <i>Зайцова</i> (см. XVIII № стр. 390)	20 —
Регистрапоршѣ <i>Убытковой</i>	10 —
Престарѣлой вдовѣ <i>Софроновой</i> (см. IV № стр. 262)	10 —
Воспитаваницѣ покойной Гжи Надв. Сов. <i>Зайцовой</i> (см. XVII № стр. 325), сиротѣ 15 или 16 лѣтъ, оставшейся по смерти своей благодѣшельницы поч- ти безъ всякаго призрѣнія	10 —
<hr/>	
Итого двѣсти десять рублей	210 руб.

И.

(31 Октября.)

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

НОЯБРЬ. 1819. N° XXI.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДО-
ЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПѢСНЬ РАДОСТИ *).

Радость, дочь небесъ святая!
Мы спеклись въ твой свѣшлый храмъ,
Образъ твой благословляя,
За твои щедроты къ намъ:
Ты союзы воскрешаешь,
Умерщвленные враждой,
И людей всѣхъ собираешь
Въ мирный кругъ любви родной.

---

*) Переведена не съ Нѣмецкаго подлинника, написаннаго извѣснѣйшимъ Германскимъ Лишперашоромъ Шиллеромъ; а съ Лашинскаго рукописнаго шекспира. Размѣръ стиховъ и расположеніе ихъ почто шаковы, каковы они въ Лашинскомъ шекспирѣ.—*Прим.*
Перев.

Хоръ.

Брашьевь сонмъ необозримый!
 Въ даръ ошъ насъ—любовь сердець;
 Тамъ въ эфиръ нашъ Опець
 Къ намъ въ любви неисшощимый.

Тотъ, кшо дружбою свяшою
 И любовію живешъ;
 Тотъ, кшо въ миръ самъ съ собою —
 Въ насъ друзей своихъ найдетъ.
 Кшожь по чувешвамъ не умѣетъ
 Быть любимымъ и любить—
 Правъ священныхъ не имѣетъ
 Съ нами радости дѣлитъ.

Хоръ.

Сила сладкаго влеченья
 Пусть сердца соединитъ,
 Да хвала къ Тому лешитъ,
 Въ чьей десницѣ всѣ шворенья!

Богъ велѣлъ—и съ горня свода
 Ниспустилася любовь,
 Съ нею вмѣстѣ машъ—природа
 Съ чашей полною даровъ —
 И дары ея чудесны
 Разлились по всѣмъ мѣстамъ—
 И посланницы небесны
 Радости воздвигли храмъ.

Хоръ.

Тщешно, долу преклоненны,
 Мыслимъ видѣшь Божій пронь,
 Нѣшь—онъ памъ сооружонъ,
 Гдѣ черпогъ Его неплѣнный.

Свѣшла радость оживляетъ
 Сонмъ міровъ огнемъ своимъ,
 Всю природу украшаетъ
 Мавовеніемъ однимъ;
 Тамъ пушемъ неизмѣримымъ
 Солнцы пламенны ведешъ;
 Тупъ перспомъ своимъ незримымъ
 Развиваетъ юный цвѣшь.

Хоръ.

Какъ свѣшила опдаленны
 Тамъ—по шверди голубой,
 Такъ и мы—въ свой пущь земной,
 Тѣмъ же чувствомъ окриленны.

Радость Испинѣ предходишь,
 Мудроси даетъ полешъ,
 По спремнинамъ Доблестъ водить,
 Вѣру облакаетъ въ свѣшь,
 Слабы силы укрѣпляетъ
 Для свершенья дѣлъ благихъ,
 И Надежду озаряетъ
 Въ мрачныхъ нѣдрахъ гробовыхъ.

Хоръ.

Пусть шернистый испытанья
 Съ упованіемъ пройдемъ,
 Что за гробомъ обрѣтемъ,
 Сладкій жребій воздаянья.

Съ Богомъ нѣтъ ни въ чемъ сравненья;
 Но—святымъ его во слѣдъ:
 Благоспѣ чувствъ и духъ перцѣнья.
 Кто шаги у насъ препнешь
 Облегчатъ спрадальцевъ муку?
 Братья!—за вражду—любовь,
 Для несчастныхъ—нашу руку,
 Безпріюшному—покровъ.

Хоръ.

Зло въ насъ мести не возбудить;
 Въ мірѣ миръ — законъ небесъ:
 Какъ мы судимъ ближнихъ здѣсь,
 Такъ Творецъ насъ шамъ осудитъ. —

Смертнымъ сладкихъ чувствъ блаженство
 Нектаръ пѣнистый даешь,
 Въ дикомъ — погашаетъ звѣрство,
 Въ томну грудь опраду льешь.
 Встанемъ — чаша круговая
 Радостью блистаетъ къ намъ;
 Ею душу услаждая,
 Свѣшлый взоръ нашъ — къ небесамъ. —

Хоръ.

Въ честь благаго Провидѣнья,
 Въ честь Того, кто жизнь намъ далъ,
 Други! братья! — сей фіаль
 Съ сердцемъ полнымъ восхищенья!

За Царя въ ряды сомкнемся,
 Съ крѣпкимъ мужества щипомъ! —
 Клятвамъ — вѣчность! Мы клянемся
 Ихъ хранить и предъ врагомъ. —
 Передъ силой дерзновенной
 Истребимъ въ душѣ боязнь;
 Вѣрнымъ славѣ — лавръ неплѣнной,
 Измѣнившимъ чести — казнь!

Хоръ.

Укрѣпимъ союзъ съ обѣщаньемъ,
 За искрѣющимъ виномъ:
 Вѣчно живи въ кругу святомъ,
 Миръ и браштво—съ цѣлымъ свѣтомъ!

Пусть тиранство истребится, *)
 И злочестіе падеть,
 Пусть надеждой веселился,
 Кто въ незримый міръ идетъ,

*) Сія строфа, съ послѣдующимъ за нею хоромъ, прибавлены Лапинскимъ переводчикомъ: въ Нѣмецкомъ подлинникѣ ихъ нѣтъ. *Прим. Пер.*

Что пороки перестануть
 Разверзаетъ плешворный адъ
 И усопшіе предстануть
 Къ Всеблагому для награды.

Хоръ.

Придетъ часъ — и мы готовы
 Скинушь плѣнь земныхъ оковъ,
 Чтобъ въ обипели духовъ
 Вспрѣшишь жизнь и чувства новыи.

Казань. Сѣ Латинскаго. Ѳ. Рыи — скій

~~~~~

ТАРТАРЪ.

(Изъ Шиллера.)

Слышишь — какъ грохотъ волны разнесен-
 ный,
 Какъ средь утѣсовъ источника вой —
 Глухо тамъ спонъ издающъ гробовой
 Таршара плѣнны!

Въ блѣдныхъ чершахъ
 Муки гнѣздяся,
 На помершвѣлыхъ устахъ
 Страхъ и опчаянье люпо шѣсняся.
 Слезное око всегда успремлено на Коцишь

И за унылой струей взоръ омраченный бѣ-
 жишь.
 Всякъ другъ у друга съ поскою во-
 прошаешь:
 Скоро ль спрдааньямъ конецъ и бѣдамъ?—
 Вѣчность надъ ними, кружася, ле-
 шаешь;
 Здѣсь преломляешь косу мощный Сатурнъ
 пополамъ.

И. Покровскій.

П Ъ С Н Я.

(Изъ Луизы Фосса.)

Блаженъ, кто милую подругу
 Въ сей жизни горестной найдешь:
 Она къ достойному супругу
 Съ собою счастье приведетъ;
 Пушь жизни, подъ его спопами,
 Ущелешь радостей цвѣтами.

*

Она, какъ добрый Геній, будешь
 Всегда хранишь елемъ его;
 Онъ скуку помную забудешь
 Съ царицей сердца своего:

Улыбка на ея устахъ
Разгонитъ грусть его и страхъ.

*

Любовь, какъ солнце, озаряетъ
Ужасный мракъ печальныхъ дней;
Блаженства розы рассыпаетъ
На брачномъ ложѣ Гименей —
И вокругъ его порхающъ Смѣхи,
Забавы, Игры и Утѣхи.

*

Завидны, сладосны лобзанья
Супруговъ нѣжныхъ, молодыхъ.
И помышленья и желанья
И радости одни у нихъ!
Они, весельемъ и поскокой,
Всею дѣлятся между собой.

*

Какъ голубокъ съ голубкой спрастной
Воркуешь въ рощицѣ густой:
Супругъ чувствительный, прекрасной
Такъ съ устъ супруги молодой,
Въ восторгахъ пламенныхъ, чудесныхъ
Пьешь чашу радостей небесныхъ!

*

Часы въ веселѣи пролетаютъ,
 И небеса — чепы молодой
 Любовь и нѣжность награждаютъ
 Младенцемъ съ ангельской красой,
 И ихъ обоихъ красоны
 Сливаются въ его черны.

*

Съ улыбкою она пипаетъ
 Свою грудью первенца,
 Или малютку повѣряетъ
 Стараньямъ нѣжнаго отца,
 И онъ, въ младенцѣ возрожденной,
 Делаетъ даръ любви священной.

*

Супруги нѣжные, молодые!
 Да пока спруишся вашихъ дней,
 Какъ свѣшлый, чрезъ поля злашья
 Едва катящійся ручей.
 О други! въ честь чепы молодой
 Бокаль напьемъ круговой!

П. Теряевъ.

~~~~~

ПРОЩАНІЕ.

(Романсб.)

Счастливыи путь, красавица младая!
 Счастливыи путь въ драгой, но дальній
 край!

Пусть Геній твой, тебя сопровождая,
 Готовитъ шамъ тебѣ веселья рай!

*

Счастливыи путь! — Да нѣжныя Зефиры,
 Сопущивуя тебѣ со всѣхъ сторонъ,
 Несутъ къ тебѣ знакомой звуки лиры
 И бѣднаго цѣвца прощальный спонъ.

*

Счастливыи путь! — Да кропкая Игея
 Подаситъ тебѣ цѣлебный свой сосудъ!
 Благіе сны, безцѣнный даръ Морфея,
 Души твоей волнеца да прервуть!

*

Счастливыи путь! — Счастливо возвра-
 ценье,
 Скорѣй, скорѣй, въ любезный сердцу край!
 Друзей твоихъ услышишся моленье
 И ты и здѣсь найдешь веселья рай!

16 Сентября.

В. К. ——— вб.

ЖЕЛАНІЕ.

(Изъ Ж. Б. Руссо.)

(посвящаешся * . . . ъ* . . . ъ* . . .)

О какъ бы я Амуромъ бышь хотѣлъ!
 Не для того, чѣшбъ слышь владыкою все-
 ленной —
 Алининой душей владѣя несравненной,
 Вселенну ей бы предпочель;
 Не для того, что бы опѣ свѣта отка-
 зашья:
 Эропова повязка не нужна
 Тому, намѣренъ кшо съ Алиной сочешашья—
 Алина будешъ мнѣ вѣрна;
 Не для того, что бы безсмертнымъ бышь,
 напасью.
 Почту Алину пережить;
 Но для того, чѣшбъ могъ тогда чудесной
 властью
 Алинѣ вѣкъ я милымъ бышь.

Мхлз Яклвб.

ВЪ АЛЬБОМЪ П. С. Т.

Полина: мнѣ ли что прибавишь въ твоей
альбомъ? —

Цвѣтны Поэзии и прелести искусства
Съ избыткомъ вижу я разсыпанныя въ
нѣмъ;

Достигнешь ли къ себѣ усердный голосъ
чувства

Въ простыхъ, но искреннихъ словахъ?

Онѣ въ безчисленныхъ исчезнухъ похва-
лахъ,

Которы слышишь ты и въ прозѣ и въ
спихахъ,

Какъ капелька въ морскихъ волнахъ!

И что тебѣ сказать?—Что ты мила, пре-
лестна,

Что восхищаетъ всѣхъ душа твоя. небесна?—

То знаешь ты сама, то знаешь цѣлый
свѣтъ

И зеркало твое и тѣма твоихъ побѣдъ. —

Желашь ли мнѣ тебѣ, чтобъ счастье легко-
крыло

Свой быстрый надъ тобой полетъ остано-
вило;

Чтобъ радость юная всегда жила съ то-
бой

И вѣчными тебя цвѣтами осыпала? —

Волшебница! къ себѣ ты радость приковала

И розы подъ швоей рождаются снопой!—

Просить ли мнѣ тебя, чѣмъ бѣднаго по-
эта,
Которому и такъ недолго жить для свѣта,
Ты вспомнила подъ часъ, взглянувъ на свой
альбомъ? —

Но въ состраданіи увѣренъ я твоёмъ
И хоть изъ жалости, ты вспомнишь и
объ нёмъ! —

Чтожь мнѣ тебѣ скажешь? — Полина! мнѣ
швердили,
Что есть одинъ божокъ, крылапой и мла-
дой;

Покорно въ мірѣ все его чудесной силъ;

Не спрашенъ онъ — тебѣ одной!

Коварной рѣзвостью, пернапыми спрѣ-
лами

И смертныхъ и боговъ онъ въ препещь
приводилъ;

Но предъ тобой споишь съ поникшими
крылами

Безмолвень, робокъ и уныль.

Полина! долго ты надъ нимъ торжество-
вала;

Смягчяся, сжаляся надъ божкомъ

И въ сердцѣ уголокъ назначъ ему своёму,
Въ кошоромъ до сего лишь Дружба оби-
шала.

Я даръ пророчества имѣю, какъ поэтъ:

Повѣрь, не возмутишь онъ дней твоихъ
спокойныхъ!

Полина! не ужель такъ бѣденъ здѣшній
 свѣтъ,
 Что нѣтъ въ немъ счастья достой-
 ныхъ!

В. К — вб.

~~~~~

ВЪ АЛЬБОМЪ А. М. Б.

*(который оставался у сочинителя бо-
 лѣе мѣсяца)*

Я альбомъ свой взялъ прелестный,
 Чтобы стихи въ немъ написать,
 Гдѣбы свой видъ и нравъ любезный
 Могъ я Музамъ передать:

*

Я въ мечтахъ моихъ терялся,
 Къ чувствамъ словъ не находилъ,
 Взявъ перо, писать собрался . . . .
 Вдругъ болѣзнь лишила силъ.

*

Мнѣ пріятнѣйшихъ мечтаній
 Я исполнишь не успѣлъ;
 Въ семь печальномъ состояннн
 Мѣсяць тягостный прошель.

*

Объ альбомѣ мнѣ забота . . . .
 Вдругъ однажды я во снѣ
 Увидалъ божка Эроша;
 Онъ сказалъ съ улыбкой мнѣ:

*

„ Ты наказанъ, брось затѣи;
 Богдановичемъ не будь,
 Чшобъ соперницу Психеи
 Могъ достойно ты хвалишь.“

*

Цѣшь на это возраженья!
 Убѣжденъ я чуднымъ сномъ.
 Но могуль ждашь извиненья,
 Возвращая швой альбомъ? —

Б. Федоровъ.

~~~~~

ВЪ АЛЬБОМЪ N. N.

Когдабъ вы вздумали *повѣрить*
 Число вамъ преданныхъ друзей,
 Моглибъ мнѣ это смѣло ввѣрить:
 Я мастеръ чиселъ, цыфрей;
 Но чшобъ спихи пишашъ въ альбомѣ . . . .
 Вотъ это дѣло не мое!
 Боюсь вѣкъ кончишь въ желтомъ домѣ,
 Когда возьмусь не за свое.
 Сославивъ *перетни, балансы*

Я знаю шакъ, какъ дважды два;
 Но оды, пѣсенки, романсы
 Мнѣ неизвѣстныя слова.
 Намѣспо лиры я бряцаю
 На счетахъ громозвучныхъ въ шакшъ;
 Ни Музь, ни Пинда я не знаю.
 (Къ нимъ шрудень, очень шрудень шракшъ!)
 Мнѣ Пинда верхъ — бюро крушое,
 Пегасъ — шреножный шабурешъ,
 А Музь сословіе свяшое
 Являешъ *предлежащій стетб.* —
 Къ чему Бухгалтерамъ познанье?
 Начто имъ риѣмы подбирашъ?
 У нихъ свое ешъ дарованье
 Все цыфирами изъясняшъ.
 Хошпшель знашъ шо уваженье,
 Что въ сердцѣ къ вамъ всегда ношу?
 Позвольте сдѣлашъ чувствъ *сложенье*,
Итогб шопчасъ я вамъ скажу. —
 Хошпшель знашъ взаимны чувства
 Кого изъ милыхъ вамъ людей?
 Ошкрою съ помощью искусствва
 Чудесной грамошы моей.
 Я въ *дебетб* запишу *приходолиб*
 Оцѣнку нѣжноши одной,
 А въ *кредитб* выведу *расходолиб*
 Взаимность стороны другой!
 Тушъ *сольдо* *) *разность* мнѣ покажешъ

---

*) Сравненіе.

И вѣрно не солжеть ни въ чёмъ,
 Ужь безошибочно докажеть
 Избытокъ, дефицитъ *) есть въ комъ.
 Но я, проси:пе мнѣ, забылся
 И нехотя стихи скроналъ:
 Внезапно даръ во мнѣ открылся
 И я на часъ пишомъ спалъ.
 Конечно Муза съ Геликона
 Ко мнѣ предстала въ видѣ васъ
 И взгляды подруги Аполлона
 Меня восхищилъ на Парнасъ.

М. Севриновъ.

~~~~~

КЛЯТВЫ.

Вотъ здѣсь, гдѣ жертвенникъ Амура
 Стоишь межъ розовыхъ кустовъ,
 Клянущся Едвинъ и Лаура
 Другъ къ другу спрашную пишащъ вовѣкъ
 любовь.
 Увы! они огнемъ взаимнымъ не сгарають,
 Коль къ клятвамъ прибѣгають.

Съ Франц. И. Покровскій.

~~~~~

---

*) Недоспашокъ.

ЭПИГРАММЫ.

1.

„Который Лилъ годъ, позволите мнѣ узнатьъ?“
 — Ей днемъ *ослнадцать* лѣшъ, а ушромъ
сорокб пять.—

Сб Франц. М. Я.

2.

Разсудку вопреки
 Риѣмачъ Свисповъ воображаешь,
 Что на Парнасѣ онъ *блистаетъ!*
 Ужель васъ это удивляешь?
 И на Парнасѣ есть *блестящи тервяки*.

М. Я.

3.

Еще ли Балдусъ нашъ, ещель не патриотъ?
 Не предковъ ли дѣламъ во всемъ онъ по-
 дражаетъ?
 Одну *Мальвазію* *) лишь за обѣдомъ пьетъ
 И какъ съ рабынею, съ женою поступаетъ.

М. С.

~~~~~

---

*) Греческое вино, любимое древними Россіянами..

ОМОНИМЪ.

Есть вещь пречудная—и вопшь ея примѣша:
 Въ темницѣ находясь, она не видипшь свѣша!
 Хотите ли погда ее освободипшь?

За шрудъ пріятностью васъ можешъ на-
 градишь.

Но бойшесь вы ее, когда она лешаетъ —
 До смерти убиваетъ.

Никостѣ.

~~~~~

ШАРАДЫ.

1.

Штрафъ *первое* въ игрѣ, *второе* же часть
 свѣша;

А *цѣлое* душа Поэта.

М. Я.

2.

Часть *первая*—дипша воображенья;

Второю лучъ спасенья

Узрѣль Швейцарцевъ край родной;

А *цѣлое* парипшь въ воспоргѣ надъ землѣй,

Въ зѣирь строя мѣръ другой.

И. П.

Слогъ *первый*—имя старика
 Плѣшиваго, безъ парика,
 Но съ длинною косою, съ часами.
Второй слогъ—на Руси у насъ
 Почти все тоже, что Указъ,
 Но только съ цыфрами, съ графами.
 Лешяшъ отъсюду корабли
 Весною къ *цѣлому*, какъ пшпцы;
 Оно средь моря, на земли,
 И очень близко отъ столицы.

И.

Изъ помѣщенныхъ въ N^о XX Шарадъ
 первая значить *Па-тронъ*, вторая *Вино-*
градъ, третья *Приз-ракъ* и четвертая *Ка-*
мышь.


~~~~~  
 П Р О З А.  
 ~~~~~

ПРЕБЫВАНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА
 АЛЕКСАНДРА I ВЪ ПЕТРОЗАВОДСКѢ *).

6 Августа 1819. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО
 прибыль въ полночь въ соборную цер-
 ковь при сильномъ дождѣ, копорый про-
 должался уже два дни. Мы ожидали ЕГО
 у входа въ церковь; народъ сопровождалъ
 ЕГО привѣтствуя радостными *ура*; съ
 трудомъ могли удержашь толпу, и я

---

*) Написано на Французскомъ языкѣ На-
 чальникомъ Олонецкихъ, С. П. бургскаго и
 Кроншадтскаго чугуноплавленныхъ заво-
 довъ Г. Берггауптманомъ 6 класса А. А. Фул-
 лономъ. Издатель *Благонамѣреннаго* получилъ
 случайно сію любопытную статью, въ пере-
 водѣ, и къ сожалѣнію довольно уже поздно, ш.
 е. въ минувшемъ Октябрѣ мѣсяцѣ. Впрочемъ
 достоинство оной состоить не въ одной
 новости: о пребываніи въ Петрозавдскѣ
 ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I будущъ чи-
 ташь съ умиленіемъ внуки правнуки наши.
Прим. Изд.

едва успѣлъ пробраться къ дому, для пріема ГОСУДАРЯ.

До самаго дома толпа сопровожда-ла ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО при радостныхъ крикахъ, и невзирая на дождь и шемно-пу, каждый спремился къ коляскѣ, въ кошорой ИМПЕРАТОРЪ, сидя непокры-тый, принималъ низпадающій съ не-бесъ дождь и благословенія СВОЕГО на-рода.

Домы, по пути ЕГО находящіеся, и съ другой спороны заводъ были иллю-минованы. ГОСУДАРЬ вышедъ изъ коляс-ки на улицѣ предъ домою, привѣспш-вовалъ карауль, при входѣ въ оный рас-положенный. Я подаль ЕГО ВЕЛИЧЕ-СТВУ рапорть и принялъ на себя долж-ность проводника. ГОСУДАРЬ войдя въ споловую, изволилъ обратиться ко мнѣ и сказалъ: „мы старые знако-мые: помнишься, лѣшь за девять предъ симъ, завтракали мы на Пешербург-скомъ заводѣ вмѣспѣ съ Г. г. Армсп-ронгомъ и Купоромъ.“ Я проведъ ГОСУ-ДАРЯ въ госпиную. ОНЪ осмошрѣлъ ка-бинетъ, спальню; спросилъ съ кошорой спороны озеро Онего и сдѣлалъ мнѣ

также нѣсколько вопросовъ о моемъ семействѣ и о службѣ дѣшей моихъ. Между тѣмъ пришълъ Князь Пётръ Михайловичъ Волконскій и пробылъ почти часъ у ГОСУДАРЯ. При выходѣ Князя изъ покоевъ ГОСУДАРЯ, доложилъ я Его Сіяпельству, что ожидаю приказаній на слѣдующій день; Князь спрашивалъ меня о достопамятностяхъ города; потомъ опять пошелъ къ ГОСУДАРЮ и возвращаясь, объявилъ мнѣ, что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ угодно бытъ въ заводѣ въ 12 часовъ. Послѣ сего провелъ я Князя въ пригоповленные для него комнаты. — Прочія особы изъ свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА приѣзжали во всю ночь; нѣкошорыя прибыли уже въ 6 часовъ утра. Я легъ спать въ три часа, и хотя Князь приказывалъ мнѣ явиться утромъ не ранѣе 10 часовъ, однако я вспалъ въ половинѣ шестаго и узналъ, что ГОСУДАРЬ давно уже изволилъ спать.

7 Августа. Въ 10 часовъ по утра Князь спросилъ меня, можеть ли онъ видѣть жену мою и дѣшей. Я предсавлялъ ему что проходъ въ занимаемый нами флигель неудобень; но Его Сіяпельство

опвѣчалъ на это: „все равно, ГОСУДАРЬ приказалъ мнѣ посѣпитьъ ваше семейство.“ Мы прошли чрезъ улицу, попому что прочіе проходы были заграждены. Князь сказалъ женѣ моей, что ГОСУДАРЮ угодно принять ея съ семействомъ въ исходѣ двѣнадцатаго часа. Я воспользовался остающимся временемъ, что бы осмотрѣть всѣ посѣпы въ заводѣ и удостовѣриться, всѣ ли особы изъ свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА были довольны приготовленными для нихъ покоеми, также велѣлъ узнать, не нужно ли что для экипажей и п. п.

Въ 12 часовъ ГОСУДАРЬ изволилъ призвать къ СЕБѢ жену мою, дочь и невѣстку, копорыхъ принялъ весьма милосливо и благодарилъ за удобство, чистоту и опрятность приготовленныхъ для НЕГО комнатъ; попомъ спросилъ меня: „время ли идти въ заводъ?“— Я опвѣчалъ, что ожидаю только повелѣнія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.— „И такъ ведите Меня.“

Я желалъ, чтобъ ГОСУДАРЬ проѣхалъ верхнею дорогою къ насыпкѣ руды въ печи и согласился о томъ предвари-

шельно съ Городничимъ; но по ошибкѣ, происшедшей вѣроятно отъ шоплящагося народа, провезли ГОСУДАРЯ нижнею дорогою. Едва успѣвъ я прибѣжать къ заводскимъ ворошамъ, что бы встрѣтить тамъ ГОСУДАРЯ. Я объявилъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ошибку проводника и какія именно работы намѣренъ былъ показать ЕМУ; но неприспойно было бы ворошить ЕГО по предназначенному прежде пути. Чиновниковъ завода и Правленія предспавиль я ГОСУДАРЮ при входѣ въ заводъ и провель ЕГО къ доменному корпусу, гдѣ равнымъ образомъ предспавиль ЕМУ Смотрителя завода Кларка. ГОСУДАРЬ спросиль его: не брашь ли онъ того Кларка, который при Пешербургскомъ заводѣ?

Я провель ГОСУДАРЯ между доменными печами. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО разспрашиваль меня о различіи способовъ, употребляемыхъ при плавкѣ въ печахъ доменныхъ и воздушныхъ. Съ галлерей ГОСУДАРЬ извоиль смотрѣшь опливку орудія изъ воздушныхъ печей; попомъ смотрѣль шакое же липье изъ доменныхъ, которое, какъ и первое, проис-

ходило съ пишиною и безъ всякаго замѣшательства. ГОСУДАРЬ входилъ во всѣ подробности лишня: освѣдомлялся о различіи, которое можетъ существовать въ мешаллѣ, получаемомъ изъ доменныхъ и воздушныхъ печей; спрашивалъ, были ли дѣлаемы наблюденія, какія орудія могутъ быть безопаснѣе и опъ какого лишня выходить менѣе негодныхъ; рассуждалъ о различіи фурмовки орудій въ глину и песокъ и сему послѣднему способу отдавалъ преимущество; дѣлалъ замѣчанія на неудобство освѣпить работу при расположеніи печей въ квадрашѣ и спрашивалъ, не удобнѣе ли бы было спроеить оныя на одной линіи, что бы позволило соблюдать болѣе чистоты и имѣть для работы болѣе свѣту.

Изъ доменнаго корпуса прошелъ ГОСУДАРЬ между печами къ духовой цилиндрической машинѣ, которую разсмотрѣвъ въ подробности, изволилъ одобрить по причинѣ ея простоты; разсматривалъ также съ великимъ вниманіемъ обращеніе водянаго колеса въ 24 фуша діаметра, равно и русло, изъ

копорога вода низпадаетъ . Я имѣлъ счастье объяснить ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, какими средствами спасли мы сію машину во время бывшаго въ 1796 году пожара и наводненія въ 1800. При выходѣ изъ доменнаго корпуса ГОСУДАРЬ былъ свидѣтелемъ, съ какою удобностію орудіе вывозилось изъ подъ сводовъ доменныхъ по мешаллическому пупи. Орудіе сіе было въ присущствіи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА принято на кранъ чугунный (въ которомъ канашъ проходитъ въ пустошѣ колонны) и передано въ Свирильную.

Въ Рѣзной ГОСУДАРЬ разсмаприваль, какимъ образомъ опрѣзывалась прибыль орудія и какъ обшачиваюся поверхности и фризъы. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ замѣшпшь, что *удобнѣе было бы рѣзцы утвердить на винтахѣ, ибо рутное дѣйствіе въ сеибѣ слугаѣ для работающихѣ тягостно.*

Въ Свирильной, гдѣ расположено было 10 орудій въ сверленіи, ГОСУДАРЬ разсмаприваль подробно разные роды сверль и дѣйствіе водянаго колеса (нижне-бойнаго). Гармонія сверлящихся орудій увеселяла ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО .

Мы прошли въ Паркъ, гдѣ насѣкаютъ гербы и сверлятъ заправки. Въ одномъ мѣснѣ разставлены были орудія: сухопутное 30 фуншное, морское корошкое 36 ши, сухопутное 24 фунш. и шакое же флошское. ГОСУДАРЬ изволилъ изъяснить мнѣ СВОЕ удовольствіе за доставленіе случая сравнить сіи орудія въ напурѣ. Разсмапривая рабошы, насѣчки и оковку, ГОСУДАРЬ изволилъ ошановишься близъ молодаго маспероваго, копорый изо всей силы билъ молодомъ. ГОСУДАРЬ взялъ у него молодъ и изволилъ самъ оковать пространство 5 квадратныхъ дюймовъ. Я приказалъ ошавишь орудіе сіе въ шомъ самомъ положеніи, какъ оно было въ шу минушу, а молодъ ошнести въ Правленіе заводовъ.

Въ цѣху, гдѣ полируются валки, я имѣлъ счастье доложитъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ о выгодѣ, копорую Г. Кларкъ доставилъ Государству изысканіемъ средства для пригошвленія валковъ въ равномъ съ Англинскими совершенствѣ. ГОСУДАРЬ подробно спрашивалъ о семъ и изволилъ САМЪ въ пригошвле-

ніи оныхъ валковъ принять участіе, подсыпая неоднократно къ полирующемуся валку наждакъ. Валокъ сей при доставленіи въ Монашннй Дворъ имѣеть бытъ особенно означень. Тушь же ГОСУДАРЬ разсматриваль пригошовленіе обыкновенныхъ ушюговъ.

Возвращаясь въ заводъ чрезъ южныя ворота, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ съ удовольствіемъ разсматривать каналъ, ведущій воду къ Свирильной и къ Молошовой, равно бассейнъ и шакъ называемую *воронку*, чрезъ копорую вода нисходила.

Въ Молошовой присушествоваль при разрѣзываніи на три части крицы и замѣчалъ до конца операцію. Видя, что ГОСУДАРЬ подошелъ очень близко къ огню и могъ опъ летающихъ сильныхъ искръ получить вредъ, я просилъ ЕГО нѣсколько удалиться. На сіе ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО отвѣтствоваль: *Я гасто бывалъ въ огнѣ.* — Я осмѣлился возразить, что ОНЪ предавался тогда опасностямъ для блага Своихъ подданныхъ; но что въ наспоющемъ случаѣ неспросипельно будеть для насъ, если ЕГО ВЕЛИЧЕ-

СТВО получилъ самамалѣйшій вредъ. — Тутъ ГОСУДАРЮ угодно было нѣсколько удалиться отъ огня.

Въ Магази́нѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО разсматривалъ пригото́вленные для продажи издѣлія и спрашивалъ, ка́кимъ образомъ учреждена продажа. Также изволилъ говорить о Силезскихъ опливкахъ и разсматривалъ вещи, опливыя по Берлинскимъ образцамъ на нашихъ заводахъ.

Въ Машинномъ цѣхѣ разсматривая пригото́вленную паровую машину, изволилъ сказа́ть: *Я надѣюсь, что не для употребленія при заводѣ.* На сіе объяснено ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, что дѣйствительно та машина пригото́влена для продажи.

Въ Нижней Липейной ГОСУДАРЬ, разсматривая опли́вку ядеръ, дѣлалъ замѣчанія на охлажденіе оныхъ и переходъ различныхъ цвѣтовъ. Въ семь цѣхѣ показана была ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ модель печи для перегонки смолы и скипидару, также представлень имѣющій у себя подобное заведеніе Купецъ Серебряковъ, ко́порый удостоился лич-

но объяснишь ГОСУДАРЮ все устройство сего дѣла. ГОСУДАРЬ изволилъ замѣшить, что способъ сей сходствуетъ съ обыкновеннымъ пермолампомъ. Потомъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО разсмотрѣла чугунную мостовую, усроенную по предположенію Г. Кларка. При семъ случаѣ изволилъ спрашивать о прочности оной, равно и о цѣнѣ соразмѣрно съ обыкновенною мостовою.

Въ Слѣсарномъ цѣхѣ Вереникина ГОСУДАРЬ изволилъ разсмотрѣть приготовленіе какъ пушечныхъ, такъ и малыхъ виншвъ, и присемъ изъявилъ желаніе имѣть при Своихъ экипажахъ, подъ присмотромъ Полковника Соломки нѣсколько масперовыхъ, которые могли бы приготовлять виншы съ такимъ же совершенствомъ. Для обученія сему дѣлу приказалъ отпустить на заводъ чепырехъ человекъ. — ГОСУДАРЬ съ удовольствіемъ видѣлъ орудія на чугунныхъ лафетахъ и двѣ малыя садовыя пушки. Присемъ однако замѣшилъ, что если непріятельское ядро коснется чугуннаго лафета, то для багарей это можетъ быть весьма опасно.

При выходѣ изъ слѣсарныхъ цѣховъ ГОСУДАРЬ спросилъ меня: все ли ИМЪ обзорно? Я описывалъ, что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО видѣлъ всѣ главныя части завода, какія только по краткости времени можно было показать. ГОСУДАРЮ угодно было тогда изъяснить мнѣ СВОЕ удовольствіе за найденный ИМЪ порядокъ, числену и опрятность какъ завода, такъ и команды, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Я благодарилъ ГОСУДАРЯ и указывая на окружающую насъ команду, осмѣлился предсказать, что счастьемъ угодишь ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ обязанъ я своимъ подчиненнымъ; что въ семь случаевъ почиаю себя однимъ во множествѣ. ГОСУДАРЬ удостоилъ всѣхъ насъ милостивымъ привѣтствіемъ, сѣлъ на дрожки и опѣхалъ для осмотра градской пюрмы и военного гошпипала.

Предполагая, что ГОСУДАРЬ осмотритъ заводскій лазаретъ, я прошелъ въ оный и нашелъ все въ обыкновенной исправности. Дѣйствительно ГОСУДАРЬ изволилъ прибыть чрезъ полчаса, осмотрѣлъ всѣ комнаты, поспели и го-

вориль съ каждымъ изъ больныхъ (ихъ было полько 9, въ томъ числѣ 2 ушибомъ). Увидя на столѣ порцію, опвѣдалъ хлѣбъ, щи и квасъ и предложилъ Князю Волконскому и Г. Муравьеву сдѣлать поже. Изволилъ САМЪ пробовать порцію лососины, освѣдомлялся всегда ли дають оную больнымъ и не можеть ли это быть для нихъ вредно. ГОСУДАРЬ былъ доволенъ найденнымъ порядкомъ и изволилъ еще разъ изъяснить намъ СВОЕ удовольствіе. Послѣ обѣда Г. Лейбъ-Медикъ Вилліе осмошрѣлъ все въ подробносши и былъ также доволенъ.

ГОСУДАРЬ изволилъ спрашивать: не имѣють ли работы наши вліянія на здоровье мастеровыхъ? На сіе объяснилъ я ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, что число спариковъ на заводѣ доказываетъ пому пропивное. ГОСУДАРЬ также спрашивалъ: много ли у насъ пьяницъ? и велѣлъ употребить всевозможное спараніе къ искорененію, или по крайней мѣрѣ, къ уменьшенію сего порока. При чемъ изволилъ сказать, что для достиженія сей цѣли *не столько нужно нака-*

зывать, сколько производит презрѣніе къ пьяницамъ, такъ что бы они были какъ бы исключены изъ общества хорошихъ людей *); молодымъ же людямъ спарашься внушать отвращеніе опшъ пьянства.

По возвращеніи въ домъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО принималъ духовенство, военныхъ и спашскихъ чиновниковъ.

Князь Волконскій объявилъ мнѣ, что ГОСУДАРЬ изволилъ пригласить меня къ СВОЕМУ столу.

Предъ обѣдомъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО призвавъ меня въ кабинетъ, требовалъ нѣкопрыхъ поясненій на планъ города, положеніе улицъ, зданій и прочаго, и при мнѣ разсматривалъ всѣ планы, которые лежали шупь на столѣ. Благодарилъ меня за собраніе предметовъ для него пріяшнихъ (сіе относилось вѣрояшно къ плану дворца ПЕТРА ВЕЛИ-

---

*) Самыя благоразумныя, вѣрныя и успѣшныя мѣры, оправданныя многими уже опытами. При случаѣ скажу о семъ гораздо болѣе. *Прил. Изд.*

КАГО и первыхъ заведеній въ Пепроза-
водскѣ, соспавленному по оспающимъ
признакамъ и по преданіямъ). Разсма-
привая планъ предположенной церкви,
не соизволилъ одобришь оный, сказавъ
что каждое зданіе должно бытъ у мѣ-
спа и соопвѣпствовашь упопребленію
и нуждамъ; что для насъ нужна церковь
проще; причемъ посспавилъ въ примѣръ
Кронштатскую церковь. Попомъ спро-
силъ, гдѣ предположено посспроишь на-
шу церковь? Я указалъ ЕГО ВЕЛИЧЕ-
СТВУ большой квадрапъ въ заводскомъ
кварталѣ: но ГОСУДАРЮ угодно было
посспавишь оную ближе къ угольнымъ
сараямъ. Я осмѣлился замѣпишь пока-
посшь мѣспа. ГОСУДАРЬ сказалъ на сіе,
что ОНЪ САМЪ осмопришь мѣспопо-
ложеніе.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ гово-
ришь мнѣ, что ОНЪ нашель заведеніе
въ Пепрозаводскѣ гораздо значипельнѣе,
нежели предполагалъ, и что ОНЪ вовсе
не ожидаль видѣшь заведенія, заключаю-
щаго въ себѣ сполько важности. Я о-
смѣлился предспавишь ЕГО ВЕЛИЧЕ-
СТВУ, что Олонецкіе чугуноплавилен-

ные заводы имѣюшь и шу еще для Государства пользу, что служашь, шакъ сказашь, розсадникомъ для сей опрасли промышленности. ГОСУДАРЬ изволилъ освѣдомляшься, были ли принимаемы на заводъ въ ученье посторонніе люди, на что представиль я ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ многіе примѣры.

Во время обѣда, при коемъ находились Князь Волконскій, Гг. Муравьевъ, Вилліе, Соломка, Олонецкій Гражданскій Губернашоръ и я, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ разсуждашь о разныхъ предметахъ: о климашѣ Пешпрозаводска, о произрасшѣніяхъ, о разсаживаніи дуба и липы и изволилъ указывашь намъ способы, какъ сберегашь сіи деревья. Послѣ обѣда ГОСУДАРЬ поѣхаль осмашривашь городъ; у сада ПЕТРА ВЕЛИКАГО принужденъ былъ САМЪ съ довольнымъ шрудомъ опворилъ вороша. Обѣхавъ весь городъ и осмошрѣвъ мѣсто, гдѣ предположено было поспроишь церковь, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ проѣхашь на пробу. Въ это время былъ я въ заводѣ, что бы распорядишь починку экипажей, къ кошорымъ на ночь присшавлено было 30 человекъ кузнецовъ и слѣсарей.

Смошришель завода Кларкъ находил-ся по должности при пробѣ вмѣстѣ съ Гг. морскими приѣмщиками. Когда ГОСУДАРЬ прибыль, первый выспрѣль послѣдовалъ благополучно; но при вшоромъ выспрѣлѣ одну пушку разорвало и куски размешало. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО видя смущеніе Г. Кларка, подошель къ нему и сказалъ поанглински: *эту пушку не нужно уже заряжать. Я огонь радѣ, присовокупилъ ОНЪ, что видѣлѣ разрывѣ орудія: это принадлежитъ также къ достопамятностямъ Петрозаводска.* По возвращеніи съ пробы, ГОСУДАРЬ изволилъ пройши въ СВОИ покои.

Князь Волконскій призвавъ меня, пребоваль нѣкоторыхъ свѣдѣній о предположенной къ спроенію церкви, о заводахъ вообще и о чиновникахъ заводскихъ; приказаль подашь списокъ о сихъ послѣднихъ и разспрашиваль особенно о тѣхъ изъ нихъ, копорые заслуживали награды. Я доложилъ Его Сіяпельспву, что имѣющіе право на повышение представлены уже въ Департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ; что впрочемъ, если ГОСУДАРЬ былъ доволенъ, я могъ осо-

бенно засвидѣтельствовашь отличныя способности, шруды и долговременное безпорочное служеніе Гг. Кларка и Смита. Въ 8 часовъ Князь призвалъ меня въпорично и объявилъ мнѣ, что ГОСУДАРЮ угодно было уважишь мою рекомендацію и пожаловашь Г. Кларку орденъ Св. Владиміра 4 й степени, а Смита наградишь чиномъ Маркшейдера. Въ то же самое время Князь вручилъ мнѣ именемъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА знаки ордена Св. Анны 2го класса и прекрасный фермуаръ для опдачи женѣ моей. Я спросилъ Князя, въ какое время должны мы явишься къ ГОСУДАРЮ благодарить ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО за оказанныя намъ милости; Князь сказалъ, что бы мы явились предъ опшѣздомъ ИМПЕРАТОРА, копорый назначень былъ на другой день, въ 7 часовъ ушра.—Спустия нѣсколько времени получилъ я орденскій знакъ для Г. Кларка, шакже рескрипты на его и на мой орденъ и Указъ о чинѣ Г. Смита. Берггешворень Меллеръ, копорому поручень былъ присмотрѣ въ домѣ, удостоился получишь золотую шабакерку; всѣ домашніе люди получили денежныя награ-

ды, равно и масперовые, починивавшіе экипажи.

Когда я объявилъ Князю, сколь прискорбна для насъ неудачная проба орудій, по онъ спросилъ меня: можно ли по наружнымъ признакамъ судить о качествѣ орудій? Я объяснилъ на сіе Его Сіяшельству, что кромѣ пробы никакихъ другихъ для того способовъ нѣтъ, и Князь успокоилъ меня, сказавъ: „не худо, что ГОСУДАРЬ видѣлъ, какъ разрываетъ орудія.“

Вечеромъ получилъ я записку отъ Г. Лейбъ Медика Вилліе, что бы надпись на орудіи, отпечатавъ при ЕГО ВЕЛИЧЕСТВѢ, начиналась сими словами: *Europaе Pacificator.*

8 *Августа*. Въ 5 часовъ поутру осматрѣлъ я экипажи и нашелъ оныя почти исправленными. Въ половинѣ шестаго ГОСУДАРЬ изволилъ призвать меня въ кабинетъ и сказалъ мнѣ, что во время вчерашней прогулки осматривалъ ОНЪ кварталъ, гдѣ живутъ заводскіе масперовые; что нѣкоторыя шамъ дома опрятны и правильны, но другіе не имѣють кой чистоты и правиль-

носпи, которую ОНЪ вездѣ желяеть находить; что въ нашей командѣ, казалось ЕМУ, весьма бы удобно было соблюдать въ сей часпи порядокъ и что ОНЪ возлагаеть на меня обязанность смотрѣть какъ за внѣшнею, такъ и за внутреннею опрятностью жилищъ заводскихъ мастеровыхъ. Ошносительно сего предмета между прочимъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ изъяснить СВОИ мысли, что роскошь въ мебелихъ считается ОНЪ для класса мѣщанъ и ремесленниковъ вовсе неумѣстною и даже непрятною; но что самыя обыкновенныя мебели, когда онѣ содержатся въ чистотѣ, очень прятны; что *опрятность въ жилищахъ имѣетъ вліяніе не только на здоровье, но и на самую нравственность хозяевъ *)*, которые любятъ свои дома, дѣлаются отъ того счастливые; что ОНЪ полагаетъ на меня въ усстроеніи надлежащимъ обра-

---

*) Совершенная правда: опрятность неразлучна почти съ воздержаніемъ. *Прил. Изд.*

зомъ сей часши и надѣешся, что со временемъ жилища заводскихъ мастеровыхъ будутъ служить примѣромъ для городскихъ обывателей.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ угодно было сказать мнѣ еще нѣсколько лестныхъ словъ на щепъ чистоты и порядка, замѣченныхъ ИМЪ какъ въ заводѣ, такъ и въ домѣ. Я воспользовался симъ случаемъ, что бы доложить ГОСУДАРЮ, сколько несчастливы мы были при вчерашней пробѣ и что мы опасались, чтобъ ОНЪ не возымѣлъ о насъ худаго мнѣнія. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО сказалъ мнѣ на сіе весьма милосливо, что ЕМУ пріятно даже было видѣть разрывъ орудія, ибо это доказываетъ, что съ нашей стороны не было никакого шухъ шарлапанства. Впрочемъ ГОСУДАРЬ повелѣлъ доставить на усмотрѣніе СВОЕ чрезъ Г. Министра Финансовъ свѣденія о пушкахъ, апробованныхъ въ послѣдніе годы съ означеніемъ изъ какихъ точно печей онѣ опланы, дабы можно судить пошому, которыя орудія прочнѣе и безопаснѣе.

Когда я прощался съ ИМПЕРАТОРОМЪ,

шо ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО между прочимъ изволилъ сказаць, что мѣстоположеніе Петрозаводска ЕМУ весьма понравилось; что ОНЪ надѣется чрезъ нѣскольکو времени опять быть здѣсь, что даже и нужно. При самомъ отпѣздѣ ГОСУДАРЬ сказалъ мнѣ: Я очень радъ, что возобновилъ съ вами знакомство; надѣюсь, что мы скоро увидимся и что Я исполнилъ ваши желанія.

Да благословишь Всевышній путь крошкаго, милоспиваго и великодушнаго нашего МОНАРХА! У насъ показался онъ не шакъ, какъ Царь, но какъ Ангель!

УЧЕНЫЙ СПОРЪ *)

Я, въ своей молодосии, былъ свидѣтелемъ очень забавнаго происшествія (говоришь мой дѣдушка въ записной сво-

*) Сія піеса чипана въ собраніи С. П. бургскаго Вольнаго Общества любителей Словесности, Наукъ и Художествъ 23 ч. минувшаго мѣсяца Октября.

ей книжкѣ, копорая одна, изъ всѣхъ его сочиненій, шолько и уцѣлѣла). Эшо было въ 1733 году. Василій Кириловичъ Тредьяковскій пригласиль меня къ себѣ на вечеръ въ госпи: наканунѣ того дня пожаловали его Секретаремъ Академіи Наукъ. Я зналь, что у шакого славнаго человекъ, копорый, по одной склонности къ наукамъ, долго пупеществовалъ по Голландіи, Англіи и Франціи, соберешя много ученыхъ людей — и попому приѣхаль къ нему пораньше. Признаюсь, хопь самъ большой невѣжа, а всегда любиль слушашь умные разговоры, особенно людей, извѣстныхъ своими сочиненіями.

Вкорѣ послѣ меня пришли: Иванъ Ильинскій и Пепръ Буслаевъ. Мнѣ сказывали, что Василій Кириловичъ не очень любиль перваго за насмѣшливый его нравъ; однакожь онъ долженъ былъ показывашь къ нему почтеніе за старшинство его въ службѣ при Академіи, а болѣе за то, что онъ былъ училемъ Князя Кантемира, отпраившагося тогда Министромъ къ Великобританскому Двору. Но Буслаевъ былъ

прямо по душѣ хозяина. Онъ всегда удивлялся *сладоути* и *вымышленности* его поэзіи. Госшей было много; однакожь примѣчали, что хозяинъ ждалъ кого-то съ особеннымъ неперѣніемъ. „Ко мнѣ хошѣлъ бышь и Владыко; шолько онъ не очень здоровъ“ сказали наконецъ всѣмъ съ улыбкою Тредьяковскій. Между шѣмъ, какъ начали говорить о почтенномъ нашемъ Злапоуспѣ, о спраши его къ наукамъ, о заведенномъ имъ на своемъ иждивеніи училищѣ, о заслугахъ его ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ — Прокоповичъ и самъ приѣхалъ. Любопышно было посмопрѣшь, какъ онъ умѣлъ еще оживлять все общество за три года до своей кончины. Онъ съ удовольствіемъ рассказывалъ, на какія пожертвованія рѣшался для приобрѣтенія познаній въ наукахъ. Когда я прибылъ (говорилъ онъ) изъ Кіева въ Липву, чшобъ записаться въ училище; шамъ меня не приняли, опъ шого, что я Греческой вѣры: нѣчего было дѣлать, я назвался Уніапомъ. По крайней мѣрѣ эшо было не даромъ. Какъ бы мнѣ побываць безъ шого въ Римѣ, Венеціи? Тредьяковскій прибавилъ,

что, по истинѣ, для усовершенствованія себя въ наукахъ, надобно побывашь шамъ, гдѣ онѣ процвѣшаютъ.

Буслаевъ, при послѣднихъ словахъ его, сдѣлалъ такое движеніе головою, которое показывало, что онъ съ нимъ несогласенъ. Тогда Тредьяковскій замѣшилъ, что это правило имѣеть исключеніе. Въ стихотворствѣ, напримѣръ, можно успѣшь, руководствуясь одною природою. Ильинскій началъ доказывать, что природный вкусъ безъ очищенности, безъ вѣрныхъ правилъ, часто заблуждается, и попому, для успѣховъ въ Поэзіи, равно какъ и въ другихъ наукахъ, надобно заимствовать правила между такими людьми, у которыхъ много прекрасныхъ стихотворческихъ произведеній.

Тутъ разговоръ между учеными сдѣлался общимъ.

Буслаевъ. Спранное мнѣніе: надобно заимствовать правила для Поэзіи! Гомеръ написалъ первую въ свѣтъ Поэму, и сдѣлался для всѣхъ образцемъ. Видите ли, что рождаются умы, которые не имѣють нужды въ правилахъ! Напро-

пивъ; правила соспавляющся по ихъ произведеніямъ, что пакже не совсемъ хорошо, а особенно, когда силящся увѣришь всѣхъ, что опспупленіе опъ сихъ правилъ естъ заблужденіе вкуса.

Прокоповичъ. Но чѣмъ вы убѣдите насъ, что Гомеръ не имѣлъ образцевъ въ своемъ родѣ? Я нахожу очень основательнымъ по мнѣнію, что прежде него были эпическіе спихопворцы, коихъ сочиненія пошому именно и не дошли до насъ, что онѣ, какъ первые опыты въ семъ родѣ, были несовершенными. Вамъ извѣстно, что не Эсхиловы трагедіи прямо поступили на Греческій театръ. Задолго еще до него развѣзжалъ по Греціи Тесписъ съ безвкусными своими предспавленіями, копорыми онъ забавлялъ чернь. Что касается до вшораго замѣчанія вашего на счетъ уваженія приняныхъ всѣми правилъ въ Поэзіи, оно показываешъ одну спрасъ къ новости, а не къ истинѣ. Гомеровы Поэмы не пошеряли цѣны ни у одного просвѣщеннаго народа въ печеніе двухъ тысячъ съ половиною лѣтъ; слѣдспвенно можно изъ нихъ вывести правила, какъ пишашъ хорошія Поэмы.

Ильинскій (улыбаясь). Зачѣмъ идши намъ одною съ людьми дорогою: мы и свою пропопчемъ. Такихъ мыслей, кажешся, держались и первые наши спиховорцы. Полошскій написалъ: *Гласъ послѣдній*; Тупшало священныя предспавленія: *Рождество Христово, Успенская* и проч. Эпо подлинно безпримѣрныя произведенія! Жаль полько, что ихъ больше не берущъ въ руки.

Тредьяковскій. Неудивительно: мы живемъ въ другомъ вѣкѣ. Ученикъ Полошскаго исполинскою своею рукою придвинулъ насъ къ другимъ Европейцамъ. Мы заняли опъ нихъ новый вкусъ. Перемѣна нравовъ сдѣлала для насъ спранными спарыя мнѣнія.

Ильинскій. Хорошо, Василій Кириловичъ, что и вы перешли на мою и Его Высокопреосвященства спорону.

Тредьяковскій. Изъ чего вы эпо заключили?

Ильинскій. Изъ вашихъ послѣднихъ словъ. Правда, вы не прямо сказали, чего мнѣ давно хопѣлось; однакожь можно до эшаго дойти. Сочиненія Полошскаго и Тупшало, по словамъ вашимъ, опъ перемѣны вкуса лишились

своей цѣны. согласишесь, что послѣ Гомера еще больше разъ вкусъ перемѣнялся; однакожь нигдѣ не пересщаюшъ читаешъ ни Иліады, ни Одиссеи. Сверхъ того, что и у другихъ новѣйшихъ народовъ писано сообразно съ правилами, выведенными изъ древнихъ сочинителей, но не только сами они, но и мы любимъ читаешъ. Слѣдовательно, когда бы наши первые стихотворцы не уклонились отъ сихъ правилъ; вѣроятно, на нихъ бы цѣна въ нѣсколько десяшковъ лѣтъ не упала. Признаемся, что, къ чести нашего времени, Князь Кантемиръ пошелъ настоящею дорогою въ своихъ сапиряхъ: а онъ не проложилъ для себя новаго пути на семь поприщѣ. Онъ идетъ по слѣдамъ Горация, Ювенала и подобныхъ имъ: однакожь я надѣюсь, въ чемъ вѣрно и вы согласишесь, что его не покинушъ наши соотечественники и тогда, когда будешь говорить и писать совсемъ отличнымъ нарѣчіемъ отъ нынѣшняго.

Буслаевъ. Такія гаданія не совсемъ безпристрастны. Но что до нихъ: когда-то это будетъ. О Полешскомъ и

Тупшалъ я сужу иначе. Ихъ забыли шакъ скоро не пошому, что они въ сочиненіяхъ своихъ не наблюдали приняпыхъ правилъ въ Поэзіи, но пошому, что у нихъ не было испинно спихотворческаго дара. Какъ мѣряшь, напримѣрь, всякую Поэму Гомеровымъ аршиномъ? Онъ захопѣлъ, что бы его полководцы были выше, чѣмъ люди; что бы участію сражавшихся занялись всѣ боги на Олимпѣ, и что бы, наконецъ, непоспижимая судьба вела не только людей, но и боговъ къ предположенному имъ концу. Я не понимаю, въ чемъ будешь соспояшь выгода, если всякая Поэма наполнишя такими чудесами?

Прокоповигъ. Мнѣ кажешся, эшо ясно: Героическая Поэма, какъ высочайшее произведеніе спихотворешва, займешъ свое мѣсто и не унизишся до Испоріи. Всѣ великіе характеры помѣщенныхъ въ ней лицъ будущъ свидѣшельспвовашъ, что ихъ создалъ вдохновенный человекъ, каковъ и долженъ бышь спихотворецъ. Безъ содѣйспвія же силы, копорая выше человекской, мы не только не умѣемъ предспавишь себѣ

необыкновеннаго, великаго происшествія, но и всякаго спранныаго дѣла. И такъ на сущности Поэмы и на естественномъ понятіи нашемъ о чрезвычайныхъ случаяхъ основывася все, чего вы не хотите признашь справедливымъ.

Тредьяковскій. Чѣмъ же замѣняшь намъ Греческихъ боговъ, когда предметомъ Поэмы будешь происшествіе новѣйшее? Хорошо ли сдѣлалъ Камознсъ, что заспавилъ Венеру бышь покровительницею Гамы?

Ильїнскій. Сколь ни велика потеря для новѣйшихъ Поэповъ, что они не всегда могутъ пользоваться Греческою Мифологіею; однакожь разумокъ и вкусъ пребудутъ опъ нихъ сей жертвы. Камознсово воображеніе всеми красками своими не можетъ защищать эпаса непростительнаго своеправія, которое оно показало въ своемъ произведеніи. Впрочемъ съ упрасою Греческой Мифологіи область чудеснаго для насъ еще не опустила. Благодаря вымысламъ о волшебствѣ, о благодѣшительныхъ и враждебныхъ духахъ, благодаря сему пиши-

ческому заблужденію простаго народа, новѣйшіе спихошворцы также могутъ быть сильными въ чудесахъ, какъ самый Гомеръ. Дѣло только въ томъ, что бы имѣли его шворческій умъ и всеобъемлющее воображеніе.

Буслаевъ. Нѣтъ! Предразсудки все останутся предразсудками, и не производятъ никакого дѣйствія надъ душою, какъ вѣра, копорю воспользовался Гомеръ. Если надобно въ Поэмѣ чудесное, пусть же оно и у насъ будетъ заимствовано отъ Вѣры.

Ильинскій. Вы противорѣчите сами себѣ. Развѣ вы не чувствуете, что вѣра древнихъ Грековъ есть собраніе предразсудковъ, копорое Гомеръ привелъ въ порядокъ; придавъ чувственныя качества заблужденіямъ суевѣрія? Это легко сдѣлать и съ нашими суевѣрными вымыслами. Но въ силахъ ли ктонибудь поступить такъ съ нашею чистюю, безплошною вѣрою, не униживъ того, что она имѣетъ высочайшаго, не обезобразивъ того, что въ ней есть прекраснѣйшаго?

Прокоповичъ. И не безумно ли бу-

дешь украшаютъ игру воображенія пѣмъ, что, по убѣжденію разсудка и сердца, для всякаго священно; приписываютъ усилія чловѣческія въ дѣлахъ Тому, Кто одною мыслию въ соспоянїи все создашь и разрушаешь? Не забудьте, что Греческіе боги были похожи на людей своими слабостями. Что вы найдете подобное этому въ нашей вѣрѣ?

Буслаевъ примѣнно былъ разспроенъ симъ разговоромъ. Казалось, у него на языкѣ была шайна, копорую онъ съ шрудомъ удерживаль межъ губами. Ильинскій, какъ побѣдитель, по привычкѣ своей, продолжалъ подшучивать на счещь спранныхъ мнѣній Буслаева, копорый, между пѣмъ, нѣсколько разъ подвигаль руку свою къ боковому у себя карману, очень опдувшемся, и опянь ошнималь ее. Наконецъ Ильинскій, оборошась къ нему сказалъ: „хошѣлось бы мнѣ, для праздника Василія Кириловича, прочипаешь шеперь что нибудь, написанное въ этомъ вкусѣ, копорый вы защищали: мы бы повеселились!“ Буслаевъ не выдержаль шакого искушенія. Онъ надѣялся однимъ ударомъ поразить

своихъ прошивниковъ и выпацилъ изъ кармана прешолспую пенсрадь, копорую - было намѣревался пересмотрѣшь только съ Васильемъ Кирриловичемъ, чшобъ воспользовашься его замѣчаніями. Это было: *Улюзрительство душевное о переселеніи въ вѣсную жизнь Баронессы Строгоновой*, Поэма его въ двухъ частяхъ.

Буслаевъ, послѣ крапкаго предисловія, въ самомъ дѣлѣ началъ ее чинашь самъ. Госпи, по большой части, зѣвали, кромѣ Ильинскаго, копорый глазъ не спускалъ съ сочинителя, а другіе, чшобъ не зѣвашь, пошихоньку уѣхали домой. Время приходило за полночь. Прокоповичъ подъ какимъ-шо предлогомъ вышелъ и, чшобъ не обезпокоить чшеца, назадъ не приходиль. Но Буслаевъ, въ жару, ничего вокругъ себя не видалъ. Мнѣ и самому (прибавляешъ здѣсь мой дѣдушка) очень хопѣлось спать; однакъъ я рѣшилъ подождатьъ конца. Къ счастью моему развязка скоро послѣдовала. Буслаевъ дошелъ до лучшаго мѣста въ своей Поэмѣ:

Явилася скоро прекрасна дѣвица;
 Воскликнули Силы: пришла небесна царица,
 Оболченна вся, въ солнце; луна подъ ногами;
 На главѣ же корона царская съ звѣздами.
 Мужей, женъ и дѣвъ много, входили по чину:
 Спрашно намъ грѣшнымъ было разсуждать
 причину.
 Всѣ блещущъ во славѣ, чести и силѣ не-
 бесной.
 Умъ душевный се видѣлъ; слѣпъ былъ зракъ
 шѣлесной.
 Пламеновидны силы крестъ Христовъ о-
 кружали,
 Терновъ вѣнецъ и ужи, чѣмъ Христа вязали;
 Тросъ, копіе и гвозди, спраспей инстру-
 меншы,
 Отъ чего шрепетали свѣща элеменшы.

Послѣ сихъ спиховъ онъ оспано-
 вился и поднялъ глаза, на копорые пер-
 вый попался Ильинскій. Они безмолвно
 смопрѣли другъ на друга. Казалось, Бу-
 слаевъ воспоржеспвоваль. Ильинскій
 всшаль съ своего мѣспа, принялъ под-
 несенный ему покаль Шампанскаго и,
 поднявъ его къ верху, громогласно про-
 изнесъ любимый свой спихъ:

Ликуемъ, Моме, оба! Се книга кончася:
 Мнѣ убо покой, шрудъ же тебѣ даровася.

Громкій хохотъ раздался по комна-
нашъ. Эпа неожиданная оспропта споль-
ко взбѣсила Буслаева, что онъ бросилъ
пешрадь свою въ Ильинскаго (отъ чего
чупь - было покаръ, изъ котораго онъ
спалъ пишь, не проскочилъ ему въ рошь)
и убѣжалъ самъ домой: Насмѣшники
полько другихъ выводятъ изъ шерпѣ-
нїя, а сами его не теряютъ. Ильинскій,
кладнокровно собравъ лиспы, разлепѣв-
шіеся по полу, подалъ ихъ Трешьяков-
скому и, разкланиваясь, сказалъ: „Юпи-
теръ сердился: слѣдспвенно онъ не
правъ.“

Плетневъ.

О ДРЕВНИХЪ НАДГРОБНЫХЪ ПАМЯТНИ- КАХЪ.

Обыкновеніе, о кошоромъ я гово-
ришь намѣрень, вѣрояшно получило на-
чало свое въ вѣки грубаго невѣжесшва;
по ешь, въ по время, когда Европа, сей
безпрерывный театръ ужасовъ и опу-
стошеній, представляла взорамъ худож-
ника одни кровопролитныя зрѣлица.

Не лзя не възспашъ прошивъ варварскаго обычая, изображащъ послѣднюю цѣль жизни нашей, въ видѣ мершвой головы или безобразнаго ошова. Сіи эмблемы, удобны болѣе возмушишь душу, нежели ее възвысишь; ибо предметы, ужасающіе зришеля, не могутъ въ то же время насшавишь его. Зачѣмъ же умножатъ спрахъ нашъ, представляя разрушеніе подъ шакою грозною мыслію! „Если, говоришь Аббашъ Арнодъ, можно изображашъ смерть въ видѣ ошова; шо почему нельзя представишь жизнь въ видѣ живущаго существа? Не спранно ли бы было шакое изображеніе?“ Приведемъ на память нѣкопорыхъ изъ обыкновеній древнихъ, упичпоженныхъ уже временемъ и наслѣдованныхъ обычаями, о копорыхъ говорю шеперь. Они занимали въ самой жизни и въ произведеніяхъ природы предметы, для изображенія сосшоянія челошъка послѣ смерти его, чшо имѣло болѣе силы производишь впечатлѣнія полезныя. Тогда все содѣйспивовало ко възвышенію чувсшва и величію мысли: ибо они знали недолговременносшь впечатлѣній, опечали-

вающихъ душу нашу. Вопль почему находимъ мы на урнахъ ихъ споль пріятныя изображенія смерти, какъ напримѣръ: заснувшій *Ендиміонъ* или *Гиласъ*, похищенный Наядами. Амуръ, обратившій свой пламенникъ внизъ, означаетъ символъ сна и вмѣстѣ смерти. „Они брашья“—говоритъ Гомеръ. Если, обращенный внизъ пламенникъ, даетъ мысль о смерти; то въ то же время Амуръ изображаетъ начало жизни. Извѣстно, что въ древности смерть юношей приписывалась спрѣламъ Аполлона; а смерть дѣвиць спрѣламъ Діаны. И вообще спрѣлы обоихъ почипались эмблемою смерти. Въ Греціи, молодые люди проливали воду на могилѣ своихъ сверстниковъ: Отсюда взяли обычай изображать на гробницахъ прекраснаго пола дѣвушку, держащую лейку съ водою; а на могилѣ юношей молодого человѣка съ такимъ же сосудомъ. Ихъ надгробные памятники показываютъ намъ, что ранняя смерть изображалась или Авророю, увлекающею въ объятія своихъ младенца, или розою. И въ самомъ дѣлѣ сей прелестный цвѣшокъ даетъ намъ мысль о безпечной

юности, похищенной съ поприща весенней жизни. Роза, со всею красою своею, служила всегда символомъ смерти, или крапковременной жизни. Чѣмо можешь бышь приличнѣе сего цвѣшка, дабы выразить быспропу, съ какою мы переходимъ въ вѣчность: онъ блискаетъ также очень не долго. Опъ сего пріятно обыкновеніе усыпать цвѣтами могилу. Еще оспались надписи, въ коихъ обращающся къ прохожимъ съ просьбою, оспановишься и бросишь на гробницу нѣсколько цвѣшовъ. Еспь урны, на коихъ примѣпны различныя изображенія, на нихъ вырѣзанныя, какъ по: роза, плющъ, дубъ и вѣнокъ, копорый по словамъ одного авшора, служишь знаменіемъ спокойствія, необуреваемого уже спрасями и шумомъ свѣта. Вошь почему вѣнчали ими умершихъ. Изъ сего можно видѣшь, сколько Греки спарались усладить гореспную мысль о смерти, изображая ее словами и предметами пріятными и упѣшишельными.

Сѣ Франц. Н. Ельтаниновъ.

С М Ъ С Ъ .

Благотворенія.

Издатель *Благонаименнаго*, при письмѣ Гна *В. З.* изъ Сарашова отъ 11 ч. минувшаго Октября, получилъ для доставленія несчастному изувѣченному чиновнику 14 класса *И. П. Щелкунову* съ бѣдными его малолѣтными дѣтьми (см. VIII № сего Журнала на прошедшій 1818 годъ, стран. 255) двадцать пять рублей (25 р.).—*Доставлены.*

Книжныя извѣстія.

I.

Многіе Французскіе писатели, и изъ числа ихъ удачнѣе другихъ Кулонъ де Тевено, Коненъ де Препанъ, и наконецъ Ашье старались посредствомъ сокращеній и знаковъ ускорить письмо, и стенографическіе ихъ опыты заслужили вниманіе всей просвѣщенной Европы и введены въ употребленіе во многихъ Университетахъ, не говоря уже о писателяхъ и ученыхъ, для которыхъ польза, происходящая отъ сего искусства, неимовѣрна. Въ 1816 году изданная

Г. Астѣе *Графодроиѧ* или искусство Скорописи превзошла всѣ прежнія меподы; главное достоинство ея—ясность и краткость правилъ; выгоды ея—неисчислимы. Нѣсколькихъ уроковъ довольно, что бы узнать всѣ основанія ея, безъ всякой помощи учителя, по одной только книгѣ. Въ мѣсяцъ, каждый кто спанешъ ей учишься, будешъ уже въ состояніи слѣдовать на письмѣ за скороговорящимъ человекомъ. Засвидѣтельствовать это можешъ всѣмъ, которые занимались сею наукою по системѣ Г. Астѣе.—Книга сія нынѣ переведена на Рускій языкъ и ея правила примѣнены къ правиламъ нашего языка, а гдѣ нужно замѣнены новыми. — Сей опытъ, первый въ такомъ родѣ въ нашемъ опечествѣ, показываешъ до какой почти невѣроятной скорости можешъ быть доведено искусство письма, и вмѣстѣ, по чрезвычайной легкости и ясности своихъ правилъ, какъ выше замѣчено, можешъ быть употребленъ каждымъ возрастомъ, каждымъ состояніемъ съ пользою, которой обширность покажешъ каждому собственный опытъ.—Подписка на сіе сочиненіе, съ принадлежащими къ оному семью таблицами, принимается по десяти рублей у самаго издашеля *Барона Модеста Андреевита Корфа*, живущаго по *Фоншанкѣ* близъ *Калинкина* моста въ домѣ *Вице - Адмирала*

Клокачева подъ N^о 363, во второмъ этажѣ; также въ книжной лавкѣ Заикина въ домѣ Императорской Библиотеки подъ N^о 26. Имена подписавшихся особъ будутъ припечатаны въ концѣ книжки.

2.

Журналъ: *Благонамѣренный* будетъ издаваться и на слѣдующій 1820 годъ на прежнемъ основаніи, но есть, по двѣ книжки въ мѣсяцъ, въ половинѣ и въ концѣ каждаго. Въ семь Журналѣ помѣщаются будущъ, какъ и прежде: 1) стихотворенія; 2) повѣсти оригинальныя и переводныя; 3) отрывки изъ новѣйшихъ Рускихъ путешествій; 4) небольшіе нравоучительные, сатирическіе и политическіе сочиненія и отрывки; 5) Разсужденія относительно теоріи Словесности; 6) Рускіе *) и иностранныя анекдоты; 7) извѣстія о нѣкопрыхъ новыхъ театральныхъ піесахъ и замѣчанія о игрѣ актеровъ; 8) выписки изъ новѣйшихъ иностранныхъ Журналовъ, письма къ Издателю отъ его Корреспондентовъ изъ чужихъ краевъ, разныя извѣстія, замѣчанія и ш. п.

---

*) Издатель собралъ уже около ста любопытныхъ и достоверныхъ Рускихъ анекдотовъ; оспрашивается только написать ихъ хорошенько.

Сверхъ того Издашель намѣренъ прибавить новую въ своемъ Журналѣ спашью, которую постарается сдѣлать-сколь возможно занимательнѣе, а именно: *Критику*, т. е. разборъ нѣкоторыхъ образцовыхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ, и рецензіи на новыя книги. Многіе извѣстные литераторы обѣщали принять участіе въ трудахъ Издашеля, который употребитъ всѣ зависящія отъ него способы, что бы Журналъ его соотвѣтствовалъ своему названію. Сочиненія, прошивныя спрогой нравственности и цѣломудрію, а также и бранныя критики, не будутъ имѣть мѣста въ *Благонамѣренномъ*.

Подписка на Журналъ *Благонамѣренный* принимается у Издашеля Коллежскаго Совѣтника *Александра Ефилювита Измайлова*, живущаго на Пескахъ противъ Бассейна, въ новомъ каменномъ домѣ Моденова подъ № 283; въ Газетной С. Петербургскаго Почтамта Экспедиціи, которая приняла самыя вѣрныя мѣры къ исправному доставленію сего Журнала иногороднымъ подписчикамъ, и у всѣхъ здѣшнихъ книгопродавцевъ. Цѣна за годовое изданіе, т. е. за 24 книжки, здѣсь въ С. П. бургѣ, на люб бум. 35, а на простой 30 рублей; за полугодовое же или за 12 книжекъ, вполонину менѣе. За пересылку въ другіе города и за доставленіе на домъ прилагается въ годъ по 5 р., а за полгода

2 р. 50 к. Для всѣхъ вообще казенныхъ училищъ дѣлается уступки ошъ каждого экземпляра въ годъ по 10 р. Начальники, или правленія оныхъ, благоволяшъ ошн-ситься съ требованіями своими къ самому Издателю. Имена подписавшихся особъ будушъ припечатаны.

У Издателя *Благонѣмленнаго* можно еще получить сей Журналь за прошедшій 1818 и за нынѣшній 1819 годъ. Цѣна первому 25, а послѣднему 30 р. безъ пересылки на проспой бумагъ. Если же кому изъ подписавшихся на слѣдующій 1820 годъ угодно будетъ взять у самага Издателя Журналь сей и за прежніе два года; въ такомъ случаѣ имѣетъ бышъ сдѣлано уступки ошъ каждого годоваго экземпляра по 10 р. На пересылку предлагается за каждый годъ по 5 р.

Н. В. Въ XX N^o *Благонѣмленнаго*, въ объявленіи о *Сибирскомъ Вѣстникѣ*, сдѣланы двѣ ошибки: въ 23 й строкѣ на страницѣ 119 напечатано: общественныя вмѣсто: *общепользныя*, а на 121 стран. въ претвѣей строкѣ: по 30 рублей вмѣсто *пятидесяти*.

~~~~~

(20 Ноября).

Хотя Газетная С. П. бургскаго Почтальта Экспедиція и приняла самыя

вѣрныя лѣры къ исправному доставленію сего Журнала иногороднымъ подписчикамъ; но если пате гаянія случится, то кто нибудь изъ нихъ не получитъ въ свое время которой либо книжки, въ такомъ случаѣ благоволено бы было относиться о семъ въ упомянутую Экспедицію или къ самому Издателю.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

НОВАЯ. 1819. № XXII.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДО-
ЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВЕЧЕРНЯЯ ПРОГУЛКА.

О другъ мой, милый другъ! природа насъ
зовешъ

Бесѣдовать съ собою.

Уже за дальнею, шуманною горою
Злашаго Феба пускльй свѣшъ,
Переливаясь, угасаешъ;
Уже изъ за сѣдыхъ холмовъ
Задумчиво луна сребриста выплываетъ,
Рисуя въ озерѣ рядъ сизыхъ облаковъ,
И зыбкій островокъ, правою опущенный,
И внизъ стоящими вершиною древа,
И виды сельскіе, и домики смиренны. —
Повѣялъ вѣперокъ—и шепчетъ мурава,
И воды спящія пріятно заструились,
И дышетъ нѣгою любимый садикъ швой.

И скромныя твои фіалки оживились,
И мѣсяць радостно блискаетъ надъ горой.
Какое сладкое вездѣ благоуханье!

Пойдемъ и воскресимъ въ душѣ воспомина-
нанье

Для сердца нашего шѣхъ незабвенныхъ дней,
Когда, помясь въ любви, мы крылись опъ
людей

И грусть ея одной природѣ лишь ввѣряли:
Такъ дни и мѣсяцы уныло прошекали.

Вошь здѣсь, на берегу прохладнаго ручья,
Въ волненьи пламенномъ, борясь съ самимъ
собою,

Впервые въ чувствахъ я открылся предъ
тобою

И ощутилъ въ себѣ всю прелесть бышя,
Когда сказала ты, любовью увлеченна:

„Будь счастливъ, если мной мила тебѣ все-
ленна.“

Твой голосъ на устахъ спыдливыхъ пре-
петаль;

Но я въ душѣ твоей судьбу мою чиналъ:

Я видѣлъ въ ней свой рай—я пилъ свое
дыханье.

Во взорахъ, на лицѣ я зрѣлъ твою любовь,
Воспоргъ души, огонь чувствъ, любви очаро-
рованье

Перенесли меня въ святилище боговъ.

Но можешь ли языкъ обыкновенный
 Всю силу чувствъ священныхъ словами объяс-
 нить?
 Нѣтъ—смертный, счастьемъ бессмертныхъ
 упоенный,
 Безсиленъ счастье свое изобразить.
 Вотъ розовый лѣсокъ, гдѣ лѣпнею порою
 Мы любовались румяною зарёю,
 И между тѣмъ, какъ день дремалъ на лонѣ
 сна,
 Смотрѣли, какъ во всемъ величїи луна
 Сребрила ближней долъ, и холмы отдаленны,
 И свой сливала блескъ съ огнемъ крестовъ
 златыхъ
 На храмъ, въ коемъ мы, любовью осѣненны,
 Предъ олшаремъ Творца, въ присутствїи
 родныхъ,
 Торжественно обѣтъ священный совершили:
 Любимъ другъ друга до могилы.
 Вотъ здѣсь нерѣдко я воспорженный, вни-
 малъ
 Раскашамъ соловья и горлицъ воркованью;
 Здѣсь мысленно себя спокрашно цѣловалъ,
 Прелестныхъ голубковъ завидуя лобзанью.
 Вотъ и Швейцарїи *) каршинныя мѣста,
 Гдѣ часто, посреди сердечныхъ наслажденїи,

---

*) Такъ называется одно гульбище въ окрестностяхъ Казани.

Незрима спутница минувныхъ восхищеній,
 Непостоянная крылашая мечта,
 Обворожила насъ—надеждою пустою:

Я мнилъ, неопышный, блаженствовать съ
 побою

При тихихъ радостяхъ и въ шумъ город-
 скомъ;

Но опытъ мнѣ открылъ, что счастье сво-
 боды

Мы можемъ лишь вкушать въ объятіяхъ
 природы.

Ужасно въ рабствѣ бытъ, кто не рожденъ
 рабомъ

По сердцу и по чувству!

Нѣтъ, милый другъ! не намъ — ничтожному
 искусству,

Искусству въ свѣтѣ жить,

Спокойствіемъ души безхитростной плашить.

Теперь не будемъ мы обманушы мечтою,

Живя въ кругу друзей съ любовію святою.

Чѣмъ можно въ обществахъ блестящихъ
 замѣнять

Блаженство двухъ сердець, двухъ душъ сое-
 диненье,

Восторги нѣжные и сладкое томленье

Супружеской любви? — Чѣмъ можешь насъ
 прельщать

Вихрь суешныхъ забавъ, изобрѣтенныхъ
 скукой?

Природа, дружество, любовь для насъ по-
 рукой,

Что счастье наше жить подъ кровлею род-
ной;
Все наслаждение — въ свободѣ золотой.

Село Никольское.   Ѡ . . . Рындовскій.

ЛИРА, ПРИНЕСЕННАЯ ВЪ ЖЕРТВУ.

(изъ Мильвуа.)

Аминшу гордую ты, лира, прогнѣвляешь;
Твой каждый спраспный звукъ — жестокій
ей упрекъ;
Но ты во пламени гнѣвъ ярый уполяешь:
Погибнуть ты должна; проси, прости на
вѣкъ!

*

О Нимфы сихъ долинъ, рѣзвась ко мнѣ
бѣгите
И сонмъ лѣсныхъ боговъ толпою соберись;
Кошницу алыхъ розъ для жершвы прине-
сите,
Немного лавровъ, миршъ и юный кипарись.

*

Вотъ жершва на коспрѣ и убрана цвѣ-
шами.

О лира, ты теперь обречена богамъ;
Греми въ послѣдній разъ волшебными стру-
нами! . . .
— И пихо пробѣжалъ звукъ томный по
струнамъ:

*

„ Остановись . . . о ты, чью жизнь я улаж-
дала;
„ Ты звалъ боговъ: — ихъ гнѣвъ неблагодар-
нымъ мспишь. —
„ Любовь есть мигъ; а я — безсмертіе смя-
жала;
„ Расскаешься . . . но вопль меня не воскре-
ситъ.

*

„ Я пробуждалася своимъ прикосновеньемъ,
„ Дѣлила грусть свою, одна, въ глуши
ночной;
„ И впредь, во мракѣ соснь, пинаясь вдох-
новеньемъ,
„ Элегіи поску воспѣла бы съ тобой.

*

„ Тамъ, гдѣ плескается младая Касша-
лида, *)
„ Внушилабъ я тебѣ плѣнительный пред-
метъ;
„ Иль воскресила бы духъ скорбный Си-
монида

---

*) Нимфа Касшальскихъ водъ. —

„ Въ стихахъ, поперявныхъ во шымѣ ми-
нувшихъ лѣтъ.

*

„ Открыла бы въ горахъ шѣ мрачныя ущелья,
„ Гдѣ Теокришъ мечшаль; гдѣ звукъ его
стиховъ

„ Тревожа сонъ озеръ и эхо подземелья,
„ Какъ нектаръ сладоспный, плѣнялъ самихъ
боговъ.

*

„ Однажды въ рощахъ я Аоніи дремала;
„ И Муза пробудивъ молчаніе въ лѣсу,
„ Созвучій новыхъ мнѣ согласье показала;
„ Но тайну ихъ съ собой въ могилу по-
несу. “

*

Затихла... огонь блеснулъ—и вспыхнувъ отъ
Зефира,
Умчалъ прощальный гимнь сквозь тонкій
паръ цвѣшовъ.
И звономъ жалобнымъ передъ кончиной лира
За гибель мщенія просила у боговъ.

Москва, 15 Маія 1819. А — рѣ Н*** вѣ.

МЪСЯЧНОЕ СІЯНІЕ.

Вотъ мѣсяцъ, спутникъ ночи мирной
 Плывешь подь небомъ голубымъ
 И сыплешь по волнамъ сѣдымъ
 Сребро, опъ высоты ээирной.

О мѣсяцъ, скромный сынъ небесъ!

Когда вечерній мракъ одѣнешъ черный лѣсъ
 И смертныхъ дремлюшь очи —
 Скользишь ты въ воздухъ, какъ призракъ
 золошой,

И пушь усѣянъ швой

Блещащими огнями ночи . . . .

Гдѣ ты скишаешься тогда, какъ яркій день,
 Природу озаря, въ сіяньи поглощаешь
 И палевый швой лучъ и сумрачную тѣнь?..
 Въ какихъ спранахъ тогда швой кропкій
 свѣшь блуждаешь?

Не въ обласпиль тѣней грустишь, какъ Ос-
 сіанъ,

И крепомъ облачнымъ ликъ блѣдный закры-
 ваешь —

Или, гдѣ воды мчишь безбрежный Океанъ,
 Въ волнахъ свинцовыхъ упопаешь?....
 Люблю съ щобой мечшашъ, когда сквозь
 тонкій паръ

Глядишь на сонную природу.

Прекрасный сынъ небесъ! шаинственней
 швой шаръ

Не служишь ли землей безвѣстному народу?

Не такъ жель какъ и мы, рабъ пламенныхъ
спрасшей
Онъ ищешь счастья за бурными морями?...
Но все безмолвствуешь — и мѣръ чудесный
сей
Спокойно капишься надъ мшистыми скалами.

Надеждино, 26 Октября 1819. А-рѣ Н*** вѣ.

~~~~~

ТОРКВАТО ТАССЪ ВЪ ИЗГНАНІИ.

Соренто! какъ люблю, подъ сѣнію дубравы,
Внимаешь и шумъ и ревъ швоихъ священ-
ныхъ водъ,
При блескъ молній величавыхъ,
Разящихъ швердый швой оплошь!
Люблю и бури громъ; въ ней жизнь я обо-
жаю,
И горестію полнъ,
Твой брегъ я въ бурю посѣщаю,
Внимая шуму волнъ.

*

Люблю зрѣть пропасти и мрачныя пучины,
Подъ страшнымъ заревомъ разлившихся
огней,
Смошрѣшь, какъ вѣчный врагъ Судьбины,
Пловець, дерзаетъ спросить съ ней;

И какъ въ дали съдой лешяшь суда кры-
лапы

Безспрашно по волнамъ,
И грома сильные расказы
Внимаешь по облакамъ!

•

Люблю еще взиратьъ, когда передъ грозою
Черезъ бурный швой заливъ, Соренпо, опъ
морей

Лешяшь воздушною спраною
Вдругъ спая бѣлыхъ лебедей,
Какъ облако вдали, и врикомъ нарушаешь
Бреговъ швоихъ покой,
И врыля съ шумомъ проспираешь
Надъ пѣнисшой волной!

•

Постой! Куда спѣшишь, о лебедь сановитый?
Ошанови полетъ на сихъ ты берегахъ,
Слезамъ гореспи омышыхъ:
Повѣдай мнѣ о шѣхъ мѣспахъ,
Гдѣ нѣкогда Торквашъ вель дни свои бла-
женны

Средь радостей, забавъ;
Гдѣ онъ, любовью упоенный,
Не зналъ ея оправъ!

•

Гдѣ бури видѣ одинъ Торквату былъ ужа-
сень,

Гдѣ каждый свѣшлый день — днемъ счастія
считалъ,

И гдѣ онъ, славою украшенъ,

Какъ мѣсяцъ въ полнощѣ блисталъ.

Повѣдай, лебѣдь, мнѣ, что стало съ той
страною

И съ милою моею;

Скажи, живешь ли подѣ луною

Предмешъ любви моею?

*

Съ тѣхъ поръ, какъ я на вѣкѣ отъ мѣстъ
тѣхъ отчужденный,

Сорейта на берегахъ скипаюся одинъ,

Съ любовью, дружбой разлученный,

Какихъ не претерпѣлъ судьбинъ!

И самый геній мой, въ дни счастія раз-
цвѣтшій,

Превращенность испыталъ:

Увы! какъ цвѣтъ полей поблекшій,

Онъ живость пошерялъ!

*

Теперь и бури громъ и вѣтра завыванье

Для злополучнаго не могутъ страшны быть:

Ахъ! съ ними самое страданье

Меня не сколько шягошишь!

Подъ ревомъ волнъ своихъ, Соренто, за-
бываю

Минувшихъ радость дней,
И съ шумомъ водъ своихъ сливаю.
Гласъ горести моей!

Ал. Дуропъ.

~~~~~

БАСНИ.

1. Солнце и Облако.

„Не думай“ — къ Солнышку такъ облако
взывало: —

„Не думай, что бы я смирилось предъ
тобой,

Хотя бы во сто разъ и ярче ты сияло!

Нѣтъ, не гордись собой!

Твой блескъ ничто; лишь только пожелаю,

И скрою вмигъ тебя!

Признайся, вѣдь не рѣдко я

Твое сиянье помрачаю?...

Молчишь — не хочешь отвѣчать....

Робѣешь знать!..“

Но вдругъ завылъ Борей — все рушитъ, по-
шрясаетъ,

Свирѣпствуетъ, сильнѣй... сильнѣй,

И въ ярости своей

Мчишь облако съ собой и — мигомъ раз-
дробляешъ.

А Солнышко? — Сіяешь!

Силбирскѣ.

А. Маздорфѣ.

2. Мошка.

Когда-то на рога къ Быку взлѣзъвши Мошка,
Сказала: „если я кажуся тяжела,
Пожалуй и слечу.“ — Кто? Быкъ въ оп-
вѣшъ: пы, крошка?
Ты для меня что есть, что не была. —

*

О вы, которые иншригами попали
Къ большимъ и значущимъ мѣспамъ,
Не нужно объясненье вамъ:
Кто мошка, вѣрно опгадали.

Силбирскѣ.

А. Маздорфѣ.

3. Аполлонѣ на чердакѣ Поэта.

Зевесъ прогнѣвался на Феба
И съ неба
Сослалъ его къ Поэту на чердакъ.
Ну, что бы въ шомъ за наказанье?

Съ Поэшомъ весело изгнанье!

Но такъ

Поэшыжъ говоряшь, а имъ не должно вѣришь:

Они привыкли все своимъ аршиномъ мѣришь;

Къ помужь Зевесъ вѣдь зналь

Куда его послалъ.

Лишь шолько на чердакъ Царь свѣша поя-
вился,

Поэшь запрыгалъ, прослезился—

И ну читать!

Занесъ такую гиль, что самъ не понимаешь,

Не шолько намъ поняшь.

Часы идуть, а онъ все продолжаешь;

Ни день, ни ночь

Его не ушомляетъ.

Вошь Фебу ужь не въ мочь.

„Возможноль? думаешь, я пасъ сшада Адмеша,

Но не шерпѣль того, что нынче опъ Поэша.

О Зевсъ! проси меня, прости!

И съ чердака спусти—

Иль лучше прикажи опять овецъ пасти.

И. Великопольской.

~~~~~

РОЗА.

Что можешь съ розою сравнишься,
Когда она, среди луговъ,

Въ зеркальный ручеекъ глядишься?
 Царица сушая цвѣшовъ!
 Когда ея листочки нѣжны
 Слезой Аврора оросить,
 Или Зефиръ игривый, рѣзвый,
 Ее пихонько шевелить;
 Когда вокругъ ея несется
 Пріятный, чистый ароматъ,
 И медлѣнно миѣ въ душу льется...
 О роза! ты тогда спокрѣпись
 Еще милѣй, еще прелеснѣй. —
 Не зная Хлои, такъ мечталъ —
 Но взоръ швой, Хлоя, взоръ небесный
 У бѣдной розы — все ошнялъ.

Мѣщовскѣ.

А. Б...лѣ.

~~~~~

ВЪ АЛЬБОМЫ.

1. *А...С...Ш...й.*

Какъ счастливъ твой супругъ,
 Котораго съ тобой любовь соединила!
                                 Какъ счастливъ другъ,
 Которому свои ты чувства поручила!
                                 Какъ счастлива та мать,
 Которой ты сѣмью украсила собою! —

Тебя своею звать,
Тебѣ принадлежа—

Вопь часть завидная, имъ даннаа Судьбою!

Ничѣмъ несъединенъ съ побой,
Я и погда почту счастливымъ жребій мой,
Когда въ досужный часъ, альбомъ перебирая,
Ты спанешь и меня на память приводишь,
И скажешь, слабые стихи мои читая:
„Онъ зналъ меня цѣнишь.“

2. Е...Ф...Ш...й.

Какой-то мудрый мужъ задачу свѣшу даль:
Что нужно для дѣвицѣ, чтобъ всѣхъ плѣнять
собою?

Одинъ кричалъ про умъ; другой же утвержда-
даль,

Что свѣшь плѣняешься одною красотою.

Талантами! вдругъ претій подхва-
шилъ.

Любезностью! четвертый перебилъ —

Никто не зналъ что говорилъ;
Всѣ только спорили, кричали и сердились.

Тутъ о себѣ напомнилъ я —

И споры пошчасъ прекрати-
лись.

Теорики смирились,

И всѣ въ минуту согласились,
Что стоишь только бышь похожей на себя.

3. А...Ф...Ш...й.

Акростихъ.

Амуръ, какъ богъ любви, былъ смертными
 прославленъ,
 Надъ цѣлымъ свѣтомъ онъ владыкой бытъ
 хошѣлъ;
 Но ты родилася—и богъ любви оставленъ.
 Ахъ! взоръ прелестный твой еще сильнѣ
 стрѣлъ!

И. Великопольской.

4. М. С. П—ой.

Экспролитъ и Акростихъ.

Мнѣ ты велишь писать—велѣнье исполняю.
 Ахъ! дара не имѣвъ, въ угодность лишь
 тебѣ
 Разкрылъ альбомъ, пишу—и даръ я получаю,
 И самъ не знаю какъ нашель шалантъ въ
 себѣ...
 Я спраненъ, что дивлюсь... Клянусь предъ
 цѣлымъ свѣтомъ,
 Что ты и дикаря вдругъ сдѣлаешь
 Поэтомъ.

Мѣщовскъ.

Н. К—тъ.

ОМОНИМЪ.

Я вещи многія въ себѣ соединяю:
 Въ лугахъ ли лѣшнею являюсь порой?
 При свѣтѣ солнечномъ, какъ молнія, блистаю
 И травы и цвѣты валяща предо мной.
 Однакожь въ старину я больше уважалась,
     Въ шафтѣ, въ апласѣ появлялась,
 На шеѣ у большихъ сидѣла я господъ:
 А нынче носишь лишь меня кой-гдѣ народъ
     Стариннаго покрою—
 И часть земли зовется мною.

П. Теряевъ.

~~~~~

ШАРАДЫ.

1.

Слогъ первый мой число; второй же плодъ
     полей,
 Кошорый кормитъ всѣхъ людей;
 А цѣлое хранишь ихъ днемъ и средь ночей.

И. Покровскій.

2.

Мой первый слогъ изъ шучь на землю упа-
     даешь;

Вторый гусаровъ украшаетъ;
А все стихію измѣряетъ.

Н. Ель—новб.

3.

Зимою *первое* игрушкою бываетъ;
Второе жалкую въ бостонѣ роль играетъ,
Безъ *цблага* жь пловець дорогу потеряетъ.

Ө. К—новб.

4.

Когда за *цблое* мое дѣшей сажаютъ,
То *первое* всегда сперва покажутъ имъ;
Напрощивъ же того *вторымб*
Не рѣдко ихъ спращаютъ.

И.

~~~~~

Изъ помѣщенныхъ въ N° XXI Шарадь
первая значить: *Фант-азія*, вторая *Метта-*
тель и третія *Крон-штатб.*

—————

Омонимъ, напечатанный въ той же
книжкѣ, значить: *Ядро: орбховое и пушеч-*
ное.

~~~~~

~~~~~

П Р О З А .

~~~~~

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВАКЕФИЛЬДСКАГО СВЯЩЕННИКА *).

Глава VI.

Пріятность сѣмейственной жизни.

Такъ какъ мы спорили объ этомъ довольно горячо, то—для возстановленія между нами прежняго согласія—

---

*) Въ первой книжкѣ *Благонамереннаго* на прошедшій 1818 годъ помѣщены три главы изъ *Вакефильдскаго Священника*, котораго началъ было переводить покойный другъ мой П. А. *Николюскій*. Надѣюсь, что чашапельямъ моего Журнала пріятно будетъ прочесть и сіи двѣ главы, имъ же переведенныя и недавно ошмысканныя въ его бумагахъ. Вѣроятно, что не скоро еще будемъ мы имѣть полный хорошій переводъ сего превосходнаго Англинскаго романа. *Прим. Изд.*

единогласно определено было пригото-
вить къ ужину часть присланной намъ
дичи, и дочери мои поспѣшь принялись
за работу. „Жаль мнѣ, сказала я, что
сегоднешнимъ ужиномъ нельзя намъ
поподчивать кого нибудь изъ сосѣдей,
или прохожаго: вкусная пища вдвое при-
ятнѣе, когда раздѣляешь ее съ другими.“
— Да, и я бы эшаго хотѣла, отвѣчала
жена моя. Но вошь идеть доброй нашъ
Борчель, который спасъ Софью, и шакъ
славно себя переспорилъ!— „Меня пере-
спорилъ? . . . нѣтъ, моя милая, ты изво-
лишь ошибанься! Сомнѣваюсь, чшобъ
кто нибудь могъ это сдѣлать! . . . Впро-
чемъ, я никогда не опнимаю у тебя
достоинства, чшо ты мастерица печь
пироги съ гусемъ: прошу и тебя не за-
бошиться о моихъ диспушахъ!“ — Тушь
вошель Борчель, и былъ принятъ со
всѣми знаками искренней пріязни; всѣ
изъявляли ему свою радость, а малень-
кой мой Дикъ припащилъ ему спуль
самымъ услужливымъ образомъ.

Дружба эшаго бѣднаго человекъ бы-
ла мнѣ пріятна по двумъ причинамъ:
я зналъ, чшо онъ имѣеть нужду въ моей,

и былъ увѣренъ, что онъ готовъ сдѣлать для меня все, что только обстоятельство могли ему позволить. Въ ссѣдствѣ нашемъ его знали за бѣднаго дворянина, котораго въ молодости ничего хорошаго для себя не сдѣлалъ, хотя ему было уже около тридцати лѣтъ. Иногда разсуждалъ онъ съ большимъ умомъ; но почти всегда искалъ случая быть съ дѣтьми, которыхъ обыкновенно называлъ своими маленькими невинными друзьями: пѣлъ имъ баллады, разсказывалъ сказочки, и очень рѣдко хаживалъ къ нимъ безъ какого нибудь гостинца. Каждый годъ являлся онъ однажды въ нашей деревнѣ, и жилъ всегда по гостямъ. Онъ сѣлъ съ нами ужинать, и жена моя не поскупилась на смородиновку. Разговоры наши сдѣлались живѣе; онъ пѣлъ намъ старинныя пѣсни, и разсказывалъ дѣтямъ разныя исторіи о привидѣніяхъ, волшебникахъ и великанахъ. Всѣ, и старой и малой, слушали его съ большимъ удовольствіемъ. Пѣтухъ нашъ, котораго всегда пѣлъ въ одиннадцать часовъ, напомнилъ намъ, что уже время думать о покоѣ; но насъ

вспревожило одно непредвидѣнное обстоятельство: гдѣ помѣстится нашего гостя? Лишней постели у насъ не было, а идти ему на ближній постоялый дворъ было уже поздно. Въ эпомъ замѣшательствѣ маленькой Дикъ сказала, что онъ уступаетъ ему свое мѣсто, если Моисей возьметъ его на свою постель. „И я, закричалъ Биль, отдамъ мое мѣсто, ежели Оливія и Софья положатъ меня съ собою.“ — Такъ, друзья мои, ошвѣчалъ я, госпепрѣимство есть одна изъ первыхъ должностей Христіанина. Звѣри уходятъ въ свои пещеры, птицы улетають въ свои гнѣзда; только одинъ слабый человекъ долженъ искать защиты и помощи у своихъ собратьевъ. Величайшій спранникъ сего міра былъ Топъ, кто низходилъ для спасенія его. Онъ никогда не имѣлъ собственнаго жилища, какъ будто для того, чтобы испытать, уважають ли люди госпепрѣимство. Другъ мой, сказала я женѣ моей, дай обоимъ мальчикамъ по куску сахару, а Дикъ дай самой большой за то, что онъ вздумалъ это первое. —

По утру рано пошелъ я съ моими домашними въ поле собирать сѣно. И гостѣ нашъ захопѣлъ прудиться вмѣстѣ съ нами. Между тѣмъ я замѣнилъ, что Борчель много усердствовалъ моею Софьей. Кончивъ свою работу, онъ подошелъ помогать ей и вступилъ съ нею въ разговоры: но я имѣлъ сполна хорошее мнѣніе о ея разумѣ и самолюбіи, что не могъ ничего опасаться со стороны человѣка, котораго состояніе было разсирено. Когда мы переслали работу, то пригласили Борчеля опять оспаться у насъ ночевать; но онъ просился съ нами, говоря, что уже даль слово придти къ одному изъ нашихъ сосѣдей. — За ужиномъ разговорились мы о несчастномъ нашемъ гостѣ. „Какой разительный примѣръ представляешь намъ эпоша человѣкъ! сказалъ я: вошь слѣдствія легкомысленной и распутной молодости! Онъ имѣешь хороший разумъ; но эпо самое еще болѣе дѣлаешь непротисительными прежнія его глупости. Несчастный! гдѣ теперь тѣ объѣдалы и льстецы, надъ которыми онъ властвовалъ. Можешь бышь, въ эпо

время они угождають шому распушному, копорый обогатился опъ его легковѣрія. Прежде они хвалили его, а теперь хваляшь эпаго; прежде они восхищались его умомъ, а теперь смѣются надъ его глупосью. Онъ бѣденъ, и можешь спашься заслуживаетъ эпо; пошому что не имѣешь ни сполько честолюбія, чтобъ желашь бышь независимымъ, ни сполько дарованій, чтобъ сдѣлашься полезнымъ. — Нѣкопорыя шайныя причины заспавили меня судишь объ немъ шакъ спрого, и Софья за него вступилась. Башюшка! сказала она: какво бы ни было прежнее его поведеніе, но шеперешнее его соспояніе можешь защитишь его опъ упрековъ. Наспоящая его бѣднось уже большое наказаніе за прежнее его дурачештво; и я опъ самихъ же васъ слыхала, что никогда не должно обижашь шѣхъ несчастныхъ, копорые уже наказаны Провидѣніемъ. — Ты говоришь правду, Софья, сказала Моисей; одинъ древній писатель оченъ хорошо описываетъ эпонъ негодный поступокъ въ баснѣ о крешьянинѣ, копорый хочешь содрашь съ Марсіа кожу.

когда она ужь содрана другимъ. Впрочемъ, можно ли полагать, что нашъ Борчель въ самомъ дѣлѣ такъ несчастливъ; какъ думаешь бабюшка. О чувствахъ другихъ людей не должно заключать по пѣмъ, которыя мы бы имѣли будучи на ихъ мѣстѣ. Какъ ни темна для нашихъ глазъ кропова нора, однакожь онъ находишь въ ней довольно свѣта. Борчель также, мнѣ кажется, не пужишь о своемъ состояніи: и, правду сказать, я никого не видалъ шакимъ веселымъ, какъ онъ былъ сегодня, когда разговаривалъ съ шобою. — Эши слова были сказаны безъ всякаго умысла; но Софья покраснѣла, и, спараясь скрышь свое замѣшательство принужденнымъ смѣхомъ, сказала брашу, что она почти ничего не слыхала, о чемъ говорилъ съ нею Борчель; но думаетъ, что въ молодосни онъ былъ очень любезень. Краска ея и поснѣшность, съ кшорою она начала себя оправдывать, не полюбилась мнѣ; но я скрылъ мое подозрѣніе.

Зная, что на другой день будетъ къ намъ нашъ помѣщикъ, жена моя на-

чала гошовишь пирога съ дичью; Моисей сидѣлъ за книгою, а я училъ моихъ малюшюкъ чипашь. Дочери мои, казалось, также были заняты; и я примѣнилъ, что онѣ очень долго варяшь что-то на огнѣ. Сначала я подумалъ, что онѣ помогаютъ машери, но Дикъ шепнулъ мнѣ на ухо, что онѣ дѣлають умыванье для лица. Будучи непримиримымъ врагомъ всякаго рода умываній, потому что они не придають красоты, а только портять лицо, я помаленьку подвинулъ стулъ мой къ огню, и взявши щипцы, чтобы поправить дрова, повалилъ, какъ будто ненарочно, горшечикъ на бокъ. Весь сославъ испребился; а дѣлашь новый было уже поздно.

Глава VII.

Описаніе городскаго остроульца; самый глупый человекъ можетъ показаться приятнымъ на день или на два.

Легко можно себя предсказать, что едва началось утро, то начались хлопоты, какъ бы лучше угостить Г.

Торнгиль. Также не трудно догадаться, что жена моя и дочери одѣлись въ самыя нарядныя свои плашья. Г. Торнгиль приѣхаль къ намъ съ двумя своими пріятелями и домашнимъ священникомъ. Изъ учтивоспи онъ хопѣль было, чшобъ лакеи, копорыхъ было очень много, пошли обѣдать въ ближній пракширь; но жена моя, въ радоспи души, наспояла на шомъ, чшобъ они опобѣдали у насъ; а опъ эшаго (сказашъ мимоходомъ) сѣмейспво наше должно было недѣли при посшипъся. Наканунѣ Борчель сказываль намъ, что Г. Торнгиль свапаешся къ Миссъ Вильмопъ, бывшей невѣспѣ моего Георга: эша новоспъ была причиною, чшоп его приняли съ нѣкошорою холодноспію; но неудовольспвіе наше скоро прекрашилось: когда одному изъ госпей случилосъ выговорипъ ея имя, шоп Г. Торнгиль сказаль съ кляпвою, чшоп онъ никакъ не можешъ поняшъ, почему называюшъ такогo урода красавицею. „Чоршъ меня побери, прибавиль онъ, ежели я не скорѣе соглашусь выбрашъ себѣ невѣспу подъ колокольнею Свяшаго Дунспана.“ Съ

этимъ словомъ онъ захохошалъ, и мы также: шушки людей богатыхъ всегда бывають пріяпны. — „Какъ онъ любезень!“ шепнула Оливія, и такъ громко, что можно было услышать.

Послѣ обѣда, я предложилъ всегдашній мой *тостъ* за Церковь. — Священникъ благодарилъ меня, увѣряя, что сердце его всегда посвящено Церкви. „Полно, Франкъ! сказалъ Кавалеръ съ насмѣшливымъ видомъ: говори опкровеннѣ! Вообрази съ одной спороны Церковь, во всемъ ея нарядѣ; а съ другой спороны Миссъ Софью совсемъ безъ наряда: кому опдашь преимущество?“ — Разумѣешь, что обѣимъ, опвѣчалъ Священникъ. — „Твоя правда, Франкъ! сказалъ Кавалеръ: прекрасная дѣвушка въ милліонъ разъ лучше всѣхъ поповъ на свѣшѣ! Все искусство ихъ полько въ томъ, чтобы пускашь пыль въ глаза и выманивашъ деньги; и я могу это доказать.“ — Желалъ бы я послушать вашихъ доказательствъ, подхвапиль Моисей; думаю, что въ соспояніи буду вамъ опвѣчать! — „О! я согласень! сказалъ Кавалеръ, мигнувши намъ, чтобы мы при-

возобновились повеселились насчетъ бѣд-
 наго мальчика; только сдѣлаемъ напе-
 редь уговоръ: чуръ не горячиться въ
 спорѣ!... Во первыхъ, прошу сказать, ка-
 кимъ образомъ ты хочешь спорить:
 аналогически, или діалогически? — Хочу
 спорить разсудительно, оповѣчалъ Мои-
 сей, радуясь, что ему позволено гово-
 рить. — „Хорошо, сказалъ Кавалеръ. Ты
 вѣрно не будешь отрицать этого: все
 то, что есть, существуетъ. Если ты
 на это не согласенъ, то я продолжаю
 не буду.“ — Почему не согласишься, оповѣ-
 чалъ Моисей: я употреблю это и для
 своихъ доводовъ. — „Ты вѣрно согласенъ
 и на то, что часть меньше цѣлаго?“ —
 О! конечно! Все это справедливо. — „И
 на то, что три угла въ треугольникѣ
 равны двумъ прямымъ?“ — Совершенная
 истина! оповѣчалъ сынъ мой, посмо-
 трѣвъ на насъ съ довольнымъ видомъ. —
 „Очень хорошо! сказалъ Кавалеръ, и на-
 чалъ говорить чрезвычайно скоро: те-
 перь, когда первая посылка утвержде-
 ны, я долженъ замѣтить, что связь
 самобытныхъ вещей, слѣдующихъ во
 взаимномъ двойственномъ отношеніи,

естественно производить проблематическій діалогизмъ; а онъ, нѣкопорымъ образомъ, доказываетъ, что сущность духовности можетъ быть опнесена ко второму предикаменту "...—Поспойте, поспойте, перервалъ Моисей: не ужь-то вы думаете, что я соглашусь на такія неправильныя основанія?—„Какъ! вскричалъ Кавалеръ, показывая видъ, что онъ осердился: ты не соглашаешься? Опвѣчай же теперь на проспой вопросъ: справедливо ли говоритъ Аристотель, что опнесительныя вещи находящя въ связи однѣ съ другими?“ — Безъ сомнѣнія, опвѣчалъ Моисей. — „Естьли такъ, то опвѣчай мнѣ: какъ ты думаешь, въ аналитическомъ изслѣдованіи первой части моей энтимемы, чего не достаеиъ: *secundum quoad*, или *quoad minus*? и прошу доказать свое мнѣніе; слышишь ли, доказать!“ — Признаюсь, опвѣчалъ Моисей, что не очень ясно понималъ я силу вашихъ разсужденій, но естьли онѣ будутъ приведены въ проспой положеніе, то я буду въ состояніи опвѣчать вамъ.—„О! слуга покорной, сказалъ Кавалеръ; вы хотише, чтобы я до-

спавиль вамъ и доказательства и разумъ; нѣшь, милосливый государь, вы слишкомъ хорошо учены, и я долженъ вамъ усшупить въ дисшущь!“ — Это произвело общій смѣхъ надъ бѣднымъ Моисеемъ, который сидѣль повѣся носъ, и во весь обѣдъ уже не говорилъ ни слова.

Разговоръ Кавалера съ моимъ сыномъ не принесъ мнѣ никакого удовольствія; но онъ сдѣлалъ совсемъ прошивное впечатлѣнiе надъ спарщею моею дочерью: шущка весьма обыкновенная, показала ей за умную, и она спала почишавъ Кавалера хорошо воспитаннымъ человекомъ. Кшо разсудить, сколь много дѣйствуетъ надъ людьми красота, хорошее платье и большое богатство, шощь безъ сомнѣнiя извинить ее. Г. Торнгиль, при всемъ невѣжествѣ своемъ, говорилъ свободно, и могъ съ большою легкостію разпроспраняться о вещахъ ничего незначущихъ. Удивительно ли, шпо эти дарованiя плѣнили дѣвшку, которая, много цѣня свою наружность, цѣнила ее и въ другихъ?

Когда Г. Торнгиль уѣхалъ опъ насъ,

мы снова начали спорить о его достоинствах. Такъ какъ онъ безпрестанно смолчалъ на Оливію, и говорилъ съ нею болѣе, чѣмъ съ другими, то не осталось уже никакого сомнѣнія, что она была предметомъ его посѣщеній. Ее не огорчали маленькія насмѣшки, которыя Моисей и Софья дѣлали по этому случаю; и жена моя раздѣляла съ нею славу сегодняшней побѣды, восхищаясь какъ собственною своею. „Ну, мой милый! сказала она: теперь ужь нѣшь грѣха признайся, что я сама научила дочерей приманивать къ намъ кавалера. Во мнѣ всегда была какая-то гордость, и ты видишь, что я не ошиблась: кто знаетъ, чѣмъ все это кончится?“ — И подлинно! кто это знаетъ? оплывчалъ я съ глубокимъ вздохомъ: что касается до меня, то не вижу шухъ ничего хорошаго: бѣдный, но честный человекъ, былъ бы для меня несравненно пріятнѣе, чѣмъ этошь красавецъ со всемъ его богатствомъ и невѣриемъ: знай, что дочь моя никогда не будетъ за вольнодумцомъ!

„Нѣшь, бабочка, сказала Моисей;

вы слишком строго судите объ этомъ, потому что Богъ никогда не обвинитъ его за то, что онъ думалъ; но за то, что онъ дѣлалъ. Каждый человекъ имѣеть множество худыхъ мыслей, копорыхъ онъ часно не въ силахъ удерживать. Можетъ быть, и Г. Торнтиль не виновать самъ, что онъ свободно думаетъ о религіи; хотя мнѣнія его несправедливы, но онъ не достоинъ порицанія: можетъ ли правитель города, копорый не обнесень спѣною, запретить непріятельскому войску занять въ немъ кварширы? “

Такъ, сынъ мой, ошвѣчалъ я; но есшьли правитель самъ приглашаетъ непріятеля, то по всей справедливости онъ преступникъ; точно шаковы и шѣ, которые предаются заблужденіямъ. Пророкъ ихъ соспоитъ не въ томъ, что они заблуждаются; но въ томъ, что хопяшь заблуждашья, не слушая никакихъ доказательствъ. Они похожи на шѣхъ судей, копорые обвиняють человека только по одному удосповѣренію его соперника, и не хопяшь выслушать собственнаго его оправданія. Я знаю,

сынъ мой, что мы можемъ невольнымъ образомъ предаться заблужденіямъ; но, когда мы предаемся имъ по собственному желанію, или не хотимъ испреблять ихъ въ самомъ началѣ, то достойны или наказанія за наши преспушенія, или презрѣнія за нашу глупость.

Тутъ вступила въ разговоръ жена моя, и сдѣлала замѣчаніе, что многіе изъ нашихъ знакомыхъ, впрочемъ люди весьма умные, считались вольнодумцами, но были хорошими мужьями; и что она знала много умныхъ дѣвушекъ, которыя перемѣняли нравъ мужей своихъ. „Какъ знаешь, прибавила она: можешь бышь и Оливія это сдѣлаешь. Она умнеешь хорошо разсуждаешь, и, право не хуже другихъ, смыслишь доказашь чтонибудь въ религіи.“—Полно, другъ мой, сказалъ я улыбаясь, ты ужь слишкомъ много объ ней думаешь! Гдѣ она могла выучишься разсуждашь о религіи; не помню, чтобы я давалъ ей читать какуюнибудь спорную книгу.—„О! нѣшь, сказала Оливія: машушка говоришь правду; я читала много споровъ о вѣрѣ; на-иримѣрь, споръ *Твакула* и *Кавалера*

въ *Томъ-Джонъ*; споръ *Робинзона Крузе* съ *Пятницею*“...Ну! ужь прошивъ эшаго говоришь ничего! опвѣчалъ я: шеперь вижу, что ты можешь обратишь всякаго вольнодумца; спугай же помогашь маниери печь пироги. —

О ПОЭЗИИ.

(Изъ Берни.)

Поэзія есть искусство, облекаеть въ плѣло мысли, украшаетъ ихъ и влагаетъ душу въ существа неодушевленные. Довольно одного здраваго разсужденія, что бы прослыть умнымъ; надобно имѣть счастливое воображеніе, что бы быть поэтомъ. Гораций, сей великій живописецъ въ одахъ, не узнаеть самъ себя въ сатирахъ своихъ и посланіяхъ. Онъ смѣшиваетъ существенныя правила Поэзіи съ правилами Живописи: *Ut pictura poesis*.

Творенія Гомера, Гезіода и Виргилія суть картины, выставленныя для любителей изящныхъ искусствъ. Славный

Бушардонъ, говоря о Гомерѣ, справедливо называетъ его Поэтомъ живописцевъ. И въ самомъ дѣлѣ, какая картина Мишель-Анжа превзойдетъ въ силѣ и выраженіи описаніе битвы Какуса съ Алкидомъ въ девятой книгѣ Энеиды? Какими огненными чертами изображаетъ онъ сіе ужасное сраженіе!

*Nis Sæcum in tenebris incendia vana vomentem
 Corripit, in nodum complexus; et angit inhaerens
 Elisos oculos, et siccum sanguine guttur.*

Или:

*. . . . pedibusque informe cadaver
 Protrahitur. Nequeunt expleri corda tuendo
 Terribiles oculos, vultum, villosaque setis
 Pectora semiferi, atque extinctos faucibus ignes.*

На каждой почти страницѣ у Гомера и Виргилія находимъ мы картины превосходныя и вѣроподобныя. Конечно сіе обиліе въ предметахъ, взятыхъ изъ самой природы, увѣковѣчиваетъ славу сихъ великихъ писателей. Еслибъ судили ихъ въ однихъ только качествахъ людей умныхъ; тогда бы, можетъ быть, и ихъ упрекнули въ недосыпкахъ.

Изобрѣшеніе есть существенное

свѣйство и непремѣнное оплечіе Генія. Кто не шворитъ въ искусстввахъ, шощь не имѣеть права на шипло Генія. Но не всякой изобрѣшашель можешь бышь Поэшомъ. Онъ дѣлаеться имъ шогда шолько, когда умѣеть придавать своимъ выраженіямъ сей яркій и естественный блескъ, оплечающій спилъ поэшическій опъ всякаго другаго спилля.

Согласимся же, что искусство изображать есть существенный талантъ Поэта, и что разумъ, несмотря на все усилія, никогда не можешь ни перенять, ни замѣнить его.

Живопись просшираеться на все роды Поэзіи. Если Поэть не живописецъ, то онъ шолько жалкій ршөмачъ. Большая картина имѣеть достоинство эпической поэмы; пѣсня можешь спашь наряду съ картиною въ миніашюрѣ. Я думаю, что описывая исторію искусствъ въ царшвованіе Лудовика XV, можно сравнивать Геркулесову залу, росписанную Лемуанемъ, со славною Генріадою Вольшера.

Вся природа служить для Поэзіи оригиналомъ. Еслибъ предѣлы жизни и

разума могли позволить; по истинный Поэты должны бы были иметь все сведения, принадлежащая разуму. Поэты-невѣжды суть всегда слабые списчики. Они идутъ безъ всякаго разбора по слѣдамъ, проложеннымъ древними, и изображаютъ волненіе моря, котораго никогда не видали; ужась кораблекрушенія, котораго не бывали свидѣтелями; пыль сраженія, не имѣя понятія о военныхъ дѣйствіяхъ; и наконецъ говорятъ о правленіи, безъ всякихъ свѣдѣній въ Полишикѣ; о спрасняхъ и нравахъ, не зная сердца человѣческаго. Изображая картинку сельской жизни, которую знаютъ только по слуху, испощаются въ описаніяхъ цвѣповъ, журчащаго ручья, слезъ Авроры и смѣха Зефировъ. Сочиненія ихъ вялы, холодны и зачуханы. Вместо того, что бы украшать прелести природы; они ихъ скрадываютъ.

И такъ Поэзія, какъ выше уже сказано, есть искусство живописатьъ природу, придавая разуму свойство плѣта, а плѣту огонь и живость разума. Должно ли удивляться, что она даже въ вѣ-

какъ грубаго невѣжества, сохранила постоянное надъ людьми владычество? Она соединяетъ прелесть двухъ искусствъ, равно пріятныхъ: Живописи и Музыки. Она подражаетъ первой въ изображеніи, другой въ согласіи. Вкусъ къ обѣимъ сроденъ намъ почти также какъ способность видѣть и слышать. И такъ можно справедливо заключить, что разумъ, побужденный впечатлѣніемъ зора и слуха, долженъ былъ изобрѣсти искусство Поэзіи, которая есть одно и то же съ искусствомъ Живописи и Музыки.

Еслибъ Философы — коихъ умъ часто бываетъ не столько проникновенъ, сколько важенъ и не столько обширенъ, сколько почтенъ — проникли въ существенность Поэзіи, Живописи и Музыки: тогда бы они, вмѣсто того чтобы презирать изящныя искусства, стали бы почитать ихъ необходимымъ сношеніемъ между душою и чувствами и сладостною забавою, оставленною намъ Небомъ. Глубокомысленный Машемашикъ называетъ стихи бездѣлкою. Однако же можно ручаться, что древній

Гомеръ переживетъ великаго Невтона. Не всѣ люди имѣютъ сію степень разума, нужную для освѣщенія мрачнаго пупи наукъ; но во всѣхъ почли есть врожденное чувство любви къ искусству и занимаюсь ими.

Если бы шѣ, которые смѣшивая искусство Поэзіи съ характеромъ самаго Поэта, почишаютъ ее упражненіемъ опаснымъ, могли увѣрились, что сіе искусство, независимое отъ самаго себя, передается совершенно руководству артиста; что свойство таланта поэтического никогда не имѣло въ предметѣ развращать насъ; что проза взяла бы верхъ надъ Поэзіею, еслибъ имѣла одинакую съ нею силу преобразовывать нравы, или укрощать необузданныя страсти: тогда бы сіи несправедливые порицатели переслали поносить споль невинное и благородное искусство, изощряемое при самомъ младенчествѣ своемъ въ храмахъ и у подножія олтарей; искусство, освещенное гуслями Давида, перомъ Іова, гласомъ великихъ Пророковъ; искусство, улаждающее разумъ человѣческой, оправданное покровитель-

спвомъ Меценатовъ. Добродѣтель не была бы наспавительною для попомства, если бы паланпы не передавалъ прелести ея умамъ и сердцамъ нашимъ.

И такъ, для поддержанія порядка Общества и для ускоренія успѣховъ ума, непременно должно подчинить каждого гражданина обязанностямъ его сословія, что бы паланпы не могли вредить должностямъ и что бы просвѣщеніе всегда было соединено съ добродѣтелію. Надобно помнить, что и самыя мѣлочныя искусства непримѣнно соединены съ искусствами полезными. Горешому, кто бы вздумалъ прервать цѣль сію, и съ намѣреніемъ отклонить злоупотребленіе, основалъ бы соревнованіе къ успѣхамъ. Съ разрушеніемъ вкуса самыя науки были бы оставлены. Извѣстно, что вкусъ, смиряя жестокость нравовъ, очищая грубость выраженій, возбуждая ревность къ ученію и приводя разумъ на путь истины, посещенно распространить кругъ нашихъ познаній. Но какимъ образомъ вкусъ, сей возстановитель наукъ глубокомысленныхъ, могъ бы побѣдить невѣже-

ство безъ помощи искусствъ пріятныхъ, каковы суть Поэзія, Живопись и Музыка *)? Опъ чего же происходитъ, что высокія науки, распространяя свое владычество, спѣсняють кругъ изящныхъ искусствъ и нечувствительно подавляють опъ самый вкусъ, коему они одолжены спасеніемъ, и который бы возстановилъ ихъ опяшь, еслибъ люди, пресыщаясь глубокою ученостію, впали въ прежнее невѣжество?... Какая чудесная связь между искусствами полезными и пріятными! Какъ часто великія дѣла зависяшь опъ малыхъ!

Съ Франц. Н. Ельганиновъ.

---

*) Поэзія споль свойственна людямъ, что стихотворцы были первыми писателями у всѣхъ народовъ. Лучшее твореніе Моисея есть безъ сомнѣнія Пѣснь, сочиненная имъ по переходѣ чрезъ Черное море. Гомеръ и Гезіодъ предшествовали всѣмъ Испоривамъ и Философамъ Греціи. *Прим. Сог.*

СОНЪ МИНОНЫ.

Съ нѣкотораго времени чувствовала я себя совсемъ не такъ, какъ прежде: шо умиленіе и восторгъ, шо грусть и ужась наполняли мое сердце; странныя предчувствія волновали мою душу; и когда днемъ мечшала я, какъ въ сновидѣніяхъ: шо удивительно ли, что при тишинѣ ночи воображеніе мое предшавило мнѣ еще живѣйшія карпины.

Мнѣ снилось, будто бы я нахожусь посреди какой-шо прекрасной долины, гдѣ природа чудеснымъ образомъ совокупила самыя прелестнѣйшіе предметы, въ отечествѣ моемъ по разнымъ мѣстамъ разсѣянные. Въ восхищеніи спремлюсь къ поражающимъ меня прелестямъ и — непреодолима преграда удерживаетъ меня; тихій препешъ объяль меня внезапно.—Ахъ! (шупь я вздохнула изъ глубины сердца) какъ могу дошпигнуть всѣхъ сихъ красотъ? Уже ли не дерзну къ нимъ приближиться? Или должна я шолько издали смопрѣшь на нихъ, и никогда вблизи не насладиться ими!—Между шѣмъ юная дѣва въ бѣлой,

развѣвающейся одеждѣ, весело прыгала по смѣющемуся лугу. Она кивнула мнѣ ласково, и надѣвъ на мою голову фіалковый вѣнокъ, сказала: „слѣдуй за мною!“

—Кто ты, дружелюбное существо?—спросила я.

„Юность!“

—Миръ тебѣ! Съ радостью принимаю вѣнокъ твой; но онъ скоро увянетъ, и ты изменишь мнѣ! Люблю тебя; но не могу слѣдовать за тобою!—

Она поцѣловала меня, и исчезла прежде, нежели я успѣла опомниться; горестное чувство оспалось въ моемъ сердцѣ.

Вдругъ низпускается на землю золотое облако и появляется изъ онаго женщина чудесной красоты, въ розовой одеждѣ. Она улыбнулась съ очаровательною пріятностію и усремивъ на меня таинственный взоръ, приколола пучекъ розъ къ моей высоко вздымающейся груди, и сказала: „слѣдуй за мною!“

—Кто ты, богоподобное существо?—

„Любовь!“

— Миръ тебѣ! Съ восшоргомъ при-

нимаю розы твои; но онъ увянушь, и ты оставишь меня! Клянусь тебѣ въ вѣрности; но не могу за тобою слѣдовать!—

Она съ улыбкою погрозила мнѣ прекраснымъ перстомъ своимъ, и удалась. Чувство пламеннаго желанія ослабло въ моемъ сердцѣ.

Попомъ изъ густоты лѣса выпустила женщина величественнаго вида, въ небесно-голубомъ одѣяніи. Долго она смотрѣла на меня со вниманіемъ, не говоря ни одного слова, и наконецъ давъ мнѣ цѣпь изъ вѣчнозеленяющаго плюща, сказала: „слѣдуй за мною!“

— Кто ты, величественное существо?—

„Дружба!“

— Миръ тебѣ! Цѣпь твоя всегда будетъ для меня драгоценна; но она такъ проста, а ты столько снорога и молчалива! Почтипаю тебя; но слѣдовать за тобою не могу!—

Она ополла тихо; томящее и угнетающее чувство ослабло въ моемъ сердцѣ.

Между тѣмъ солнце восходило мед-

лѣнно и величественно; глазамъ моимъ предспавилась богиня, копорая покоилась на злапой своей колесницѣ. Сердце мое запрепешало и я невольнo просперла къ ней руки; она, въ серебряной одеждѣ, увѣнчанная лучезарнымъ сіяніемъ, сошла на землю. Я хотѣла пасшь къ ея ногамъ; но въ сладоспномъ безпамятствѣ очупилась на груди ея. — Да почию на сердцѣ швоемъ хопя единый мигъ и пролью слезы радости! —

„Единый мигъ? Ты должна оспашься навсегда въ моихъ объятіяхъ и спранспивовать вмѣстѣ со мною по сей долинь. Или не хочешь избрать меня своею пушепроводительницею? Я Добродѣтель!“

— На вѣки, на вѣки швоя! — вскричала я съ радоспными слезами.

„Не даю тебѣ никакихъ вѣнковъ: цвѣщы мои прозябають шамъ!“ сказала она, указавъ на розовыя облака.

Я предалась ей съ швердою увѣренностію, и чувспвовала даже шайное услажденіе, жершвуя ей шѣмъ, что мнѣ любезно было на земли.

Она, казалось, проицала въ мою

душу; взяла меня за руку, и я послѣдовала за нею. — Мы приблизились къ ручейку, котораго сребристыя струи съ шихимъ журчаніемъ капались по мѣлкимъ, блестящимъ камешкамъ. Слѣдуя его теченію вошли мы въ садъ, гдѣ всѣ дары Флоры, въ пріятномъ и разноцвѣтномъ смѣшеніи, благоухали и, казалось, манили насъ къ себѣ.

— Кшо владѣешь симъ очаровательнымъ мѣстомъ? — воскликнула я въ восторгѣ.

„Я!“ — отвѣщивала нѣжный, тонкій голосъ — и веселая Юношья выпорхнула изъ за розоваго куста. — Какая пріятная для меня незнакомость! Съ какимъ восторгомъ поленѣли мы одна къ другой въ объятія!

„Повеселись вмѣстѣ съ нею!“ — сказала моя пупеводительница. — „При моемъ сообществѣ, она сдѣлаешь тебя счастливою и не скоро тебя оставитъ.“

Рука объ руку, рѣзваясь и смѣючись, шли, или лучше сказать, бѣжали мы по цвѣтамъ. Солнце было уже высоко; жаръ, казалось, палилъ мою внутренность; я

увидѣла темный гробъ, который обѣщала пріятную прохладу; поспѣшила къ нему, но при самомъ входѣ тихое предчувствіе, смѣшанное со страхомъ и радостію, попрясло мою душу. Я хотѣла бѣжать, и не могла: какъ прикованная оспалась на мѣстѣ; глаза мои мало помалу привыкли къ темнощѣ; я примѣшила, при шускломъ, разноцвѣтномъ блескѣ каменьева, зеленѣющуюся дерновую скамью, усыпанную розами, и на ней женщину чудесной красоты, покоющуюся въ сладоспной дремощѣ.

„Подойди къ ней, сказала моя пупеводительница: насладись ея присущствіемъ; при мнѣ она восхищитъ душу твою и пребудетъ тебѣ вѣрна!“

Сладоспная помность прошекла по жиламъ моимъ, пріятное безпамятство омрачило чувства мои; я опустилась, почти усыпленная, въ объятія предеспной женщины.

Солнце уже клонилось къ западу, когда я опамятовалась. Пупеводительница моя тихо повела меня далѣе, какъ будто не примѣчая на лицѣ моемъ румянца спыдливости.

Мы пришли къ величественному храму, кошораго простое, но правильное зданіе, могло, повидимому, прошивоспяшь цѣлымъ вѣкамъ. Я почувствовала какое-то сильное, неизяснимое восхищеніе, и осмѣлилась всупить во храмъ. Два спарца, держась рука объ руку, занимались храненіемъ пылающаго на жершвенникѣ огня. Проспранные, высокіе своды, священное молчаніе, поржешшвенное жершвоприношеніе—все возбуждало во мнѣ благоговѣніе, кошораго грудь моя какъ бы не могла вмѣщать въ себѣ, и въ кошоромъ я казалась самой себѣ недоспойною предспояшь сему жершвеннику. Я пошупила смиренно глаза и съ ужасомъ увидѣла, что розы на груди моей поблекли. Схватила за фіалковый вѣнокъ, и онъ уже совсемъ завялъ. Поцѣловавъ вѣнокъ и розы, не безъ грусти, а при томъ и не безъ сладостнаго воспоминанія, предала я ихъ безъ прискорбія жершвенному пламени, кошорое въ одинъ мигъ ихъ испребило. Тупъ я увидѣла Дружбу въ небесно-голубой ея одеждѣ, подлѣ меня споящую и проспирающую ко мнѣ руку.

„Подай ей свою, сказала моя пушеводипельница: въ моемъ присущствіи она не будетъ къ тебѣ спорога и никогда не оставитъ тебя.“

Я приникла ко груди святой обипапельницы храма; она обняла меня съ горячностію, и произнесла ко мнѣ таинственныя слова, копорыхъ повпорить я не въ состояніи.

Непримѣннымъ образомъ очутились мы на открытомъ воздухѣ, и пушеводипельница моя указала на заходящее солнце. „День прошелъ, сказала она: я должна возвратиться въ свое отечество.“

—Мы не оставимъ тебя!—возкликнула Дружба.

—Вѣчно пребудемъ съ тобою!—сказала я.

Богиня спала посреди насъ, взяла обѣихъ за руки—облако, сквозь которое блиспали звѣзды, спуспилось—я чувспвовала себя, со спупницами своими, возвышающеюся къ солнцу; земля скрывалась во мракѣ—неизьяснимое желаніе волновало мою грудь—я просперла руки и—проснулась. Упреннй свѣспъ по-

казался въ мои окна; лице мое было орошено слезами, и я вспомнила, что сегодня мнѣ минуло шеснадцатъ лѣтъ. Душа моя излилась въ шихомъ моленіи къ Создателью.—

Сѣ Нѣлецъ. Н.

АНЕКДОТЫ ИЗЪ ТАЛМУДА.

1.

Равви Хаіа и Равви Авига сошлись нѣкогда въ одномъ городѣ. Первый началъ наставлятъ народъ въ *законахъ* и *правахъ гражданскихъ*. Скоро всѣ оспавили Равви Хаіа и обрапились толпами слушатъ нравоученіе Равви Авига. Сей замѣшивъ, что невниманіе народа къ поученіямъ Равви Хаіа производящъ въ немъ непріятныя впечатлѣнія, сказалъ ему въ ушѣшеніе: „Равви! ученія, преподаваемыя здѣсь нами, подобны двумъ купцамъ, приѣхавшимъ шорговать въ одинъ городъ. Одинъ изъ нихъ продаетъ драгоцѣнные камни, а другой мѣлогную

утварь, необходимую для домашней жизни. Скажи самъ къ кому изъ нихъ болѣе спекается покупщиковъ? — Разумѣешь къ торгующему мѣлочною, но необходимою для всѣхъ домашнею утварью.“

(Трактатъ Соѣта.)

2.

Съ однимъ народоучителемъ Еврейскимъ жена его поступала весьма жестоко; а онъ не только переносилъ съ терпѣніемъ всѣ оныя нескорбленія, но и оказывалъ ей всевозможную супружескую нѣжность. Нѣкто изъ поспороннихъ замѣтивъ сію прошивуположность нравовъ, спросилъ Раввина о причинѣ столь ласковаго обхожденія его съ жестокою женою. — „Женщины, ошвѣчалъ терпѣливый Раввинъ, довольно для насъ дѣлающыя. Кромѣ того, что занимающыя пруднѣйшею обязанностію, воспитаніемъ дѣтей нашихъ, онѣ весьма часто предостерегающыя насъ оныя заблужденія и пороки. Человѣкъ безъ жены—все равно, что безъ счастья, безъ радостей, безъ покровительства, безъ мира.“

(Трактатъ Іевалотъ. 62.)

3.

Царь Монбась раздавалъ въ голодные годы бѣднымъ и нуждающимся, какъ собственныя свои, шакъ и приобрѣшенныя предками его сокровища. Родственники его и друзья спали выговаривашь ему за шаковую, по словамъ ихъ, непомирную распочипельность. — „Предки мои, опшвчалъ имъ благочеспивый Монархъ, собирали земныя богапспва; а я собираю небесныя. Предки мои хранили свои сокровища шамъ, гдѣ онѣ опшпашей и воровъ небезопасны были; я же храню мои въ шакомъ мѣспѣ, куда никакая рука смершнаго досягнунъ не можешъ. Сокровища предковъ моихъ не приносили имъ никакой пользы; мои же приносяшъ мнѣ сладчайшіе плоды. Предки мои приобрѣшали капиталъ мершвый; я же приобрѣшаю себѣ души, ибо сказано: *плоды благочеспиваго произрастаютъ изъ древа жизни; мудрый приобрѣтаетъ себѣ души.* Предки мои шрудились для другихъ; я же шпружусь собственнно для себя, ибо сказано: *щедрота твоя вмѣняетъ тебѣ въ добродѣтель; она предшествуетъ тебѣ.*“

(Трактатъ Бувы-Басры. л. 9.)

Извѣстный Богословъ Равви Іосуа мѣлъ однажды жаркое прѣніе съ погдашнимъ Главою Іудеевъ Равви Гамліелемъ Гануси о наспупленіи великаго дня очищенія. Мнѣнія обоихъ оспались нерѣшены; однако же, когда наспупилъ день, копорый по мнѣнію Равви Іосуа долженспвовалъ бытъ днемъ очищенія, Равви Гамліель Гануси — взялъ по погдашнему обыкновенію въ руки палку и копомку на плечи (вопреки спрожайшему церковному поспановленію) и явился предъ Главою, дабы показашъ симъ всему народу, что невзирая на превосходство своего знанія Слова Божія въ чемъ ему самъ Глава Равви Гамліель ошдавалъ справедливостъ, не упустилъ онъ изъ виду должнаго уваженія и послушанія къ начальспвующей особѣ.

(Трактатъ Рошъ—Гашуны.)

Бердигевъ. Съ Еврейскаго Самсонъ Юзефовитъ.

С М Ъ С Ь.

Примѣрные Помѣщики *).

На границѣ Слободско - Украинской и Воронежской Губерніи познакомился я съ двумя испинными сынами опечества и настоящими друзьями чловѣчества. Это родные брашья, помѣщики.... Воздавъ *Кесарева Кесареви*, воздають они шеперь *Божія Богови*, и свяшо исполняють заповѣди его въ разсужденіи ближняго.

Не говоря о наилучшемъ устройствѣ хозяйственныхъ ихъ заведеній, о примѣрномъ ихъ между собою брашскомъ согласіи и нѣжной привязанности ко всѣмъ роднымъ; проходя молчаніемъ обращеніе ихъ съ крестьянами, кошорыхъ почитають они не за рабовъ, но за дѣшей своихъ, и усердное ихъ попеченіе обо всемъ, что шолько имѣеть въ себѣ жизнь; не упоминая о томъ, что вдовы и сироты находятъ себѣ во владѣніяхъ ихъ убѣжище, покой и опраду — скажу шолько объ одномъ ихъ поступкѣ, ко-

---

*) Издапель чувствившетьно благодарить за доставленіе къ нему сей піэсы. Дай Богъ, что бы нашлось у насъ поболѣе подражателей шакимъ *примѣрнымъ помѣщикамъ*. *Прим. Изд.*

торый покажетъ, до какой степени простирается ихъ человѣколюбіе, сія истинно христіанская добродѣтель.

Сельскій ихъ Священникъ, спарець въ самыхъ уже преклонныхъ лѣтахъ, оступившись ночью, упалъ нечаянно въ глубокую яму и переломилъ себѣ ногу. Домашніе его немедленно дали о шомъ знать своимъ помѣщикамъ. Въ ту же минуту одинъ изъ нихъ бросаешся съ постели, беретъ изъ домашней аптеки нужныя въ шакомъ случаѣ лекарства, и не дожидая, пока будешь гошовъ экипажъ, въ полночь, въ дождь и грязь спѣшитъ подать помощь больному. Осмотрѣвъ поврежденную ногу, мгновенно оную направляешъ и увязываешъ въ лубки; попомъ дѣлаешъ припарки, прикладываешъ мази, и какъ оспальную часть ночи, такъ и весь слѣдующій день, проводитъ безотлучно при больномъ, повпоряя время отъ времени припарки и мази и наблюдая самомалѣйшія его движенія. На другую ночь другой брашъ, споль же человѣколюбивый и искусный въ Медицинѣ, оказываешъ шаковыя же пособія спраждущему спарцу, что и продолжали они между собою по очереди около двухъ недѣль, пока больной находился еще въ сомнительномъ положеніи.

Благодаря шаковой ихъ попечительности и человѣколюбію, Священникъ черезъ

два мѣсяца выздоровѣлъ совершенно, и теперь, служа олшарю Божию, возсылаетъ ко Всевышнему шеплыя молишвы о продолженіи дней сихъ рѣдкихъ друзей человѣчества.

Не могу умолчать и о томъ, сколь они дружелюбны въ общежитіи.

Два помѣщика, въ сосѣдствѣ ихъ живущіе, имѣли между собою закоренѣлую вражду, и избѣгая личнаго свиданія, старались вредить другъ другу вшайнѣ. Примиреніе ихъ всегда лежало на сердцѣ сихъ друзей человѣчества; но какъ обыкновенными средствами нельзя было того достигнуть, то они назначили у себя въ деревнѣ праздникъ и сами лично пригласили на оный соперниковъ, скрывъ ошъ нихъ, что они вспрѣпяшся шущъ другъ съ другомъ. Между шѣмъ ошкрыли они свое намѣреніе прочимъ своимъ сосѣдямъ и упросили ихъ содѣйствовать оному.

Когда въ назначенный день прибыли къ нимъ сіи давнишніе между собою непріятели и къ удивленію своему вспрѣпились другъ съ другомъ: то всѣ госппи, съ веселыми лицами, окружили ихъ и объявили имъ, что они собрались праздновать день ихъ примиренія. Всѣ единогласно просили ихъ примириться. По долгомъ сопротивленіи съ ихъ спороны, наконецъ хозяева бѣдшельнѣйшими просьбами и краснорѣ-

чивѣйшими объясненіями обезоружили соперниковъ: они обнялись и поклялись въ вѣчной другъ къ другу пріязни.

Будучи участникомъ сего радостнаго торжества дружелюбія и роняя невольно въ покаянь слезы, первый еще разъ въ моей жизни пилъ я съ такимъ удовольствіемъ вино — за здоровье примирившихся.

Д. м. Ф — цій.

~~~~~

Благотворенія.

Издашеть *Благонамѣреннаго* получилъ опъ неизвѣстныхъ благотворителей для доставленія бѣднымъ, а именно:

Изъ Вятки отъ 6 и 8 Ноября:

Пресварѣлой вдовѣ Гжѣ Дѣйст. Ст.
Сов. А. Л. К—ой съ больною ея дочерью
двадцать пять рублей . . . . . 25 р.

Бѣдной женѣ чиновника 14 класса
Е. В. П... ой съ шестью малолѣтними
дѣтьми пять р. . . . . 5 —

Пресварѣлой машери и больной сестрѣ покойнаго Надв. Сов. Зайцова
пять р. . . . . 5 —

Вдовѣ Надв. Сов. Зайцовой пять р. 5 —

Изъ Саратова отъ 10 Ноября:

Гжѣ Дѣйств. Ст. Сов. А. Л. К-ой двадцать р.	20 р.
Машери и сестрѣ Надв. Сов. Зайцова десять р.	10 —

Итого *семдесятъ* рублей . . . 70 р.

Доставлены, кромѣ пяти рублей, присланныхъ къ покойной Надв. Сов. Зайцовой, кои за смертію ея отданы бѣднѣйшей и престарѣлой вдовѣ Порупчицѣ Софроновой, о которой нѣсколько уже разъ упоминаемо было въ семь Журналѣ.

И.

~~~~~

Отъ Издателя.

Журналъ: *Благонамѣренный* будетъ издаваться и на слѣдующій 1820 годъ на прежнемъ основаніи, то есть, по двѣ книжки въ мѣсяцъ, въ половинѣ и въ концѣ каждаго. Въ семь Журналѣ помѣщаемы будутъ, какъ и прежде: 1) стихотворенія; 2) повѣсти оригинальныя и переводныя; 3) опрывки изъ новѣйшихъ Рускихъ путешествій; 4) небольшія нравоучительныя, сапирическія, историческія и политическія сочиненія и опрывки; 5) разсужденія относительно

теоріи Словесности; 6) Рускіе *) и иностранные анекдоты; 7) извѣстія о нѣкопрыхъ новыхъ театральныхъ піесахъ и замѣчанія о игрѣ актеровъ; 8) выписки изъ новѣйшихъ иностранныхъ Журналовъ, письма къ Издашелю отъ его Корреспондентовъ изъ чужихъ краевъ, разные извѣстія, замѣчанія и т. п. Сверхъ того Издашель намѣренъ прибавить новую въ своемъ Журналѣ статью, которую постарается сдѣлать сколько возможно занимательнѣе, а именно: *Критику*, т. е. разборъ нѣкопрыхъ образцовыхъ сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ, и реценсіи на новыя книги. Многіе извѣстные литераторы обѣщали принять участіе въ трудахъ Издашеля, который употребитъ всѣ зависящіе отъ него способы, что бы Журналъ его соотвѣтствовалъ своему названію. Сочиненія, противныя строгой нравственности и цѣломудрію, а также и бранныя крики, не будутъ имѣть мѣста въ *Благонамѣренномъ*.

Подписка на Журналъ *Благонамѣренный* принимается у Издашеля Коллежскаго Совѣтника *Александра Бфиловича Измайлова*, живущаго на Пескахъ противъ Бассейна

---

*) Издашель собралъ уже около ста любопытныхъ и достоверныхъ Рускихъ анекдотовъ; осмѣется только написать ихъ *хорошенько*.

въ новомъ каменномъ домѣ Моденова подъ № 283; въ Газетной С. П. бургскаго Почтамта Экспедиціи, которая приняла самыя вѣрныя мѣры къ исправному доставленію сего Журнала иногороднымъ подписчикамъ, и у всѣхъ здѣшнихъ книгопродавцевъ. Цѣна за годовое изданіе, п. е. за 24 книжки, здѣсь въ С. П. бургѣ, на люб. бум. 55, а на простой 30 рублей; за полугодовое же, или за 12 книжекъ, вполовину менѣе. За пересылку въ другіе города и за доставленіе на домъ прилагается въ годъ по 5 р. а за полгода 2 р. 50 к. Для всѣхъ вообще казенныхъ училищъ дѣлается успупки отъ каждаго экземпляра въ годъ по 10 р. Начальники, или правленія оныхъ, благоволятъ описишься съ требованіями своими къ самому Издашелю. Имена подписавшихся особъ будутъ припечатаны.

У Издашеля *Благонамѣреннаго* можно еще получить сей Журналь за прошедшій 1818 и нынѣшній 1819 годъ. Цѣна первому 25, а послѣднему 30 р. безъ пересылки на простой бумагѣ. Если же кому изъ подписавшихся на слѣдующій 1820 годъ угодно будетъ взять у самаго Издашеля Журналь сей и за прежніе два года; въ такомъ случаѣ имѣеть бытъ сдѣлано успупки отъ

каждаго годоваго экземпляра по 10 р. На пересылку прилагается за каждый годъ по 5 р.

(2 Декабря)

XXIII и XXIV книжка *Благонамѣреннаго* выдутъ въ одно время, т. е. въ концѣ сего Декабря мѣсяца.

БЛАГОНАМЪРЕННЫЙ.

ДЕКАБРЬ. 1819. N° XXIII и XXIV.

ЛИТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДО-
ЖЕСТВА и ПОЛИТИКА.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Л И З А .

Баллада.

Что жизнь, когда въ ней нѣтъ очарованья?

Жуковский.

Е. Н. Об — ой.

Чей взоръ возжегъ во мнѣ стремленье
Къ Поэзіи святой,

Такъ пусть же шой и приношенье
Сей первый опытъ мой.

Я счастливъ, естли ты въ награду
Преданности моей

Почтишь безвѣстную Балладу
Улыбкою своей.

Жуковский мрачный былъ любимымъ

Всегда пѣвцомъ своимъ;
 Я, пѣмижь чувствами живимый,
 Мечтаю въ слѣдъ за нимъ.
 Ты жарь его въ меня вселила....
 Онъ былъ наславникъ мой;
 А шы перомъ моимъ водила
 И мыслью и душой.

5 Сентября 1819.

~~~~~

Какъ съ другомъ шягосшна разлука!
 И какъ ее свеспи!
 Какая грусть, какая мука,
 Сказаць ему: *прости!*
 А Лизъ съ Викпоромъ разшашья,
 И Царь, и долгъ велишь!
 Какъ сладко было имъ свыкашься,
 Такъ горько розно жить.
 Когдабъ веселый часъ свиданья
 Не предшавлялся имъ;
 Тогдабъ съ пошерей ожиданья
 Погибнушь обоимъ.
 О, сколько кляшвъ и обѣщаній
 Онъ въ вѣрности ей даль!
 И послѣ шысячи лобзаній
 За славой поскакалъ.

У́халь онъ - она оспалась
 Безъ друга горевать;
 И шолько мыслю утѣшалась,
 Что свидишся оняшь.
 Но годъ прошелъ, и вѣспникъ спрашний
 Изъ дальнихъ странъ лешипъ,
 Что Викторъ ужъ другою спрасшний
 Преспалъ ее любить,
 И сердце, кое онъ заплашой
 За нѣжностъ ей сулилъ,
 Теперь наслѣдницѣ богатой,
 Людмиллѣ подарилъ.
 И щещно Лизу утѣшаепъ
 Въ ушранѣ сей опець:
 Неушѣшимъ, кпо испытаетъ
 Коварство злыхъ сердець.

*

Казалось, съ нѣжною душою,
 Ей должнобъ счастье знать
 И свѣпрыхъ глазъ своихъ слезою
 Вовѣкъ не омрачать.
 Въ нихъ кропостъ и любовь блисшаетъ,
 И дружбы видѣнь свѣшь,
 А сердце бѣдное спрадаепъ
 Отъ самыхъ юныхъ лѣшь.
 Опчаянье неукротимо
 Въ груди ея живетъ,
 И сердце, горесшюю томимо,
 Безъ жалоспи грызепъ.

Чтожь счастье?—пышный цвѣтъ въ долинь,
 Живущій только часъ;
 Вчера разцвѣлъ, плѣнялъ — а нынѣ
 Весь блескъ его угасъ. —

*

„ Родитель! “ Лиза восклицаетъ,
 Судьбу свою кляня:
 „ Жестокій сердце разрываешь
 На части у меня.
 Ужель онъ думаетъ предъ Богомъ
 Объшь сердце не свящъ,
 И кляшву подъ какимъ предлогомъ
 Дерзаетъ преспунашь?
 Не ужь ли слово то свяще,
 Которое дано
 Предъ олшаремъ? — Ужель сильнѣе
 Сосдинитъ оно?
 О сердце я его судила,
 По сердцу своему;
 Всю жизнь свою я посвятила
 Ему лишь одному.
 Во всемъ его я образъ зрѣла,
 Мечшала имъ лишь житьъ;
 И съ каждымъ днемъ его хошѣла,
 Все болѣе любить.
 Я на негобъ не промѣняла
 И самый пышный прокъ;
 Его желанія вмѣняла
 Всегда себѣ въ законъ.

Я не родилася богатой —

Егожь знаць блескъ плѣняль!

А то бы друга онъ на злато

Вовѣкъ не промѣняль.

Хоть ярко золошо блискаетъ,

Хоть имъ плѣненъ весь свѣтъ;

Въ душѣ поски не истребляешъ

И счастья не даешъ!

Невѣрный! никогда съ иною

Не будешъ счастливъ ты!

Любви не замѣняшъ собою

Тщеславія мечты!“

— Ахъ не крушись, моя родная! —

Отець ей говоришь:

— Десница Вышняго святая,

Тебѣ да будетъ щипъ.

Богатство и покой и радость

Творецъ тебѣ пошлетъ,

И Лиза невозвратну младость

Въ забавахъ проведешъ.

Любовь, уныніемъ помящу,

Въ тебѣ онъ истребитъ,

И душу, страстію горящу,

И сердце прохладитъ. —

„Ахъ! безъ любви и свѣтъ печаленъ,

Безъ ней къ чему и живъ?

Безъ ней и ясный день шуманенъ;

И солнце не горитъ.“

— Но развѣ Викторъ воѣхъ прелестнѣй?

Почто же слезы льешь?

Ахъ! тысячу его любезнѣй
 Ты юношей найдешь! —
 „Глаза съ душею въ насъ согласны;
 Что для души милѣй,
 То и для глазъ всегда прекраснѣй
 Красотъ природы всей.
 И сердце не красой желало,
 А сердцемъ же владѣшь!
 Прекрасныхъ въ мѣрѣ есть не мало
 Но милаго въ немъ нѣтъ!“ —
 Ахъ! вѣчноль сердцу бытъ въ ненастьѣ
 И мучишься любя!
 Несчастливая! — къ чему же счастье
 Блеснуло для тебя?
 Знаешь, рокъ жестокой не подваспень
 И Граціямъ самимъ:
 А шо возможно, чтобъ несчастень
 Былъ шопъ, кшо сердцемъ милъ?

*

Вдругъ Лиза скрылась изъ селенья,
 Никто и невидаль;
 Ужъ вѣрно всякъ изъ сожалѣнья
 Ее бы удержаль.
 И долго старецъ ждалъ унылой,
 Что дочь придетъ домой.
 Но вдругъ сказали, что прибило
 Трупъ къ берегу волной.
 Несчастный горестью сраженный,
 Тотчасъ къ рѣкѣ спѣшилъ,

И видишь, пѣло искаженно
 На берегу лежишь.
 Пришелъ ужь видно часъ желанный
 Для Лизы наконецъ.
 Послѣдній, пляжкѣй, погребальный
 Ей долгъ свершилъ отецъ.
 У свѣжїа ея могилы
 Всѣ кровные въ слезахъ,
 И крестъ надгробной водрузили
 Усопшей въ головахъ.
 Тамъ, якорь зрѣлся преломленной
 И съ надписью на немъ:
 „Прахъ Лизы, горестью сраженной
 Лежишь на мѣсѣ семь.
 Она коварнымъ пламенѣя,
 Хотѣла имъ лишь жишь;
 Но жизнь скончала, не умѣя,
 Влюбяся разлюбишь.“

*

Безъ дочери отецъ спенаешъ;
 Какъ вешній ледъ изнылъ.
 И домъ, и дворъ гдѣ обитаешъ,
 Печали полонъ былъ.
 Промчались годы—спарецъ слышимъ,
 Что Викторъ молодой
 Все Лизу любитъ, ею дышитъ,
 А не иной красой;
 Что онъ своей подругѣ нѣжной
 Не предпочель другой:

И чшобъ увидѣшься съ любезной
 Спѣшитъ пеперь домой.
 Ахъ! поздно, поздно, вѣсть опрадна,
 Въ родимый край лепишь!
 Уже ты въ Лизѣ сердца хладна
 Собой не оживишь.
 И Викторъ щещно поспѣшаешь
 За сею вѣспью въ слѣдъ;
 Его тамъ сердце ожидаешь
 Холодное какъ ледъ!

*

Однажды, на зарѣ веселой,
 Спарикъ одинъ, въ тоскѣ,
 На дворъ свой выщель опустѣлой,
 И видишь: вдалькѣ
 Какъ облако густое вьется
 Пыль къ яснымъ небесамъ,
 И вишьязь молніей несется,
 Къ песовымъ ворошамъ.
 Узналъ онъ издали героя
 И горестъ ощутилъ:
 Навѣкъ погибшій для цюкя
 То юный Викторъ былъ.
 На дворъ примчался и уныне
 Подернуло чело —
 Подворье все густой полынью
 Съ крапивой заросло;
 Завалины и кровля дома
 Покрышы мхомъ сѣдыми

И дверь, гдѣ взоръ встрѣчалъ знакомой,
 Не отперлась предъ нимъ.

Печально лошадь оставяешь
 У вешхаго крыльца;

И съ неперпѣньемъ вопрошаешь
 О Лизѣ у отца:

„Гдѣ Лиза, гдѣ мой другъ безцѣнной?
 На встрѣчу что нейдешь?”

Или въ сонъ сладкій погружена,
 И Виктора не ждешь?”

Старикъ, съ стѣсненной душою,
 Въ безмолвіи стоялъ

И съ жаркою въ очахъ слезою,
 На небо указалъ.

„О Боже!“—Викторъ восклицаетъ—
 „Уже ли Лиза тамъ?”

И взоръ по къ старцу устремляетъ,
 То взводишь къ небесамъ.

—Спокойся, сынъ мой, грусть сразила
 Любви швоей предметъ

И надъ ея уже могилой,
 Кустъ розовой цвѣшетъ:

Но цвѣтъ его не услаждаетъ
 Въ груди моей тоски;

Пріятнѣй мнѣ, когда срываешь
 Борей съ куста цвѣшки.

Такъ—Лиза, горестью влекома,
 Надеждою бѣдна,

Ушла изъ опческаго дома
 Украдкою одна,

И безъ оспрады въ сердцѣ спраспномъ,
 (Безъ ней кто можетъ жить?)
 Въ волнахъ шумящихъ жизнь несчастну
 Рѣшилась прекрашшь.
 Напрасно бѣдную искали,
 Бродя по всѣмъ мѣстамъ;
 Но волны вскорѣ трупъ примчали
 Къ ближайшимъ берегамъ.
 Вся краса ея исчезла,
 Померкъ пріятный взглядъ;
 Ужасный трупъ вода извергла,
 Не Лизу ужь пазадъ. —
 Уже для васъ не воспылають
 Вѣнчальныя свѣчи!
 И на главахъ не возсіяють
 Супружніе вѣнцы! —

*

„Веди меня къ подругѣ милой!“
 Сраженный возгласилъ.
 И юношу отецъ унылой
 Къ могилѣ проводилъ.
 Опчаянный, не зря оспрады,
 Безъ силъ шамъ Викшоръ палъ;
 И небеса, не о наградѣ,
 О смерти умолялъ.
 —Ужель и ты, мой сынъ, рѣшился
 Быть жершвою любви? —
 „Я съ Лизою всего лишился“
 —Для старца хощь живи! —

„Коль хочешь, чтобы я жила безъ милой
 Мой пламень прохлади!
 Иль, сердце вырви, что изныло,
 Въ отчаянной груди!
 Мольбы напрасны!—Вѣспрь осенній
 Завоешь надъ холмомъ,
 Въ котлоромъ, съ Лизой соединенный,
 Усну я вѣчнымъ сномъ!“
 И съ сей минушы не опходишь
 Онъ опъ могилы прочь;
 Близъ праха шамъ подруги бродишь
 Онъ каждый день и ночь.
 Взойдешъ ли солнце надъ горою,
 Въ поскѣ онъ и при немъ;
 И освѣщаемый луною
 Томится, какъ и днемъ.
 Какъ тѣнь, межъ мрачными гробами,
 Блуждаетъ вѣчно опъ;
 Опъ глазъ, омоченныхъ слезами,
 Бѣжишь опрадный сонъ.
 „Какъ въ осень листь ты, сердце, вянешь
 Уже ли вѣкъ спрадашь?
 Когда же, сердце, перестанешь,
 Томиться, шрепешашъ?
 Годъ мрачной крышей, гробовою
 Спокоюсь только я!
 Лишь шамъ, засыпанна землею,
 Уснешъ шоска моя!“

Однажды тучи омрачили
     Въ ночь бурну небеса;
 Въ горахъ сосѣднихъ вѣтры выли
     И собралась гроза;
 На Югъ молнія блиспала,
     И черный небосклонъ
 Стократъ огнями раздирала. —
     А Викторъ, углублѣнъ
 Въ мечсахъ, всегда его мяшущихъ,
     Грозъ не внемлеть сей;
 Не слышитъ вѣтровъ вокругъ ревушихъ,
     Все думая о ней.
 Предъ прахомъ сердцу незабвенной
     Безмолвенъ онъ стоялъ.
 И вдругъ, тоской изнеможенной,
     На гробъ ея упалъ.
 Тамъ вѣтры поднялись сильнѣе,
     Шумящъ въ дали лѣса;
 Громъ раскатился—и страшнѣе
     Пылающъ небеса.
 И бѣдсвѣй провѣщатель древній,
     Вранъ черный прокричалъ:
 Знашь Виктору онъ часъ послѣдній,
     Симъ крикомъ назначалъ.
 Вкругъ храма насажденны ели
     Почившихъ на гробахъ
 Опъ ярости стихій скрипѣли,
     Колѣблясь въ корняхъ.
 Казалось, колоколь печальный
     Гуль тихій издавалъ,

И отголосокъ погребальный
     О смерти возвѣщаль.
 Кресты надгробные рядами,
     Какъ призраки стояшъ;
 И будто грозными очами
     На Виктора глядяшъ.
 Свирѣпый вихрь межъ нихъ промчался;
     Свѣшъ молній заблесталь;
 Громовъ ужасный прескъ раздался
     И землю вскодебалъ.
 Древа столѣшни зашатались,
     И спрашно вѣтръ завылъ;
 Полки усопшихъ показались
     Изъ вскрывшихся могилъ.
 Ихъ говоръ, стоны, завыванье,
     Мѣшаяся съ грозой,
 Наводяшъ страха шрепешанье
     На Виктора собой.
 Вдругъ длинной цѣпью потянулся
     Ужасный мертвыхъ строй
 И предъ несчастнымъ колыхнулся
     Крестъ Лизы гробовой.
 Идушъ къ нему, спучашъ костями,
     Къ себѣ его маняшъ,
 И тусклыми свѣся очами,
     Погибелью грозяшъ.
 Нашли.... и—едругъ прикрашы грянулъ
     Перунъ небесъ предъ нимъ;
 Подземный сводъ ему отгрянулъ
     Сшенаніемъ глухимъ;

Взвились молніи стрѣлами;
     Пылаеть шаръ земной;
 И къ небу сѣрный дымъ клубами
     Вносился надъ главой.
 Земля, колеблясь, разступилась;
     'Изъ темныхъ нѣдръ ея
 Тѣнь духа чернаго явилась,
     Шипяща, какъ змѣя.
 И предъ опчаяннымъ мѣняешь
     Онъ гнусный образъ свой:
 Брада сѣдая покрываетъ
     Грудь злобную собой;
 Блискаетъ жалостью взоръ шемный,
     А выя согбена;
 И словомъ: шарца видъ почтенный
     Пріемлешь Самана.
 Взглянувъ на юношу, коварный
     Такъ началъ говорить:
 „Почто, къ Творцу неблагодарный,
     Жизнь хочешь прекратишь?
 Въ ней радость, шумныя забавы —
     Почтожь ее клянешь?
 Спуйай—вѣнецъ любви и славы
     Ты въ міръ обрѣдешь!
 Когдажь ничто уже съ землею,
     Тебя не примиритъ:
 Могу я силою моею,
     И Лизу оживишь!“
 — Кто ты? . . ошколь? какою силой
     Мнѣ Лизу возвратишь?

И поглощенную могиллой
 Чѣмъ, страшный, оживишь? —
 „ Почто вопросъ сей дерзновенный?
 Я Царь природы всей!
 Владѣю съ славой неизмѣнной
 И адомъ и землей!
 Когда же Лиза оживленна
 Предспанешь предъ побой,
 Клянись и небомъ и вселенной,
 Что вѣчно будешь мой.
 Вошь харшія — своею кровью
 Ты долженъ подписать:
 Когда разспанешься съ любовью,
 Чтось душу мнѣ отдашь.
 Подумай! жизни что дороже
 Съ подругою молодой?
 Не согласишься — будешь поже:
 Все будешь вѣчно мой! “
 — Творецъ! спаси! — Любовь свяшая!
 Погибни, сопоспашъ! —
 „ Напрасенъ вопль, погибель злая
 Безумца ждетъ ужъ адъ!
 Сокроюсь я, и тѣни грозны.
 Опяшь явяшся туть;
 Тебя ихъ основы холодны
 На части разорвуть!
 Согласенъ — шакъ пиши скорѣ —
 Иль смерти страшной жди!
 Всѣхъ адскихъ мукъ постигнуть злѣе,
 Въ сей часъ шебя бѣды! “

Трепещеть Викшоръ, леденѣеть —
 Вдругъ слышишь вой и крикъ —
 Молишься хочеть — но нѣмѣеть
 Отъ ужаса языкъ.
 И снова мертвые толпами
 Тянулись изъ гробовъ;
 Хрустящъ изсохшими костями
 Со скрежежомъ зубовъ.
 Предъ нимъ шупъ злобно улыбнулся
 Ужасный Сатана —
 И съ воплемъ юноша проснулся
 Отъ гибельнаго сна.
 Померкши очй ошкрываетъ
 И видитъ Лизу онъ —
 „О Боже!“ Викшоръ восклицаетъ:
 „Уже ли новый сонъ?
 Продлись, продлись мечша оправдѣ!
 Ушѣшенъ я тобой!
 Ахъ! съ милой и могила хладна
 Не устрашишь собой!“
 — Не сонъ, а Лиза предъ тобою!
 Ты ею только жиль!
 Знашь, пронувшись Господь мольбою,
 Тебя ей возвратилъ! —
 „О Лиза! о мой другъ любезный!
 Ужель еще живешь?
 Ужель отъ сей могилы слезной
 Меня пы ошорвешь?“
 — Не сомнѣвайся, Викшоръ милой!
 Напрасно рокъ грозиль!

Надъ неизвѣстною могилой
 Творецъ насъ съединилъ!
 Не Лизу здѣсь похоронили —
 Она передъ тобой;
 Но прахъ безвѣстный положили,
 Сраженный злой судьбой!
 Подобно намъ знать грусть повила
 Ея младую грудь,
 Знать и она лишь въ гробѣ мнила
 Отъ скорби отдохнуть.
 А вѣрная своя подруга,
 Чѣшъ счастье испытать,
 Рѣшилась бросить все — и друга
 Любезнаго искашь.
 Ахъ! долго, долго я ходила,
 По чуждымъ мнѣ мѣстамъ;
 Но друга все не находила
 Пошеряннаго шамъ.
 И съ прежнею опшоль поскою,
 Пришла въ родимый край —
 И въ немъ несчастная душою
 Въ шебѣ находишь рай! —

*

Попомъ предъ олшаремъ священнымъ
 Союзъ молодыхъ сердець,
 Слезой веселья оживленный,
 Благословилъ отецъ.
 И въ храмѣ ярко воспылали
 Въичальныя свѣчи;

И на главахъ у нихъ сіяли
 Супружніе вѣнцы.
 Съ тѣхъ поръ, уже для нихъ грозою
 Не тѣмилась небеса
 И не встрѣчали ужь слезою,
 Свѣтъ упренній глаза.

Н. П—евъ.

~~~~~

ГЕРОЙ.

Элегія.

Простите, радости приманчивой любви!
 Что сердцу въ васъ, минушныя забавы?
 Для васъ ли погасишь огонь въ моей крови
 И въ цвѣтѣ лѣшъ навѣкъ опжишь для
 славы?

Упѣхи рѣзвья, безпечности удѣлъ
 И дремлющей души одно желанье,
 Гдѣ, цѣпью нѣжною окованный, я млѣлъ,
 Вкушая будто сна очарованье,
 Разсыпшесь, легкіе призраки предо мной!
 Я слышу зовъ на поле шумной брани!
 Какъ весело лепѣшь, съ кипящею душой,
 Схвативши мечъ въ неперифливы длани,
 Туда, гдѣ храбрыхъ сонмъ на сѣчу, какъ на
 пирь,
 Прошивъ враговъ съ улыбкой выступаешь,
 Гдѣ, въ пламенномъ бою, забывши цѣлой
 мірь,

Душа одной погибелью пылаеть!
 Веди меня съ собой, могущій брани богъ,
 На берега шумящаго Дуная,
 Или за быспрый Рейнь, подь знамена
 орловъ!

Тамъ, варваровъ мечемъ своимъ карая,
 Изъ строю браннаго, во слѣдъ твоимъ сы-
 намъ,

Я полечу въ огонь кровавой сѣчи;
 Иль, сумракомъ одѣшь, невидимъ, по шап-
 рамъ

Пойду искашь въ ноци враждебной встрѣчи.
 Погибну, иль опяшь подь кровь свой воз-
 вращусь —

Все въ лавровомъ вѣнцѣ чело сіяеть,
 И смерти опъ меча я ранней не спашусь:
 Она меня въ храмъ Славы провождаетъ.
 Надъ прахомъ падшаго за родину свою,
 Надъ урною моею уединенной,
 Сынъ брани позднихъ лѣшь, воспитанный
 въ бою,

Придешъ мечшашъ о славъ неизмѣнной;
 Бышь можешъ, упоенъ безсмертія мечшой
 И пламенемъ души своей сгарая,
 Онъ будетъ омывашъ горячею слезой
 Холодный прахъ, мою шѣнь призывая.
 Когдажь, невидимой хранимъ рукой боговъ,
 Подъ лаврами, счастливымъ побѣдишель,
 Разсынавъ полчища смунившихся враговъ,
 Я возвращусь опяшь въ свою обитель

И въ храмъ Януса, согражданъ предъ ли-
 цемъ,
 Дверь зашворю властительной рукою;
 Когда добычи всѣ и съ лавровымъ вѣнцемъ,
 Эрминія, повергну предъ тобою:
 О, сколько благъ въ одинъ счастливый эпошь
 мигъ

Смятенная душа моя узнаешь...
 Съ любовью прежнюю, въ объятіяхъ твоихъ
 Вѣнчанное чело герой скрываетъ!

Илетневъ.

~~~~~

КЪ ЮЛІИ.

Напрасно въ тишинѣ спараюсь
 Младое сердце побѣдить:
 Твой голосъ слышу...забываюсь,
 И начинаю вновь любить:
 О другъ прелестный! въ упоеньѣ,
 Вззираю на себя, горю, едва дышу,
 И небесамъ благодаренье
 За милый видъ твой приношу.
 Невинность тихая, стыдливость,
 И сердце крошкое съ волшебною красой,
 И оспраго ума игривость,
 Все, все дано тебѣ, чтобы плѣнять собой....
 Но ты не чувствуешь любви очарованья!
 И, красотою къ себѣ маня,
 Ты пламенной любви признанья

Не хочешь слышать отъ меня.
 О Юлія! спрашисъ свободы,
 Она обманчива, а для сердець любовь
 То, что Аврора для цвѣтовъ,
 И Май, для дремлющей природы.
 Парижъ, 12 Ноября 1819. В. Туланскій.

~~~~~

ШУТКА.

(Подражаніе Беранжеру.)

Послушай, Ниса, удаляйся
 Отъ Пастушка!
 Намедни онъ къ тебѣ подкрался
 Въ тѣни лѣска.
 Ликастъ и вѣпрень и невѣрень,
 Коварно льспя,
 И говорятъ, что онъ намѣрень
 Любитъ — шупя.

*

„Ликастъ такъ весель! такъ забавень!
 И даже миль!
 Но правда ль то, чтобъ онъ опасень
 Пастушкѣ былъ?
 Когда мнѣ молвишь онъ, рѣзвяся:
 Люблю тебя! —
 И я: люблю! въ ошвѣшь, смѣйся,
 Скажу шупя.“

*

„Ликаста слушать мнѣ пріятно
 Какъ онъ поетъ!
 Но оиъ чего, мнѣ не понятно,
 Бѣда придетъ?
 Я слушала, одной улыбкой
 Ему плаша:
 Подарокъ право не великой,
 И то—шуша.“

*

„Любуюсь я, какъ онъ свиваетъ
 Цвѣты въ букетъ:
 И вѣтку къ вѣткѣ подбираетъ,
 И цвѣтъ подъ цвѣтъ.
 Онъ такъ искусно, такъ прелестно
 Ихъ размѣстятъ,
 Ко мнѣ приколетъ непримѣтно
 Цвѣты, шуша.“

*

„Вошъ онъ!...Какъ сердце спало бишься!
 Ахъ! я боюсь.
 Казалось мнѣ, чего спрашишься?
 Но признаюсь...
 Что дѣлашь, я сама не знаю,
 И какъ дыша,
 Я чувствъ своихъ не понимаю,
 Хошъ все шуша!“ —

*

Ликастъ бѣжитъ къ ней, увѣряетъ

Въ любви своей,
 Въ нежнѣйшихъ клятвахъ общается
 Быть вѣрнымъ ей...
 И Ниса уступить рѣшилась,
 Любви не мстя;
 Ликастъ былъ смѣлъ, она сердилась—
 Но все шузя!

Б. Федоровъ.

~~~~~

ОМОНИМЪ.

Я частью Азіи обширной управляю
 И каждый подданный трепещетъ предо мной.
 Я украшеніе военныхъ составляю.
 И дѣвушки, плѣнясь моею красою,
 Нерѣдко правила разсудка забываютъ:
 Достоинствомъ, уму меня предпочитаютъ.

П. Теряевъ.

~~~~~

ШАРАДЫ.

1.

По *перволу* всякъ ходишь;
 Второе же шруды приводишь;
 А лѣшнею порой
 Во время *цѣлаго* великой зной.

И. П.

2.

Тогда лишь первое мое употребляюшь,
 Коль взять что предлагаюшь;
 Второе множится, расщепъ;
 А цѣлое хощь мрещь, однако все живещь.
 А. Э.

3.

Слогъ первый соспойшь изъ буквы полько
 гласной;
 Второй же изъ согласной:
 Отъ первой въ азбукъ она не далека,
 А цѣлое рѣка.

4.

Два слога первые-расщѣнье.
 Хощь горько мочи нѣшь оно,
 Но многіе у насъ кладушь его въ вино.
 Послѣдній слогъ—мѣспоименье;
 А въ цѣломъ упоушь ничушь не мудрено.
 И.

~~~~~

Изъ помѣщенныхъ въ N° XXII Шарадъ
 первая значить: *Сто-рожъ*, вторая *Градъ*
цъ, третья *Кол-пасъ* и четвертая *Аз-бука*.

Омонимъ, напечатанный въ той же
 книжкѣ, значить: *Коса* (орудіе, волосы и
 мысь).

~~~~~


~~~~~  
 П Р О З А .  
 ~~~~~

СКАНДИНАВСКАЯ МИФЛОГІЯ *).

La Mythologie est la sagesse de l'Antiquité.

Vacon.

Обращая взоръ на Мифологию древнихъ народовъ, должно по справедливости отдатьъ преимущество ученію Индѣйцевъ, которое подходитъ ближе къ общимъ нравственнымъ понятіямъ. Ученіе сіе, имѣя въ виду содѣлать человека крошккимъ, въ мирныхъ своихъ законахъ предписывало щадить бышіе живописныхъ и нарушителей сего постановленія почитало достойными наказанія. Мечташели Индіи представляли боговъ прелестной сшраны Ганга благими существами, коихъ пребываніе на земли служило къ счастію смертныхъ, а пло-

---

*) Читано въ собраніи С. П. бургскаго Вольнаго Общества любителей Словесности, Наукъ и Художествъ 4 ч. Декабря 1819.

дами попеченія о человѣческомъ родѣ было насажденіе наукъ и полезныхъ искусствъ.

Разкрывая Скандинавскую Мифологию, видимъ мы другія карпины: упоменный кровавою кистію взоръ, провожаешь съ негодованіемъ мстительныхъ боговъ Сѣвера, окруженныхъ шѣнями несчастныхъ жершевъ. Сіи боги пребу ютъ только одной храброспи. Она преграждала путь ко всѣмъ другимъ достоинствамъ. Скандинавы не знали мирныхъ добродѣтелей, копорья чувствительному сердцу представляющъ свѣтъ очаровательнымъ, даже въ самомъ бѣдствіи. Неукротимое мужество, непри миримое мщеніе замѣняло имъ всѣ дары истиннаго счастья, процвѣтающаго только въ образованномъ сослояннн чело вѣческа. Религія Сѣвера шворила однихъ геросвъ, не занимаясь людьми.

Дикій народъ, копорый не зналъ ничего кромѣ ея преданій, жилъ въ холодныхъ и пуспынныхъ спранахъ среди дремучихъ лѣсовъ. Сражаясь то съ природою, то съ народами сосѣдственными, спремился онъ на поле брани, или

на морскіе разбои, какъ на пиршество для него приготовленное. Легкія суда его обтекали Балпійское море. Онъ нападалъ на открытыя предъ нимъ цвѣтушіе берега Франціи; съ мечемъ въ рукахъ проходилъ всю Британію, разорялъ Андалузю, Италію; утвердился въ Ирландіи и построилъ шамъ города, до сихъ поръ еще существующіе. Сейшо народъ, съ единоплеменными ему Германцами, явился у предѣловъ Римской Имперіи. Подобно грозной, испребляющей бурѣ, сокрушилъ онъ всѣ драгоценныя памятники наукъ и искусствъ. Положивъ конецъ всемірной Монархіи, Скандинавы на развалинахъ оной основали новыя царства и дали Государей почти всей Европѣ. Смерть или вѣчныя цѣпи ожидали побѣжденныхъ ими, и позднее попомство видѣло еще кровавые слѣды сыновъ Одена; разрушенныя грады, пылающія села, разбросанныя коспи убитыхъ указывали пущнику, что нѣкогда Норманы проходили мѣста сіи, нынѣ пустынные и мрачныя.

Гдѣ на храбрости основана была безопасность народа, гдѣ обоготворяли

мужество, тамъ другія добродѣтели мало находили признапельности. Одна только честь почиалась послѣ храбрости необходимою для челоуѣка. Вѣра предписала, а, обычай ушвердилъ за оскорбленіе чести мспить мечемъ, и поединокъ былъ лешень неуспрашимоу воину, прибавляя новый вѣнецъ къ его слауѣ. Сей вредный и свойспвенный только необразованнымъ народамъ обычай, съ распространеніемъ просуѣщенія, подвергся презрѣнію и наказанію.

Сѣверные народы поработили своихъ богоуѣ спѣмъ же законамъ, копорымъ сами были подчинены. Имъ придавали всѣ спраспи челоуѣка и даже не почиали ихъ безсмертными. По преданію *Едды* *), по прошесшвіи нѣсколькихъ вѣковъ наспанушъ *сумерки богоуѣ* и тогда всѣ погубнушъ, кромѣ всеуѣчнаго *Алфатера*. Боги Скандинавіи окру-

---

*) Книга *Едды* содержишъ всю Миеологію Скандинауовъ. Она писана на Исландскомъ языкѣ, спуспя нѣсколько времени по унишоженіи шамъ идолопоклоншва въ XII сполѣшии.

жены были тѣми же предметами, которые встрѣчаютъ обитателей сего міра. Небо наполнено прекрасными городами, охраняемыми небеснымъ войскомъ. Жизнь боговъ проходитъ въ довольствѣ и веселостяхъ: пиво, медъ и вкусная пища улаждають ихъ чувства; каждый имѣлъ свои черпоги, жену и быспраго коня, на копоромъ ѣздилъ въ Совѣтъ боговъ судить дѣла смертныхъ. Человѣкъ, даже и въ дикомъ состояніи, воображаетъ, что Всевышнее Существо приготовило два міра: въ одномъ много пріятнаго, но зло въ немъ имѣетъ перевѣсъ; въ другомъ царствуетъ изобиліе и праздность. Герои Скандинавскіе надѣялись по смерти быть принятыми въ *Валгаллъ*, въ черпогахъ *Одена*, гдѣ каждый день будутъ они вооружаться, рубить въ куски другъ друга, и когда наступитъ часъ къ обѣду, летѣть на быспрыхъ коняхъ, цѣлы и здоровы, пировать за столомъ *Одена*. Каждое утро варятъ мясо кабана *Серилнера*, но къ вечеру онъ снова спановишся цѣлымъ. Жиромъ его, по выраженію *Едды*, *превосходнѣйшимъ* яствомъ, питаются герои; меж-

ду шѣмъ прелестныя дѣвы наливающъ имъ пиво и медъ въ черепы убитыхъ непріятелей. Вошь рай сѣвернаго жилища; онъ опличается опъ земли только присущивіемъ боговъ и распояніемъ. Пить, ѣсть, сражаться, объѣзжать быстрыхъ коней было по блаженству, которое для храбраго служило предѣломъ всѣхъ его желаній.

Съ мечшами воинственнаго народа неразлучна была Поэзія. Предъ началомъ сраженія гремѣлъ гласъ Скальдовъ, ободряя сердца робкихъ и призывая храбрыхъ къ побѣдѣ. Скальды присущивовали въ самыхъ опчаянныхъ битвахъ, наблюдали за каждымъ движеніемъ и прославляли того, кто безпрепенно впоргался въ шолпы непріятельскія и разсѣвалъ ихъ, а по окончаніи сраженія, съ унылыми пѣснями, провожали въ *Валгаллу* шѣни падшихъ героевъ. Поэзія была на войнѣ молишвою, и воинъ, избѣгая ужасовъ смерти, не имѣлъ бы надежды, что Скальды передадутъ его имя пошомству: тогда никто не оросилъ бы его могилы, никто не насыпалъ бы надъ нею высокаго холма, никто не прихо-

диль бы просишь боговъ надъ его прахомъ, вдохнуть въ юное сердце мужество давно почившаго въ сырой землѣ. Ишакъ спихопворство, послѣ звука оружія, было сладостнымъ упѣшеніемъ дикому воину: оно сохраняло имена любезныхъ его сердцу и успрямляло духъ его къ побѣдѣ, повѣспвуя какимъ путемъ шель Фингаль къ безсмертію *).

Скальдами назывались спихопворцы въ Скандинавіи, по есть: въ Даніи, Норвегіи, Швеціи и попомъ въ Исландіи. Начало ихъ сливается съ началомъ ученія Оденова. Они не соспавляли особеннаго класса людей; но къ сему числу принадлежалъ всякой, чье сердце воспаменяетъ *Браге* (богъ Поэзіи). Цари на своихъ престолахъ и паспухи въ хижинахъ брали арфу, когда *Скальвинель*, по

---

*) Фингаль родился въ самой день смерти отца своего. Возмужавъ, возвратилъ онъ оружіемъ опнятое у него наслѣдственное царство. Бардъ Оссіанъ, сынъ Фингала, слѣдовалъ за своимъ родителемъ во всѣхъ походахъ. Ирландія была для нихъ полемъ славныхъ подвиговъ.

еешь, піишическій духъ, париль надъ ними. Какъ въ самыхъ опдаленныхъ вѣкахъ, шакъ и въ позднѣйшихъ, всегда были Тиршеи на войнѣ. До сихъ поръ сохранились ихъ пѣсни, копорыя, предъ начашіемъ бипвъ, воспаменяли рапниковъ. Содержаніе ихъ: война, опважные подвиги, преданія Религіи; но и сладостное чувспво любви не было имъ неизвѣспно. Цари и полководцы дружельюбно призывали Скальдовъ къ своимъ дворамъ, для прославленія ихъ дѣлъ и знаменишаго рода *). Мало по малу вошло въ обыкновеніе у Государей, что толпа Скальдовъ соспавляла пышность и блескъ ихъ двора **). Языкъ Скальдовъ

---

*) Скальды занимали вездѣ первыя мѣста и за каждую пѣснь получали награду: золотыя кольца, оружіе, драгоцѣнныя плашья. Имъ прощали преступленія съ условіемъ, чшобъ они просили помилованія въ спихахъ, и Скальдъ *Бгиллб* избавился спихами опъ казни за смершоубійство.

***) Сіи придворные спихотворцы въ XIII столѣтіи были многочисленнѣе. Между новѣйшими Скальдами Исландскіе наиболѣе

имѣлъ много, особеннаго, пошому болѣе, что они давали предметамъ названія, заимствованныя изъ ихъ Мифологіи. Воображеніе ихъ наполнено было чудесными мечпаніями: исполинами и духами, *Оденонъ* и *Локе*. Они называли небо *серепонъ* *Исполина Имера*, рѣки кровію долинъ, радугу *мостонъ боговъ*, путемъ неба, золошо слезами *Фреи*, спихопворспво *Оденовынъ питіемъ*, землю *основаніемъ воздуха*, сраженіе кровавою банею, море *полемъ разбойниковъ*, корабль *конемъ волнъ*, ночь *покровонъ разговоровъ* и *заботъ*, послѣдній день міра *сумерками боговъ*.

Спихопворенія долгое время соспавляли всю Историю Скандинавіи. Опъ Одена до перваго Исландскаго Испорика прошекло одиннадцать сполѣшій *).

прославились. Скальды были на Сѣверѣ тоже, что Барды въ Галліи, Британіи, Шотландіи и Ирландіи.

*) Исландія въ среднихъ вѣкахъ была колыбелью наукъ и просвѣщенія. Когда Европа представляла одни разрушенные города, пустыни и общее невѣжество, Исландія наслаждалась въ то время спокойствіемъ и

Вѣра Скандинавовъ передавалась полько въ повѣствованіяхъ и стихопвореніяхъ. Употребленіе буквъ было весьма ограничено и стихопворецъ, какъ говоришь Маллешъ, былъ необходимый чловѣкъ въ государствѣ.

Упаль браннолюбивый духъ народа, поухли сшраспи безпрешанно возгравшіяся, когда разрушилось мрачное вѣропоклоненіе Скандинавовъ. Хриспіанская Религія, Религія любви и мира, низринувъ ужасныя капища Скандинавскихъ боговъ, умягчила мало помалу нравы, распроспранила вмѣстѣ съ Евангеліемъ просвѣщеніе и кропкія добродѣшли; но не могла исшребить вовсе шѣхъ понятій, копорыя распроспранясь въ земляхъ, гдѣ проходили или го-

---

свободою; земледѣліе, науки и шорговля процвѣшали на сѣмь опдаленномъ опшвсюду опшровѣ. Въ 1263 году призналъ онъ надъ собою власть Норвегіи. Съ шѣхъ поръ, послѣ опустошеній опъ междуусобной войны, Исландія время опъ времени шеряла свое могущесшво; шеперь не опшалось никакихъ слѣдовъ прежней ея славы и просвѣщенія.

сподспвовали Германцы, оппечашлѣлись глубоко въ нравахъ и обыкнове- нїяхъ шамошнихъ жипелей. Опсюда-по произошло почшеніе къ женщинамъ. Ди- кая религія Скандинавіи дала имъ но- выя права и ввела ихъ шуда, куда преж- де просвѣщеніе заграждало имъ пущь. Раздѣляя наравнѣ съ мужчинами шруды, опасносць и смершь, Скандинавскія женщины и дѣвицы сражались въ рядахъ опышныхъ воиновъ, подлѣ своихъ му- жей и жениховъ, и часпо испоргали у неприяшелей побѣду, или ушпилали шру- пами своими поле брани. Когда гроза подымалась надъ мрачнымъ небомъ Гер- мании и лѣса ея наполнялись побѣдоно- сными легіонами Римлянъ: тогда Гер- манцы совѣщались съ женщинами о важ- нѣйшихъ военныхъ дѣлахъ. Они мечшали видѣшь въ нихъ какое-то божеспво и, по свидѣшельспву Тацитпа, приписыва- ли имъ даръ пророчества. Почшеніе къ женщинамъ вмѣспѣ съ оружіемъ пере- несено было въ югозападныя страны Европы, которыя принявъ законы по- бѣдипелей, приняли и новое божеспво для поклоненія. Уваженіе къ прекрасно-

мѹ полу, слившись съ благочестіемъ Христіанства, изъ дикихъ сыновъ Сѣвера образовало Рыцарей. Тогда лишь шопь былъ достоинъ зависпн, кшо оставался побѣднпелемъ на поединкѣ, кого нѣжно любила спыдливая красавица. Любовь Рыцарей не была алчноспью къ наслажденію, но нѣчто небесное, которое занимало ихъ болѣ мечшми, неизьяснимыми для разума и усладнпельными для сердца. Паденіе рыцарства не было паденіемъ женщины. Уже по прошествіи нѣсколькихъ столѣтій перемѣна нравовъ, всегда производившая переворотъ мыслей, опняла у нихъ нѣкопорыя преимущества.

Сѣверная Мнѳологія шакже была основаніемъ шого предпочшенія, которое оказывали военному сосшоюнію предъ гражданскимъ. Одно шолько званіе воина почишалось у Скандинавовъ приличнымъ благородному человѣку. Сшрасшь къ войнѣ скоро сдѣлала рапниковъ изъ мирныхъ гражданъ и преобразила въ военные спаны цѣлыя государствн.

Тщешно въ Скандинавской Мнѳологіи будемъ искашь прелесшныхъ вымы-

словъ богатаго и роскошнаго воображенія Грековъ: здѣсь нѣшь очаровашельныхъ Грацій; нѣшь Елисейскихъ полей, гдѣ въ сладкой беспечности человѣкъ и по смерти наслаждался всѣми удовольствіями жизни; нѣшь той образованности, кою опличались Греки и боги ихъ. Однако же и Мифологія Скандинавовъ заключаетъ въ себѣ много чудснаго, замысловашаго и опкрываетъ новыя понятія о томъ мірѣ, копорый въ разныхъ видахъ представляется мечтающему человѣку. Изобрѣшашельный умъ выдумалъ сполько боговъ для сѣвернаго жишеля, сколько по его понятіямъ доспашочно было для населенія всего видимаго и для всѣхъ его нуждъ. Куда ни обрапился бы человѣкъ, вездѣ найдетъ боговъ своихъ защишниковъ. Пускаешся ли онъ въ море, *Егеръ* защищаетъ его, *Фрей* посылаетъ ему ясную погоду, *Ніордъ* попушный вѣшеръ. Когда же посшигнешъ его кораблекрушеніе, то съ посшынностію приплывающъ къ нему съ бѣлыми покрывалами *дѣвы валовъ*, берутъ полумершваго героя въ свои объашія и переносятъ его на лоно

своей матери *Раны*. Совершаетъ ли онъ путешествіе по землѣ, услужливые *карлики* приглашаютъ его въ свои каменные жилища; на горахъ и въ лѣсахъ *горныя богини* и *лѣсныя дѣвы* угощаютъ его. *Уллеръ* его защитникъ при опмщеніи за оскорбленную честь, а *Тиръ* укрѣпляетъ его силы. Хочетъ ли онъ спуститься въ нѣдра земли, опытные *карлики* и тамъ служатъ ему пушеводителями. Забьется ли сердце его при видѣ прелестной дѣвы, объятое спрашенію его воображеніе предсказываетъ ея столь же любезною какъ *Фрея*, дружественною подобно *Лунѣ*; распущенныя по плечамъ ея кудри сравнитъ съ волосами *Филлы*, обрисуетъ ея станъ и прелести, и она уже споритъ съ красотою *Валкирии*, съ прелестями *Носсы*. *Сена* вдохнетъ въ него божественную любовь и воспламенитъ первую искру въ сердцѣ невинной дѣвы, *Фрея* защититъ ихъ, *Вара* услышитъ ихъ клятвы, *Лебна* исподлетъ имъ блаженство и усладитъ брачную ихъ жизнь. Хочетъ ли онъ постигнуть судьбу свою — *исполитны*, *Ивиды*, *Норны* готовы къ его услу-

гамъ и всѣ храмы боговъ ему опроверзшы. Хочешь ли одержать побѣду—спойшь только призывай *Одена*. *Оденъ* самъ явился къ нему, на быспромъ конѣ и склонилъ побѣду на его сторону. Когда же благопріятствующіе боги пошлютъ ему славную смерть; когда, сражаясь, падешь онъ на полѣ битвы: по *Валкири*, всюду стремясь на коняхъ, берешь сердце убитаго воина, и разсѣкая воздухъ, лешаешь съ нимъ въ *Валгаллу*. Нужно ли несчастному успѣшеніе? *Фригга* любитъ людей, она пошлетъ свою *Луну*, копорая будетъ его Меншпоромъ, и если злобный *Локе* разлучилъ двухъ друзей и адскія дѣвы возбуждаютъ мрачную ненависть, по кропкѣй *Форсете* снова примиришь ихъ, *Торъ* опмститъ за всякую несправедливость и вѣчно бдитъ всевидящее око *Алфатера*. Но къ вамъ, стихотворцы, вѣщали славныхъ подвиговъ: *Орранъ*, *Уллинъ* и *Оссіанъ* *)! къ вамъ наиболее благо-

---

*) У горныхъ Шотландскихъ жителей, въ шакъ называемой Каледоніи, процвѣтали

склонны были сѣверные боги: *Сига* рассказывала минувшее, *Оденъ* удѣлялъ свою премудрость, *Браге* наспроивалъ спруны, *Идунна* приносила въ даръ чашу безсмертія. Тѣни храбрыхъ, носясь по безпредѣльной, воздушной обласпи, спускались въ уединенную, снѣгомъ покрывшую вашу хижину, внимашъ повѣспваніямъ древности и въ черпогахъ боговъ бесѣдовашъ о воспѣваемыхъ вами подвигахъ.

Боги Скандинавовъ, какъ и у всѣхъ язычниковъ, раздѣлялись на высшихъ и нижнихъ. Во всѣхъ Мифологіяхъ находимъ нѣкошорое темное поняшіе о невидимомъ Высочайшемъ существѣ; но всего болѣе въ Скандинавской. Самый могущеспвенный изъ боговъ ея, *Алфатеръ* почишался опцемъ всего, вѣчнымъ владыкою неба и земли, создашелемъ и хранишелемъ міра. Онъ одинъ родился прежде всѣхъ вѣковъ и не имѣешъ конца.

около III, IV и V столѣтія при превосходные Барда: Орранъ, Уллинъ и Оссіанъ. Высокія ихъ стихопворенія сохранились до позднѣйшаго попомсшва.

Въ началѣ мірозданія, по мнѣнію Скандинавовъ, не было ничего, кромѣ шпонкой массы, пропасти безъ границъ, *Гиннунгагенъ*, въ копорой прежде всѣхъ вѣковъ возросъ дубъ *Гидрафилъ*, подъ корнями коего сокрывалось *прошедшее, настоящее и будущее*. Могущество *Алфатера* опредѣлило въ *Гиннунгагенѣ* огненные и холодныя части. Изъ оныхъ образовались два міра: *Муспельгеймъ*, отъ котораго пылаеть огонь и *Нифельгеймъ*, откуда дуешь холодный, ледовитый вѣтеръ. Огонь превратилъ замерзлыя пары въ капли, изъ которыхъ родился исполинъ *Имеръ* и исполины льда, копорые вскорѣ убили *Имера*, и ввергнувъ шѣло его въ безмѣрную пропасть, образовали изъ него землю. Кровь *Имера* обратилась въ моря и рѣки, горы возспали изъ костей его, а камни изъ зубовъ. Изъ черепа обдѣланъ сводъ неба, копорый поддерживаютъ чешыре *карлика*, называемые *Полдень, Сѣверъ, Востокъ и Западъ*. Вкругъ шѣла его *исполины* посшавили свѣшильники, и нашедъ два плавающихъ куска дерева, сдѣлали изъ нихъ мужчину и женщину, кошо-

рыхъ попомство населило землю. Опѣ *Нифельгейма* произошелъ черный владыка *Суртуръ*. Онъ, по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ, бросишь огонь на мѣръ и сожжешъ небо и землю со всѣми людьми и богами. Прежде, нежели наступишь сіе время, будишь между людьми кровавыя войны и наступяшь при ужасныхъ зимы одна за другою; попомъ *Суртуръ*, блистая мечемъ, ополчишь прошивъ боговъ со всею *Муспельгеймольдъ*; волкъ *Фенридъ*, коего разверзшия челюсти касаются ада и небесъ, разорвешъ свои цѣпи; великій змѣй *Мидгардъ* поползешъ изъ Океана, копорый хлынешъ на землю; *Гела* выдеши изъ своего подземнаго царства; *Локе* съ *огненными духами* возстанешъ на боговъ. Въ сіе время священный дубъ *Гидрафилъ* поколеблешся, *терный пѣтелъ* въ безднахъ *Смерти* запоешь плачевную пѣснь и труба *Геймдалла* разбудишь боговъ. Тщешно *Оденъ* облакаешся въ броню и со всѣми богами идеши прошивъ *Суртура*; щешно, подкрѣпляемые войскомъ героевъ *Валгаллы*, *Торъ*, *Видаръ*, *Тиръ* и *Елфы* сражающся съ *Локе*, съ чудовища-

ми, исполиномъ *Илмеромбъ*, огненными духами и исполинами льда. Разъяренный волкъ бросится на *Одена* и его пожреть; *Торбъ* убьетъ *Мидгарда*, но падеть, удушенный ядомъ сего змѣя; наконецъ всесожигающій испребипель *Суртурбъ* довершитъ общую гибель и міръ исчезнетъ въ пламени. Изъ всѣхъ боговъ останется одинъ *Бардербъ* съ братомъ своимъ, то есть, одно добро воцарится въ другомъ лучшемъ мірѣ. Послѣ сихъ великихъ чудесъ, все приметъ прелестный видъ и возникнутъ многія пріятныя жилища, но самое лучшее изъ нихъ будетъ *Имиле* (небо). Изъ моря образуется юная, прекрасная земля, на которой плоды сами собою произрастутъ и никогда бѣдствіе не войдетъ на нее. Другіе люди заселятъ мѣсто прежнихъ и новая вселенная управляема будетъ однимъ *Алфатеромбъ*.

Послѣ *Алфатера* первое мѣсто занимаютъ *Оденбъ*, *Торбъ* и *Фригга*. Они имѣли славныя капища въ *Упсаль*, гдѣ пославлены были ихъ испуканы во весь ростъ .

Оденбъ, символъ солнца, вождь боговъ

и предсѣдѣющій въ Совѣтѣ *Асовѣ*. Ему дано сто двадцать шесть именъ, копоры опчаспи означаютъ его божественныя дѣянїя, опчаспи баснословныя подвиги и спранспивованїя. Его называли *отцелиѣ вѣковѣ*, *отцелиѣ стиховѣ*, *вихремѣ*, *стрѣлометателемѣ* и проч. Премудрость, богатство, неустрашимость, побѣда и слава суть тѣ дары, копорыми награждаетъ онъ смертныхъ. Онъ почитался божествомъ сраженїй и *пре-свѣтлая Валгалла* есть то мѣсто, гдѣ онъ обитаетъ съ храбрыми воинами. *Фригга* и *Фрея* любимыя изъ его женъ. *Слейпнерѣ*, конь его, превосходнѣйшїй изъ всѣхъ, какихъ имѣютъ боги и люди. На пиршествахъ съ богами *Оденѣ* ничего не вкушаетъ, но только пьетъ вино, а свою долю кормитъ двухъ волковъ. Въ сіе время два ворона: *Гугинѣ* и *Муннинѣ* (Разумъ и Память) сидятъ на плечахъ его. Они оппекаютъ каждый день вселенную и возвращаясь къ нему, пересказываютъ на ухо все, что видѣли и слышали новаго. По сему - то придано *Одену* наименованїе бога вороновѣ. Небесный его городъ построенъ изъ чи-

сшаго серебра и въ споловой его считалось двѣнадцать золошыхъ пресполовъ *). По описанію и понятію Скандинавовъ, *Оденъ* былъ грозный богъ, котораго удовольствіе состояло въ убійствѣ, а олшари обогрѣлись человѣческою кровію.

Вошь, что Исторія говоритъ о немъ: честолобивый *Фриггъ*, сынъ *Фридульфъ*, предводительствуя *Асали*, народомъ Скиѣскимъ, убѣжденъ былъ опважнымъ Мипридашомъ напасть на Римлянъ. Онъ оставилъ свое опечество, лежащее между Чернымъ и Каспійскимъ

---

*) Замѣшимъ здѣсь, что Скандинавы были весьма пристрастны къ золоту: ихъ богиня любви льетъ *золотыя* слезы, приврашникъ боговъ, украшенъ *золотыми* зубами, конь *Одена* съ *золотою* шерстью, райской пѣшухъ съ *золотымъ* гребнемъ, вепрь съ *золотою* щетиною, мостъ смерти покрытъ *золотомъ*. Впрочемъ не смотря на жадность свою къ золоту, они не смѣли брать его изъ храмовъ, обогащенныхъ драгоценными дарами, ни вынимають изъ *священныхъ* прудовъ, куда они бросали свои лучшія корыспи, по свидѣтельству Тита-Ливія:

морями, и опъ древняго *Асгарда* *), опъ странъ, гдѣ нынѣ *Аспраханъ*, пошель соединись съ Царемъ Поншійскимъ; но узнавъ на пуши о его смерти, оспановляешся въ смущеніи и не рѣшаясь напасъ съ однѣми своими силами на могущественный Римъ, спремишся къ другимъ подвигамъ. Опважнось и даръ краснорѣчія *Фригга* преклонили его сподвижниковъ оспавишь свое ошечество, упѣсняемое Римлянами, и слѣдовашь за нимъ. Чрезъ пущыни Сармаціи, нынѣшней Россіи и Польши, онъ достигаешъ опдаленнѣйшихъ сѣверныхъ странъ, покаряешъ на пуши многіе народы, непокорныхъ испребляешъ мечемъ. Избравъ мѣспопребываніемъ Скандинавію, *Фриггъ* воздвигаетъ на пріянномъ оспровѣ *Фіоніи* городъ *Оденъ-зее* и распроспранивъ среди дикихъ обитателей ея вѣру своихъ праощевъ, принимаетъ имя *Одена*,

---

*) Такъ называется градъ сооруженный богами въ срединѣ міра, для защиты опъ нападенія исполиновъ. Эшо Олимпъ Скандинавовъ.

верховнаго божества *Цельтовъ*. Скоро имя сіе слилось съ именемъ бога и жертвы воскурились предъ героемъ.

До пришествія его въ сей странѣ обитали *Килверы*, народъ дикій и свирѣпый. Укрываясь днемъ отъ ненавистныхъ пришельцевъ, они выходили ночью изъ темныхъ своихъ пещеръ искать пищи, подобно хищнымъ звѣрямъ нападали на добычу и распроспраняли повсюду ужасъ. Преданіе увеличило ихъ свирѣпство и предсавило исполинами. Вѣра *Килвровъ* запрещала изображать боговъ въ человѣческомъ видѣ и заключать ихъ въ ограду. Божеству поклонялись только въ лѣсахъ и пущыняхъ, гдѣ въ священной тишинѣ, казалось, они присуществовали, и мрачное уединеніе исполняло чувства благоговѣніемъ. *Оденъ* ввелъ вѣру воинственную, новые обряды, новые законы. Измѣнилось ученіе *Килвровъ* и настали кровавыя жертвоприношенія. Сначала закалали живошныхъ *); но вскорѣ ослѣпленному суевѣ-

---

*) *Одену* приносили въ жертву соколовъ, собакъ, коней и пѣшуховъ; *Фриггъ* борова, а *Торъ* пучныхъ быковъ.

рiю показалось, что сiя жершва мало-важна для умилоспивленiя боговъ: кровь людей почтена для сего приличнѣйшею. Такое лютое обыкновенiе совершалось въ Упсалѣ чрезъ каждыя девять лѣтъ. Въ честь боговъ убивали Королей и *Верменландскiй* былъ сожженъ во славу *Одена*. *Гакинъ*, Король Норвежскiй, принесъ ему въ жершву своихъ дѣшей, и нашлось чудовище, копорое умершвило девять сыновъ своихъ при жершвенникѣ *Одена*, испрашивая себѣ продолжительной жизни. Это былъ *Авнъ*, недосшойный Король Шведскiй *). Во храмѣ *Одена* горѣлъ священный огонь днемъ и ночью **), а жершвы закалаемы

---

*) Приношенiе въ жершву людей было въ обыкновенiи у многихъ народовъ. Финикiяне, жипели Тира и Карфагена, Бришанцы, Галлы, жипели Мексики также закалали на жершву людей.

***) Огонь въ древнiя времена былъ предметомъ поклоненiя. Лидяне и Персы почипали огонь за Бога, или символомъ божества, также какъ Славяне подъ именемъ *Знита*. Неугасаемый огонь горѣлъ во храмѣ Аполло-

были въ священномъ лѣсу. Кровожадные *Друиды* *) наконецъ такъ привыкли къ симъ ужаснымъ обрядамъ, что присвоили себѣ право связывать, бить и казнить каждаго пресупника.

на въ Афинахъ и въ Дельфахъ, въ Римѣ въ храмѣ Весты и предъ жертвенникомъ Солнца въ Перу.

*) *Друиды* были жрецы сѣверныхъ племенъ. Происхожденіе ихъ покрыто неизвѣстностію. Они находились подъ начальствомъ одного первосвященника, имѣли свои законы, права и жили между собою въ тѣсномъ союзѣ. Власть ихъ была наследственная. Имя *Друидовъ* означало на Германскомъ языкѣ *вѣщіе*. *Друиды*, присутствуя при жертвоприношеніяхъ, старались постигнуть таинства природы и, по мнѣнію народа, были въ сношеніяхъ съ небесными силами. Приговоръ ихъ считался опредѣленіемъ боговъ. Одежда ихъ, отличная отъ народа, состояла изъ большаго *баркана* (верхняго плащя) и *танара*, который простирался до пятъ. Сей послѣдній былъ семи различныхъ цвѣтовъ. *Друиды* носили короткіе волосы, длинную бороду, а въ рукахъ всегда имѣли бѣлую палку или волшебный жезль.

Оденъ установилъ обыкновеніе сожигать пѣла. На костеръ умершаго собирали все, что онъ любилъ въ жизни: оружіе, золото, серебро, коней и его служителей. Случалось, что друзья и подчиненные считали себя обязанностію сопровождать пѣнъего въ *Валгаллу* и бросались на пылающій костеръ. Ничто не казалось славнѣе и великолѣпнѣе, какъ войти въ рай съ дорогимъ оружіемъ и въ великолѣпной одеждѣ, въ сопровожденіи множества коней, рабовъ и друзей. Вступивъ пѣшимъ въ *столовцу* *Одена* на помъ свѣтѣ считалось безславіемъ.

Краснорѣчивый *Оденъ* при жизни своей почитался волшебникомъ, по смерти божествомъ. Въ дѣлахъ важныхъ онъ всегда совѣповался съ мертвою головою нѣкоего *Милера* и такимъ образомъ обольщаль легковѣрный народъ. Изобрѣшеннымъ имъ *Рунигескиль* *буквали* приписывали чудесную силу. Онъ хвалился, что обворожаетъ ими оружіе разрываетъ цѣпи, укрощаетъ бури, вызываетъ мертвыхъ, превращается въ медвѣдя,

льва, питра и склоняешъ красавицъ къ любви *).

Освятивъ свою вѣру блестящими завоеваніями, *Оденъ* удалился въ Швецію и чувствуя приближеніе смерти, созвалъ своихъ друзей и сподвижниковъ. Въ присуствіи всѣхъ ихъ далъ онъ себѣ въ видѣ круга девять ранъ остріемъ копья и умирая объявилъ, что идетъ принять мѣсто съ богами въ вѣчномъ пиршествѣ, гдѣ встрѣшится съ великими почестями всѣхъ шѣхъ, которые неуспрашимо кончаютъ дни свои на сраженіи. Тѣло его сожжено съ великимъ шоржесствомъ въ *Сигтунѣ* (нынѣшнемъ Спокгольмѣ).

---

*) *Руны* древнія Готическія буквы, начертанныя на камняхъ, на зданіяхъ, на языческихъ истуканахъ, на гробницахъ и на другихъ памятникахъ древности. Ихъ встрѣчаютъ наиболѣе въ Упландіи и въ другихъ Шведскихъ провинціяхъ, даже въ Лапландіи, также въ Даніи, Норвегіи, Британіи, Сѣверной Германіи и Испаніи. Руны сіи раздѣлялись на гадательныя, лекарственныя, вспомогательныя отъ яда и ранъ, вредныя и повѣспововательныя.

Послѣднее завѣщаніе *Одена* сдѣлало болѣе, нежели вся жизнь его, и слава умирающаго одушевила цѣлый народъ мужесшвомъ. Король, вступая на престоль, призывалъ *Одена* въ свидѣтели, что сдѣлаешь какой нибудь знаменитый подвигъ, копорый прославишь его и подданныхъ; воинъ, отправляясь на сраженіе, приносилъ обѣщъ послать къ *Одену* нѣсколько душъ. Смерть въ бишвѣ никому не была страшна, ибо думали, что самъ *Оденъ* присушсшвуешь на сраженіи и опредѣляешь кому должно пашъ, называя *Валкириаль* каждого по имени, кого удостоиваешь шоль славной смерти. Рай принадлежалъ шолько шѣмъ, копорые умирали ошъ шрѣль и мечей.

Исторія наполнена примѣрами, что народы изъ Сѣвера стремились на Югъ искашь изобилія и пріятности жизни. *Оденъ*, едва ли не первый, съ цѣлымъ народомъ, изъ шеплыхъ и плодоносныхъ странъ перешель въ хладныя и скудныя. Полагающъ, что онъ желалъ возмушишь всѣ дикіе народы прошивъ ненависшныхъ ему Римлянъ. Злоба сія,

шайвшаяся долгое время въ сердцахъ, переходя опъ опца къ сыну, опъ поколѣнїя къ поколѣнїю, опъ народа къ народу, наконецъ обрушилась на Римскую Имперїю и колѣссь сей распался на части.

Едда сохранила намъ нѣсколько нравственныхъ правилъ, ему приписываемыхъ и называемыхъ *высокимъ словомъ Одена*. (*Гавалаалъ*). Приведемъ здѣсь нѣкопорыя изъ оныхъ.

„Человѣкъ, лишенный разсудка, думаешь, что избѣгая войны, всегда будешь живъ; но когда пощадишь его копье, то побѣдишь его сшаросшь.“

„Не благопрїятствуй другу своихъ непрїятелей.“

„Всшавай рано, если хочешь обогатиться, или побѣдишь непрїятеля.“

„Хвали красощу дня, когда онъ окончился—жену, когда ты ее узналъ—мечъ, когда его испышаль — дѣвицу, когда на ней женился—ледь, когда черезъ него перешель.“

„Лучше имѣшь сына поздно, нежели никогда. Рѣдко видимъ надгробные камни, посшавленные на могилахъ руками другихъ, а не дѣшней.“

„Нѣтъ жесточайшей болѣзни, какъ
„быть недовольнымъ своею судьбою.“

„Кто хочеть привлечь къ себѣ лю-
„бовь какой-либо дѣвицы, тому должно
„умѣть пріятно обращаться съ нею и
„хвалить безпрестанно ея красоту.
„Одинъ только умъ составляетъ все
„искусство любовника.“

Торъ, храбрѣйшій изъ сыновъ *Одена* и *Фригги*, почитался, какъ и *Перунъ* у Славянъ, богомъ грома. Спрямленіе быстрой его колесницы производить громъ. Гнѣвъ его неукротимъ, мщеніе вѣчно. Кто прогнѣвитъ боговъ, того раздробляетъ онъ тяжелою своею булавою, и посему ужасенъ исполинамъ, возстающимъ противъ неба. Сражаясь съ ними, облакается онъ волшебнымъ поясомъ, укрѣпляющимъ его силы, надеваетъ желѣзную перчатку, беретъ громовую булаву и сколько разъ ни бросаетъ ее, она сама собою возвращается въ его руки. *Торъ* всегда ѣздитъ въ колесницѣ, запряженной двумя дикими козлами, и только въ совѣтъ боговъ приходитъ пѣшій. Съ нимъ случались многія удивительныя происшествія; и

онъ споль неуспрашимъ, что даже боролся со *Смертію*, которая едва могла преклонить его на одно колѣно.

Фригга, богиня земли, жена *Одена*, мать *Тора*, *Балдера* и всѣхъ *Асовъ*. Всѣ боги съ подобоспрастіемъ исполняются велѣнія. Въ *Совѣтѣ* ихъ возсѣдаетъ она съ *Оденомъ* на одномъ прорѣ, съ котораго обзрѣвають они въ одинъ мигъ неизмѣримое небо и землю, предъ ними простирающуюся. Ей извѣстна судьба всѣхъ людей; но она сохраняетъ ее въ тайнѣ и никому изъ смертныхъ не открываетъ. Ея наперсница *Филла*, вѣстница *Гна*. При жерпвенникахъ *Фригги* служили дочери Королей, и санъ сей споль былъ уважаемъ, что ихъ почитали пророчицами и богинями, а изреченія ихъ принимали за священные.

А—ѵ Р—х—ѵ.

(будетъ продолженіе.)

НЕВИННОСТЬ.

Повѣсть Г. Фіеве.

(Окончаніе.)

И такъ Гжа Дюлоръ шоржеспвуетъ, а Лиза несчастна; никакое утѣшеніе не можешь ее успокоить, распроенное воображеніе предспавляетъ ей непрерывно посрамленіе чести, гнѣвъ дяди, монаспырь и смершь. Однажды, рассказавъ Дюрмону испорію монахини, она была почти испугана его опзывомъ: „такія негодницы, сказалъ онъ, не заслуживають, что бы о нихъ жалѣли.“ Но Лиза не могла безъ глубокой горести вспомнить о сей несчастной и услыша суровый приговоръ дяди, жалѣла о ней еще болѣе, а себя почиала въ тысячу крапъ виновнѣе. Всю ночь провела она въ слезахъ и опчаяніи. На другой день блѣдность лица ея испугала даже Гжу Дюлоръ. Однако ничто не могло привести въ раскаяніе эту жестокою и честолюбивую женщину; она надѣялась удалить навсегда племянницу изъ дома

Гна Дюрмона и оспашься единспвенною его опрадою.

Лиза скривала опшь дяди свой мни-мый проспупокъ, а эшо могло ее во-влечь и въ настоящій: еслибъ Гжа Дю-лоръ довольспвоалась одною только жерпвою, то ей ничегабы не споило заспавишь несчастпную бѣжашь изъ до-ма дяди, но ей хошѣлось погубишь и Дервье. Она сказала Лизѣ, кошорая спро-сила о немъ: „если ты хочешь, милая, пользовашья моими услугами, то не напоминай мнѣ никогда объ эшомъ по-рочномъ человекѣ; я говорила съ нимъ и онъ подшвердилъ боязнь мою.“ Съ эшой минушы Лиза начала приходишь въ оп-чаяніе. Гжа Дюлоръ увѣрjala, что ей на-добно пришворяишья и удалишь лекаря, кошорый скоро могъ бы проникнушь ея шайну. Лиза повиновалась съ бла-годарносшю; кошя едва могла держашь-ся на ногахъ, однако вспала и приня-лась за прежнія свои заняшя. Дядя ча-сто освѣдомлялся о ея здоровьѣ, но она всегда говорила, что совершенно опра-вилась—хошя внушренно жестпоко спра-дала.

При первомъ свиданіи съ Дервье она почувствовала дурношу; не могла ни сморгнуть на него, ни слышать его голоса безъ внутренняго содроганія. Онъ съ своей стороны удивлялся, какъ Лиза могла такъ долго помнись поступокъ ничего незначущій и сдѣланный имъ прошивъ воли. Эта мысль приводила его въ уныніе и заставила избѣгать всякаго случая быть вмѣстѣ съ Лизою. Наконецъ онъ самъ вызвался Гну Дюрмону ѣхать въ Парижъ по дѣламъ его. Честный Дюрмонъ принялъ съ благодарностію предложеніе и думая, что Дервье многимъ жертвуетъ для него въ семь случаевъ, обѣщавъ ему по возвращеніи такую награду, какой онъ и не ожидаетъ. Пожатіе руки и ласковый голосъ, которымъ онъ произнесъ это, сдѣлали Дервье счастливейшимъ человекомъ. Онъ поѣхалъ однако въ швердой увѣренности, что Лиза его не любитъ или, лучше сказать, ненавидитъ. Всякойбы на его мѣстѣ могъ такъ же обмануться.

Отъѣздъ его весьма обрадовалъ Гжу Дюлоръ; она швердо рѣшилась или погибнуть или наспоить въ исполненіи

своихъ намѣреній, въ успѣхѣ которыхъ она впрочемъ не сомнѣвалась.

Гнѣ Дюрмонъ не безъ огорченія замѣчалъ перемѣну въ лицѣ и характерѣ Лизы: свѣжестъ ея увядала, веселостъ примѣпно исчезала и не было уже того милаго чистосердечія въ разговорахъ, которое дѣлало ее столь привлекательною. Гжа Дюлоръ отвѣчала на вопросы его двусмысленно; когда же ухъалъ Дервье, она спала признаваться Дюрмону, что замѣнила въ Лизѣ отвращеніе къ назначенному ей супругу, что Лиза съ ужасомъ взираетъ на этотъ бракъ и печаль ея конечно не отъ чего другаго происходитъ. Потомъ намѣкнула она о времени, въ которое Лиза видала Дервье съ удовольствіемъ, и о томъ днѣ, въ который она къ нему перемѣнилась; напомнила множество случаевъ съ такими подробностями, что Дюрмонъ удивлялся, какъ не могъ прежде того замѣнить. Онъ обѣщалъ на другой же день переговорить съ племянницею и увѣрить ее, что нимало не думалъ ее принуждать. „Она худо меня знаетъ, говорилъ онъ; всѣ мои намѣренія кло-

нялся къ ея же благополучію; пусть будетъ она умна и весела попрежнему. Бѣдно е дитя! еслибъ я не боялся попревожись ея, то теперь же пошелъ бы увѣришь ея въ своей дружбѣ. Но по ушпру мы вмѣстѣ будемъ завпракашь. Тѣмъ хуже для Дервѣе, если онъ не умѣлъ ей понравиться.“

Дюрмонъ, утѣшеннѣй одною мыслію порадовавъ племянницу, пошелъ въ свою комнату. Поспунокъ Лизы казался ему своенравіемъ, но слишкомъ горячо любя ея, онъ не смѣлъ порицашь. Гжа Дюлоръ, объяснившись такимъ образомъ съ Дюрмономъ, пришла къ Лизѣ, которая еще не спала и боялась сомкнуть глаза, потому что безпреспанно видѣла спрашнныя сны. Положеніе ея было ужасно: она менѣ спрашила своей совѣсти, нежели воображенія.

Все пугало ея. Когда Гжа Дюлоръ вошла къ ней въ такое необыкновенное время, то сердце ея сильно забилось. „Вооружись бодростію, сказала коварная женщина, подходя къ ея постели; завпра пошпру дядюшка хочешь говоришь съ побою о многомъ.“ — Ахъ,

Боже мой! я не буду въ соспояніи съ нимъ видѣться. — „Мнѣ кажется, что онъ не имѣеть еще никакого подозрѣнія.“ — Пусть и такъ! вскричала Лиза: припворство еще ужаснѣе въ моемъ положеніи. Что ни будетъ — я готова уже во всемъ признаться дядюшкѣ. — „Гораздо лучше, отвѣчала Гжа Дюлоръ, и я тоже думаю. Скажи все на Дѣрвье, онъ одинъ виноватъ — пусть онъ одинъ и будетъ наказанъ.“ — Несчастный! сколько надѣлалъ онъ намъ огорченій! — „Дядюшка твоей думаетъ, что ты боишься замужества и что это самое причиною твоей печали: объ этомъ-то и должна ты говорить съ нимъ. Ты неспособна припворяться, припомъ же не хочешь соединиться навсегда съ человекомъ, который погубилъ тебя и котораго всѣхъ злодѣяній ты еще не знаешь: невозможно, чтобъ Гнъ Дюрмонъ не узналъ твоей тайны; и такъ по крайней мѣрѣ откройся ему сама.“ — Какъ вы думаете, какая участь меня ожидаетъ? — „Не знаю—онъ такъ тебя любитъ, что...“ — Онъ любилъ и мать мою, вскричала Лиза, а вы сами сказывали, какъ жестоко онъ поступилъ съ нею,

не хотѣлъ даже, чѣшобъ имя ея при-
 немъ произносили. Ахъ, милая Гжа Дю-
 лоръ! Дядюшка очень спрогъ. — „Я беру
 на себя упростишь его. Просшупокъ швоей
 мапушки сдѣлался слишкомъ гласнымъ
 и это служишь ему нѣсколькo въ оправ-
 даніе, а ты можешь во всемъ на меня
 шоложишь. Я буду за тебя говоришь
 и то, что самой тебѣ сказашь невоз-
 можно. Даю слово, что буду ошъ тебя
 недалеко и при первомъ случаѣ гошова
 подашь тебѣ помощь. Ободришь, милая;
 завтра насшущишь важный для тебя
 день. Упѣшься и положишь совершенно
 на меня, искренняго швоего друга.“ — Гжа
 Дюлоръ поцѣловала свою жершву и у-
 шла къ себѣ.

Какая ночь для Лизы! Она провела
 ее въ такомъ волненіи, какого невозмож-
 но описашъ; чѣмъ болѣе спаралась обод-
 ряшься, тѣмъ больше силы ея изнемо-
 гали. Всѣ слова Гжи Дюлоръ имѣли свое
 дѣйствіе; съ ужасомъ думала она о
 Дервье; мысли о немъ перзали ее и во
 время молишвы; она просила Всевыш-
 няго смягчишь гнѣвъ дяди. „Пусть ве-
 лишь онъ мнѣ удалишь изъ своего до-

ма, говорила она, но да не преслѣдуешь меня повсюду гнѣвъ его — вошь все мое желаніе!“

Свѣтъ наступающаго дня приводилъ Лизу въ совершенное уныніе. „Все кончено! говорила она, ходя скорыми шагами по комнатамъ; пусть я умру, но перпѣшь мученіе уже не въ силахъ....“ Пришли сказать, что Гнѣ Дюрмонъ ее дожидается — и кровь застыла въ ея жилахъ, холодный потъ выступилъ на лицѣ ея. Наконецъ, опирая планкомъ слезы, которыя щещно удержавъ спаралась, и опираясь обо все, что могло поддержать ее, она пришла въ кабинетъ дяди.

Увидя ее, Гнѣ Дюрмонъ испугался: едва можно было узнать ее. Она упала на кресла и закрывъ плашкомъ глаза, омоченные слезами, дожидалась, чтобы дядя началъ говорить первый.

„Лиза, сказалъ онъ, что это значишь? Успокойся, и какова бы ни была твоя горестъ, смѣло открой ее мнѣ. Я люблю тебя, какъ нѣжнѣйшій отецъ, а ты, ты дѣлаешь меня несчастнымъ.“

Лиза хотѣла говорить, но не могла собраться съ силами. Дюрмонъ продолжалъ.

„Причина пвоей горести должна бышь чрезвычайна. Если я дѣлаю чпо нибудь не по пвоему желанію, то скажи опкровенно. Я могу ошибапсья, милая, но мысли мои заняпы однимъ шолько пвоимъ счаспемъ. Опри слезы и обними меня—опкройся мнѣ, какъ лучшему своему другу.“

Бѣдная Лиза! Ласки Дюрмона были для нея еще гибельнѣе, нежели могъ бышь самый гнѣвъ его. Она хопѣла бросишья къ его ногамъ, но силы измѣнили ей — она упала въ изнеможеніи на полъ. Дядя хопѣлъ кого нибудь позвашь. „Ради Бога, любезный дядюшка! вскричала она, чшобъ никшо не былъ свидѣтелемъ спыда моего! Какое признаніе должна я вамъ сдѣлать! Проклинайше меня—я недоспойна болѣе вашихъ милостей.“

Изумленіе обнаружилось на лицѣ Дюрмона. Слова Лизы его поразили и гнѣвъ заспушилъ мѣсто нѣжности. „Несчастливая! вскричалъ онъ наконецъ, знаешь ли пы, какъ шерзаюшь меня слова пвои? Отвѣчай мнѣ: слыхала ли пы о непри-

япноссяхъ, копорья пошерпѣль я опъ швоей машери? “ — Дядюшка, пощадите память ея! — „Хочешъ ли бышь мою племянницей, или только ея дочерью?“ — Ради Бога, дядюшка, пощадите машь мою; я же — покоряюсь волѣ вашей, я недоспойна вашихъ милоспей.—, Нѣшь, невозможно. Ты забываешся опъ горесши, другъ мой — приди въ себя. Тебѣ ли знашь порокъ? Всегда у меня въ домѣ, всегда на глазахъ моихъ, ты не могла и видѣшь шакихъ изверговъ, копорые бы...“ — А Дервье! вскричала Лиза: Дервье! жестокій и виновный Дервье! ты погубиль меня! —

При сихъ словахъ Дюрмонъ, державшій Лизу въ своихъ объясняхъ, опшолкнулъ ея въ бѣшенствѣ опъ себя и вышелъ изъ кабинета, чувспвуя, что въ эту минушу гошовъ былъ на все. Онъ вспрѣшилъ Гжу Дюлоръ, копорая съ шрепешомъ слушала у дверей, желая знашь, чѣмъ все это кончится. Но чего ей было опасаться? Когда дѣвушка — шакихъ лѣшь и свойспвъ какъ Лиза — рѣшишся сама обвиняшь себя, кто можешъ сомнѣвашся въ ея винѣ?

Гнѣ Дюрмонъ ходилъ большими шагами по комнаѣ; признаніе Лизы его перзало; онъ не смѣлъ никому опкрышь его, но въ разспройствѣ своемъ не могъ и скрывать. Сердце его произнесло уже приговоръ несчастной племянницѣ и эшо засшавило его говорить. Между шѣмъ Лиза, не сполько опечаленная гнѣвомъ дяди, сколько облегченная шѣмъ, что судьба ея наконецъ рѣшилась, слушала въ кабинетѣ у дверей, не заботясь о слѣдствіяхъ своего признанія. Послѣ такихъ усилій, немудрено, что она спала ко всему равнодушнѣ.

„Ну, сударыня, сказала Дюрмонъ, слышали ли вы еще о новомъ для меня несчастіи? “ — Все знаю, отвѣчала Дюрлоръ. Ахъ! для чего не могло эшо скрыватьсь долѣе! Двадцать разъ я измѣняла себѣ, говоря съ вами: вы помните, какъ избѣгала я разговоровъ о вашей племянницѣ. Я знала, что эшо слишкомъ огорчишь васъ. — „Правда; но могъ ли я чтонибудь подозрѣвать! “ — Лиза еще молодая. — „Тѣмъ виновнѣе:“ — Дервье же... — „Онъ чудовище.“ — Вы жслали соединить ихъ; еслибъ можно было поспѣшить... — „Сударыня! вскричала Дюр-

монъ, смотря на нее сурово, развѣ счастье должно бытъ куплено цѣною преступленія? Нѣтъ, Лиза не должна оспариваться въ моемъ домѣ и чпобъ никто не смѣлъ напомиать мнѣ о ней! Возьмише, прибавилъ онъ, бросивъ на столъ свой бумажникъ, шупъ 40000 франковъ. Если она хочеть еще повиноваться мнѣ, то монастырь одно убѣжище, гдѣ она можеть скрыть спыдъ свой. Я ѣду на придня въ деревню. Когда возвращусь—чпобъ здѣсь ничшо уже не напоминало мнѣ о недоспойной моей племянницѣ. Прошу не забыть, что я ввѣкъ не прощу тому, кто осмѣлился произнести при мнѣ ея имя.“ Не прошло и пяти минутъ, какъ Г. Дюрмонъ былъ уже далеко отъ своего дома.

Гжа Дюлоръ вошедши въ комнату, гдѣ была Лиза, нашла ее молящуюся на колѣняхъ за своего дядю: невинная дѣвушка со слезами изъявляла ему сердечную свою благодарность за то, что и въ самую ужасную минушу своего гнѣва не хотѣлъ онъ оставить ее въ нищеть. Она слышала, что ей назначено удалиться въ монастырь—воля дяди всегда была для нея закономъ и подвергаясь уча-

спи несчастной монахини, она еще больше утвердилась въ мысляхъ своихъ о ней.

Лукавая и вмѣстѣ жестокосердая Дюлоръ хотѣла увѣришь Лизу, что Гнъ Дюрмонъ не долго будетъ сердиться, и смала порицать гнѣвъ его; но не безъ удивленія замѣшила, что племянница и не думаетъ на него жаловаться, а совершенно полагается на Провидѣніе. Тогда Гжа Дюлоръ опведа Лизу въ ея комнату и просила опнапья тамъ, пока прищепъ надежное для нея убѣжище.

Преступленіе, и самое успѣшное въ началѣ, не можеть совершаться безъ страха; необходимостъ опдалишь всѣ признаки коварнаго умысла мѣшаетъ наслаждаться успѣхомъ. Въ такомъ положеніи находилась и Гжа Дюлоръ: она опсала въ недоумѣніи на самомъ поприщѣ своихъ злодѣяній. По приказанію Дюрмона непременно должно было удалитъ Лизу; но куда же дѣвать это невинное швореніе? Опдашь ее въ монастырь было весьма опасно. И подь какимъ предлогомъ сдѣлашь это, не будучи

съ нею въ родствѣ? Объявишь же, въ какомъ положеніи подозрѣваешь Лизу, значило зашворишь для нея входъ во всѣ монашвыри. Сверхъ того нельзя было заспавишь ее пришворяясь. Въ кругу подругъ, копорыя ее любяшь, она оп-кроешъ имъ все; невинность ея скоро обнаружись. Погубишь Лизу въ большомъ городѣ, не значило ли подвергнушь себя неукропимому гнѣву Гна Дюрмона, если онъ когда нибудь свѣдаешъ о судьбѣ своей племянницы. Впрочемъ гдѣбъ ни была Лиза, испина не можешъ долго опъ нея скрыватьсь и она должна прибѣгнушь къ милосердію дяди. Наконецъ Гжа Дюлоръ положила не предпринимашъ ничего вразсужденіи Лизы до пѣхъ поръ, пока Дервье не подвергнешся подобной же участи. Объясненіе его съ Дюрмономъ могло все обнаружись и въ такомъ случаѣ Лиза была бы возвращена, а Гжа Дюлоръ могла сказать: я обманулась также, какъ и вы. По всему этому видно, что коварная женщина не была еще твердо увѣрена въ своемъ дѣлѣ и пошому не позволяла себѣ совершенно погубишь Лизу.

Въ осьми миляхъ отъ Ліона, въ деревнѣ по дорогѣ къ Монбрисону, жила старинная пріятельница Гжи Дюлоръ, весьма достойная ея довѣренности. Прежде, когда еще Ларошъ имѣла въ городѣ свой домъ, то не разъ предлагала его къ услугамъ благоразумной любовницы Дюрмона, а съ того времени, какъ Гжѣ Дюлоръ вздумалось удалиться Лизу, онѣ завели между собою переписку: богатая горожанка снабжала сельскую свою пріятельницу деньгами и узнавъ, что она живетъ весьма уединенно съ одною только служанкою, сосшарѣвшеюся въ инпригахъ, рѣшилась отвезти къ ней Лизу. Онѣ отправились рано поутру, чтобы приѣхать на мѣсто прежде насшупленія ночи. Лиза въ продолженіе всей дороги была спокойна; мысль, что она будетъ монахиней и кончить дни свои, повинаясь дядѣ, была для нея сладостна. Въ столь молодыхъ лѣтахъ она не могла еще узнатьъ любви и поперявъ все уваженіе, которое прежде имѣла къ Дервѣ, представляла себѣ мужчинъ ужаснѣйшими пвореніями въ свѣшѣ.

Ларошь удивилась, когда Гжа Дюлоръ приѣхала къ ней вмѣстѣ съ незнакомою дѣвушкою. Она приняла ее какъ свою благодѣтельницу, и нимало не обижалась надмѣннымъ ея видомъ. Послѣ ужина, пригошовленнаго наскоро, Гжа Дюлоръ, извинясь передъ Лизою, вышла съ хозяйкою въ другую комнапу. Габріелла, спарая служанка, смотрѣвшая со вниманіемъ на племянницу Дюрмона, была позвана шуда же. Коварныя женщины чувствовали необходимость сдѣлать и ее своею участницею, въ отвращеніе всякой съ ея стороны нескромности. Деньги скоро расположили Гжу Ларошь къ услугамъ, а обѣщаніе пенсіона въ такомъ случаѣ, если пріятельница ея будетъ Гжею Дюрмонъ, побудило ее бытьъ гошовой на все. Сладивъ такимъ образомъ дѣло, онѣ вошли въ комнапу къ Лизѣ. Габріелла однако не совсемъ оспалась довольна: она получила много обѣщаній, но мало денегъ. — Гжа Дюлоръ обняла Лизу, увѣряла, что будетъ писать къ ней (но не сдержала своего слова) и въ ту же минупу проспилась съ нею, чтобы, какъ говорила,

не слишкомъ ее распрогашь. Однако эшо было напрасно: Лиза оспалась при одномъ изумленіи, не помышляя ни о чемъ болѣе. И шакъ пусть живешь она у Гжи Ларошь; скажемъ полько, что она ни въ чемъ че имѣешь недоспапка и здорова попрежнему, но прежняя веселосшь уже не возвращаешся къ ней, улыбка не показываешся на мрачномъ челѣ ея, несмопря на всѣ спаранія Габріеллы, копорая испинно полюбила ее. Теперь — далѣе.

По возвращеніи Дюрмона, Гжа Дюлорь безъ всякаго огорченія замѣчала его горесшь и вскорѣ почувспвовала, что пошерявъ двухъ милыхъ ему особъ, онъ сдѣлался къ ней гораздо нѣжнѣе. Но ее превожилъ еще Дервье; она не смѣла и напоминашь о немъ, не зная, что Гнъ Дюрмонъ послалъ уже къ нему письмо, въ копоромъ опказалъ навсегда опъ своего дома.

Дервье, получивъ шакой ужасный опказъ и не могши придумашь никакихъ шому причинъ, опправился изъ Парижа и скакалъ день и ночь. Онъ приѣхалъ къ Гну Дюрмону, но его не при-

няли; искалъ его въ мѣспахъ, обыкновенно имъ до того посѣщаемыхъ, но бѣдный спарикъ, снѣдаемый гореспію, не выходилъ уже никуда. Дервье написалъ къ нему объ окончаніи нѣкоторыхъ счетовъ, но получилъ приказаніе разсчесься съ секретаремъ, заспунившимъ его мѣспо. Онъ обрапился къ Гжѣ Дюлоръ, но и она не удоспоила его опъвѣпомъ. Эпа злобная женщина хотѣла принудить его оставить Ліонъ, но это было сверхъ силъ его. Хотя Дервье былъ самый скромный и даже робкій любовникъ; однако, для защищенія своей чести, не пожалѣлъ бы и самой жизни. Когда онъ жилъ у Дюрмона, то дѣятельность его и честность заслуживали всеобщее уваженіе; теперь же никто не хотѣлъ принять его къ себѣ. Пронесся слухъ (который распустила Гжа Дюлоръ), что онъ употребилъ во зло довѣренность своего благодѣтеля, и еслибъ спарикъ надъ нимъ не сжалился, то совершенно могъ бы погубить его. Гнѣ Дюрмонъ не хотѣлъ разглашать, по какой причинѣ онъ удалилъ опъ себя Дервье, и поэтому эти слухи казались такъ вѣроящ-

ными, что несчастный молодой человек был опринушь и самыми друзьями своими. На одного только он мог еще положиться, который с ребячества был преданъ ему всею душою; но и этот был въ опсупствіи. Дервье ожидалъ его съ неперпѣніемъ, что бы чѣмъ нибудь рѣшилъ судьбу свою. Хотя Фоншаниль былъ еще очень молодъ, но заслужилъ уже доброе имя и припомъ былъ швердо увѣренъ въ своемъ другѣ.

Сколь ни долгимъ казалось время для Дервье, но Гжа Дюлоръ была еще неперпѣливѣе. Однажды упромъ вошла она въ кабинетъ Дюрмона и въ разговорахъ съ нимъ нашла случай напомнить ему о прежнемъ ихъ другѣ съ другомъ обращеніи; она умѣла къ словамъ своимъ приплесъ и монаспырь, въ который будшо бы хочешъ навсегда удалиться. Голосъ ея припомъ былъ шакъ нѣженъ и всѣ уловки любезности шакъ вкрадчивы, что чесный Дюрмонъ не могъ избѣжашъ оболщенія: Мысль кончить жизнь свою въ одиночествѣ, его убивала; онъ вспомнилъ, чего лицился и слезы покапились изъ глазъ его. Ми-

нуша была рѣшишельна: Гжѣ Дюлорь сказано, чшобѣ все гошовишь къ свадьбѣ. Къ ея несчастію въ самое эшо время она занемогла и хопя спаралась казашься бодрою, но съ шрудомъ могла скривашь болѣзнь свою ошъ Дюрмона и весьма опасалась, чшобѣ онъ не опсрочиль давно желаннаго ею брака. Пригошовленія должны были дѣлашься шайно и она ввѣрила эшу новостъ одной полько Ларошь, увѣряя, чшо не забудешь услугъ ея. Гжа Ларошь, внѣ себя ошъ восхищенія, показала письмо Габріеллѣ, копорая даже испугалась, не нашедъ въ немъ никакихъ для себя обѣщаній.

Скривая болѣзнь свою, Гжа Дюлорь рѣдко выходила изъ комнашы. Наканунѣ шого дня, въ копорый должны были совершишься всѣ ея желанія, Дюрмонъ получилъ записку ошъ Фоншаниля съ просьбою о позволеніи къ нему приѣхашь. Бѣдной спарикъ уже соскучился, сидя въ своемъ кабинетѣ; онъ опвѣчалъ, чшо гошовъ съ удовольствіемъ приняшь человѣка, копорого уважаешь. Спустия нѣсколько минушь Фоншаниль явился къ

нему вмѣстѣ съ Дервье. Люди не могли удержашь сего послѣдняго: другъ его увѣрялъ, что будешь самъ опвѣчашь за него; тогда бросились съ извѣсшiemъ о томъ къ Гжѣ Дюлоръ, кошорая, хошя и черезъ силу, припащилась къ Дюрмону прежде, нежели онъ могъ прииди въ себя опъ изумленія.

„Извинише, сказалъ ему Фоншаниль, что я нарушилъ волю вашу, приведя къ вамъ своего друга; немилосшъ ваша приводишь его въ опчаяніе; именемъ правошы и чесши; сполько вамъ драгоцѣнныхъ, прощу васъ сказашь, въ чемъ почишаеше его виновнымъ предъ собою? Могли ли вы жаловашься на его чеспность, усердіе?“—Никогда!—„И шакъ не уже ли, съ вашими благородными правилами, вы не знаеше, что опказъ вашъ можешь ввергнушь въ нищешу и посрамленіе человѣка, для кошораго чеспъ дороже всего на свѣшѣ?“—Я имѣю свои причины. Знаише, что еслибъ Дервье завладѣлъ всемъ моимъ имѣніемъ, я скорѣе просшилъ бы ему; но послѣ шого, что онъ сдѣлалъ—никогда!—

Между шѣмъ Дюлоръ съ шрешешомъ

умоляла Фоншаниля прекратить разговор, возобновляющій сполько горестней, а смущенный Дервье, не слушая ее, бросился къ ногамъ Дюрмона, кошорѣго привыкъ почищать, какъ опца; присоединилъ свои просьбы и шакъ разшрогалъ добраго шарика, что онъ невольно вскричалъ: „несчастный! а моя племянница!“

Дервье изумился при такомъ восклицаніи, попому что не понималъ его; но Фоншаниль былъ шакъ пораженъ имъ, что началъ подозрѣвать своего друга, не въ самомъ ли дѣлѣ виноватъ онъ вразсужденіи Лизы. Дюлоръ вмѣшалась въ рѣчь, спала напоминашь общошельства, кошорья еще болѣе раздражили Дюрмона и удивили безмолвнаго Дервье. Однако негодование вскорѣ заспавило говоритъ молодаго человѣка, и говоритъ шакъ сильно, что Фоншаниль снова клялся въ невинности своего друга, увѣряя, что можешь бышь спрахъ заградилъ уста Лизы и неспозволилъ ей назвашь наспоящаго обольспишеля; онъ спарался доказашъ это и убѣждалъ Дюрмона увѣриться въ испинѣ. Честный

дядя, пораженный оправданіями Дервье и влекомый шайнымъ желаніемъ увидѣшь еще разъ свою несчастную племянницу, согласился къ ней ѣхать, несмотря на всѣ предспавленія Гжи Дюлорь. Онъ даже ей не позволилъ ѣхать съ собою, а велѣлъ написать адресъ, гдѣ жила Лиза. Какъ дрожала рука ея!

Оставалось одно средство къ спасенію: Гжи Дюлорь и она имъ воспользовалась. Подъ предлогомъ сдѣлать распоряженіе къ опъѣзду, она вышла съ шѣмъ; чшобъ какъ нибудь замедлишь его и потомъ заперлась въ своей комнатѣ, гдѣ написала къ Гжѣ Ларошъ слѣдующую записку: „Мы пропали. Дядя Лизы сей часъ опсправляется къ вамъ съ молодымъ человѣкомъ, о которомъ я вамъ говорила. Спасайтесь сами и спасите меня. Спрячьтесь куда нибудь Лизу, заприште ее, чшобъ никто не могъ ее видѣшь. Скажиште, чшо она бѣжала накануне съ молодымъ человѣкомъ и обвиниште въ похищеніи шого, который будетъ съ Дюрмономъ. Я опвѣчаю за прочее. Все мое богатство принадлежишь вамъ.“

Дюлорь опдала записку самому надежному челоѡѡку, а между тѡмъ спаралась какъ можно медленнѡе пригошювляпшь завшракъ, чшобы продлить время. Но каково было ея изумленіе и ужась, когда она увидѡла, чшо Гнъ Дюрмонъ поѡхаль съ однимъ Фоншанилемъ, а Дервье, оспаваясь, умоляль своего друга доказать невинность его. Нимало не подозрѡвая Гжу Дюлорь, Дервье разсказалъ ей, чшо по совѡшу своего друга, онъ оспашся, чшобы присушествіемъ своимъ не помѡшашъ ни Лизѡ, ни Дюрмону убѡдипшься въ испинѡ. Тогда - шо злобная женщина почувспвовала въ душѡ своей шерзаніе и бѡшенство, кошораго почши не въ силахъ была удерживашъ. Положеніе ея жалосшно; оспавимъ ее, и въ шо время, какъ она ищешъ средствъ оправдашъся, послѡдуемъ за пушешеспвенниками.

За полчаса до ихъ пріѡзда, Гжа Ларошь и Габріелла проводили Лизу въ маленькой павильонѡ въ концѡ сада, сказавъ ей, чшо скоро пріѡдетъ дядя, кошорый намѡренъ излишь на нее весь свой гнѡвъ и насыпипшь свое мщеніе, а

пошому и надобно ей скрышья. Лиза, удивленная такимъ неожиданнымъ случаемъ, но уже привыкшая безъ ропоса сносить несчастія, согласилась на все, чего опъ нея пребовали. Ларошь не безъ смущенія приняла Дюрмона и рассказала ему, запинаясь, исторію, сложенную доброю ея пріятельницею. Фонпаниль, всегда равнодушный, примѣшилъ первый несправедливостъ словъ ея; онъ началъ говорить, но къ великому своему удивленію услышалъ, что его самага обвиняють въ похищеніи Лизы. Однако это усугубило только невѣроятностъ. Чѣмъ болѣе Гжа Ларошь говорила, тѣмъ болѣе мѣшалась въ рѣчахъ. Какъ рѣшить эту загадку? Всѣ кричали вдругъ, выключая Габріеллы, которая казалось выжидала время. Фонпаниль клялся, что охотно дастъ сто луидоровъ тому, кто опкроетъ истину. Габріелла взялась опкрыть ее. За сто луидоровъ сдѣлала бы она и больше, нежели одно доброе дѣло. Она объяснила такъ подробно и такъ хорошо все происшествіе, что нельзя уже было сомнѣваться въ невинности Лизы. Радостъ Дюрмона не

позволяла ему видѣть спыдъ Гжи Ларошь и думашь о звѣрскомъ поспупкѣ женщины, кошорая черезъ день была бы его женою. Онъ громкимъ голосомъ шребоваль своей племянницы и желаль скорѣ обняшь ее. „Сшупайше за мною, сказала Габріелла, но я прежде поговорю съ нею одна: эшо непременно надобно. Какъ обрадуешся бѣдная дѣвушка! Она шакъ чувшвишельна, шакъ вась любишь!“ Въ самомъ дѣлѣ Габріелла побѣжала пригошовишь Лизу къ неожиданной радости; чрезъ нѣсколько минушь она была совершенно оправдана и добрый дядя крѣпко сжималь ее въ своихъ объшпахъ.

Наши пупешешвенники сѣли въ карешу; Дюрмонъ сидѣль подлѣ своей племянницы; онъ не выпускаль руки ея изъ своихъ рукъ, какъ будшо опасаясь пошеряшь ее снова. Габріеллѣ приказано было ѣхашь въ Ліонъ, чшобъ получишь шамъ обѣщанное награжденіе.—Гжа Дюлоръ съ безпокойшвомъ ожидала прибышя Дюрмона; наконецъ видя возвращеніе Лизы и предчувшвуя свою гибиль, скрылась изъ дома, и унесла съ

собою лучшія вещи, также портфель съ 40.000 франковъ, который Дюрмонъ оставилъ ей въ день отъѣзда Лизы. Она отправилась въ Парижъ, гдѣ и вышла вскорѣ за мужъ за одного молодого чело-вѣка, который черезъ полгода ввергнулъ ее въ ужасную нищету. Въ крайности, оставшись безъ пропитанія, нашла она себя принужденною прибѣгнуть къ великодушію Дюрмона. Несмотря на суровость и швердоссть своего характера вызвался онъ плащить за содержаніе ея въ монастырѣ, куда она и пошла по необходимости. Лиза вышла за Дервье и оправдала своимъ поведеніемъ воспитаніе, полученное ею отъ дяди. Когда ему напоминали о прежнемъ несчастіи его племянницы, онъ обвинялъ всегда себя слѣдующими словами: „я всему причиною: еслибъ мой домъ былъ шаковъ, каковъ бы онъ долженъ бытъ, Лиза непошерпѣла бы ничего.“ — И онъ говорилъ совершенную правду.

Москва.

Z.

С М Ъ С Ъ .

Новости.

(Изъ Письма къ Издателю.)

Парижъ, 14 Ноября н. с.

На сихъ дняхъ играна была на театрѣ *Одеонъ* въ первый разъ Трагедія въ стихахъ подъ названіемъ: *Сицилійскія Ветерны*, сочиненная молодымъ Стихотворцемъ *Казимириомъ ла Винемъ* (Casimir de la Vigne) и имѣвшая совершенный успѣхъ. Спеченіе народа было шакъ велико, что нѣсколько сотъ любительей театра должны были возвратиться домой. Предметъ Трагедіи — заговоръ прошивъ Французовъ въ Сициліи и умерщвленіе всѣхъ, державшихъ сторону сихъ послѣднихъ. Достоинство ея — прекрасныя стихи. Впрочемъ и это ужъ много для Французской Литшературы, споль бѣдной въ наше время.

Велизарій, Трагедія *Жуи* окончена, принята Французскими Акшерами и не была представлена по веема важной причинѣ: *Жуи* — не роялистъ.

Лудовикъ IX — Трагедія, игранная на пер-

вомъ Французскомъ театрѣ 3 Ноября, имѣла успѣхъ, хотя не совсемъ его заслужила. Самый бѣдный сюжетъ—и прекрасные стихи, пущыя лица и высокія чувства показываютъ въ молодомъ авторѣ Г. Ансело (Anselot) хорошаго стихотворца и дурнаго трагика. *Свободномыслящіе* хвалятъ эту Трагедію—а Роялисты хвалятъ до безконечности, *comme de raison*.

Водевиль (театръ) занимается теперь пародіями и національными новостями. Произведенія промышленности, выставленіе картинъ, открытіе *Одеона* и *Сицилійскія Вестерны*—сколько предметовъ для эпиграммъ!

Недавно вышелъ новый переводъ Тассова *Освобожденнаго Иерусалима Баура Лорміана*. Одни хвалятъ, другіе порицаютъ сей переводъ—но самое вѣрное то, что *Бауръ Лорміанъ* написалъ подражаніе, а не переводъ славной Италіанской Поэмъ—новость непріятная и очень непріятная. Впрочемъ есть довольно хорошихъ стиховъ въ подражаніи.

Пико ле Брень—одинъ изъ самыхъ забавныхъ и неисшощимыхъ романистовъ умножилъ число своихъ произведеній новымъ романомъ: *Егоистъ* въ двухъ томахъ, по копорому едва можно узнать оспраго сочинителя *Испанской Шалости*, *Бароновъ Фельсгеймовъ*, *Господина Ботта* и пр., гдѣ l'esprit

se trouve à chaque ligne. Гжа Жанлисб, женщина съ исполинскими силами, идешь почти наровнѣ съ *Пуго ле Брэнелб*. Перечтише шомы. Говорять, что *Петраркб* и *Лара*, новой ея романъ—последняя испорическая микстура сей пламенной сочинительницы.

Выспавленіе новыхъ картинъ Французской школы въ Королевскій Музеумъ надѣлало много шуму. Патріоты восхищающся множествомъ произведеній любимыхъ своихъ живописцевъ и напѣвають:

Sur l'univers la France règne encore,
Par l'industrie et les beaux arts.

Надобно однако сказать, не порицая Французскаго шрудолубія, что изъ 1500 картинъ, выспавленныхъ въ нынѣшнемъ году, едва ли найдется одна, совершенно удовлетворяющая безпристрастнаго цѣнителя дарованій. Самыя яркія краски безъ гармоніи, множество эпизодовъ и побочностей (*accessoires*) въ одной картинѣ, развлекають вниманіе, подавляють иштересь и охлаждають чувство. Пришомъ же пристрастіе къ страшнымъ сценамъ, а особливо сраженіямъ, испортило вкусъ художниковъ. Всѣ погнались за Вернешами (*Carle Horace*) и вмѣсто картинъ явились вывѣски, Лучшія произведенія суть: *Амурб* и *Психея*, милая восхишительная картина воспишан-

ника Французской школы *Пикота*. — *Внутренность монастыря*, обманывающая зрителья, *Отбвздъ Герцогини Ангулемской изъ Бордо*, *Легроса*, и наконецъ *Пигмалионъ и Галатея Жиродета*, съ шакимъ неперпнѣемъ ожиданное. *Жиродетъ* одинъ изъ лучшихъ живописцевъ нашего времени. Его *Галатея* — идеаль божества. *Легкость* и нѣжностъ кисти, правильностъ и совершенство рисунковъ, выраженіе фигуръ, опличаютъ сего славнаго художника — *Поэпа*. *Пейзажи Валансіенна*, *Демарна*, *Вателета* и произведенія *Горація Вернета* почти во всѣхъ родахъ, прелесны.

Множесство картинъ, взятыхъ изъ Священной Истории, подало поводъ одному проказнику написать слѣдующій куплетъ:

D'ou nous arrivent tant de saints
 Tant d'autels, de croix et de cierges;
 Tant de moines, de capucins,
 De palmes, de martyrs, de vierges.
 Partout je porte mes regards,
 Jugez un peu de ma surprise:
 Je venais au sallon des arts,
 Je me me trouve dans une eglise.

Липографія здѣсь въ ужасной модѣ. *Вопъ водевиль*, написанный по сему случаю.

Липографія! ура!..

Вопъ по счастье мы имѣемъ:

Пригожаль, *дурналь*, *спара* —

Будь гиганшомъ, будь пигмеемъ —
 Будь живописнымъ — спору нѣшь —
 Все изобразишь Вернешь.
 Нынѣ наши булевары —
 Выѣска кровавыхъ дѣлъ:
 Здѣсь — пожаръ извѣстныхъ сель,
 Далѣ — носящая гусары.
 Спѣсны комнашь — какъ одна,
 Всѣ испещрены войсками:
 Всюду миръ — мы знаемъ сами,
 А въ печашахъ — шакъ война.
 На подносахъ, на тарелкахъ,
 На экранахъ . . . на бездѣлкахъ —
 Все солдаты, все паляшь.
 Тамъ, на нѣжномъ опахалѣ,
 Бомбы, лопаясь, трещашь;
 Здѣсь въ веселой, свѣплой залѣ,
 Гренадеры всѣхъ спрашашь.
 Тамъ, на шелковыхъ шоварахъ,
 Города въ огняхъ своихъ;
 А на плашьяхъ городскихъ
 Турки въ длинныхъ шараварахъ.
 Всюду Рускіе шпыки
 Впереди Авспрійскихъ пушекъ,
 И карманные платки
 Полны воинскихъ игрушекъ,
 Такъ, что дѣвушка, всегда,
 Слѣдуя послѣдней модѣ,
 Можешъ, даже и въ народѣ,
 Безъ малѣйшаго стыда,

Смершь оплакивая брата,
 Слезы отереть порой
 Грудью Прусскаго солдата
 Или Козака ногой.

В. Туланский.

Письмо къ Издателю.

Въ ХХІ номерѣ издаваемаго вами на сей годъ журнала: *Благонамѣренный* напечатана полученная вами, какъ сказано въ примѣчаніи, случайно спашья о пребываніи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА І въ Пепрозаводскѣ. Спашья сія, или лучше сказать журналъ, дѣйствительно писанъ былъ мною на Французскомъ языкѣ почти въ то самое время, когда Пепрозаводскъ, послѣ столѣтняго ожиданія, наслаждался вожделеннѣйшимъ лицезрѣніемъ своего МОНАРХА; когда радость и торжество жителей превосходили всякое описаніе.

Предавая переводъ журнала моего писанію, вы конечно имѣли благое намѣреніе увѣковѣчитьъ память описаннаго въ ономъ происшествія; но я за долгъ поставляю изъяснить вамъ, Милостивый Государь мой, искренно, что содержаніе журнала моего по многимъ отношеніямъ не могло удо-

влетворить любопытству и разборчивому вкусу почтенной Публики *), а поспѣшное изложеніе мыслей, къ сожалѣнію моему, во все не было достойно происшествія, шолко важнаго для Петрозаводска и въ особенності для Александровскаго пушечнаго завода. Раздѣляя въ шо счастливое время всеобщій восторгъ, и чувствуя, можешъ бышь, болѣе всѣхъ цѣну шого благосклоннаго и милосливаго вниманія, которое угодно было ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ обратишь на заведеніе, управленію моему ввѣренное, я писалъ о счастливѣйшемъ событіи семь въ безпорядкѣ радостныхъ чувствованій, писалъ на память собственно для себя и для моего сѣмейства, и никогда, повѣрьте, Милосливый Государь мой, никогда не воображалъ, чшобы домашній мой журналъ представлень былъ на спрогій судъ Публики. Кромѣ оффиціалнаго донесенія моего Начальству, я не имѣлъ даже и права сообщить вамъ нѣкоторыхъ

---

*) Я думаю иначе: мнѣ кажется, что журналъ почтеннаго Г. Фуллона, какъ по важности содержанія, шакъ по естественному, правильному изложенію мыслей и по чувству, съ которымъ онъ писанъ, достоинъ особеннаго вниманія Публики. По крайней мѣрѣ всѣ вообще читали спашью сію съ величайшимъ удовольствіемъ. *Прии. Изд. Благ.*

изъ пѣхъ подробностей, копорыя заключающа въ напечатанномъ вами переводѣ моего журнала. А пошому опасаясь, дабы помѣщеніе подробностей сихъ въ журналѣ не было почтено нескромностію съ моей стороны, я, для оправданія себя въ мнѣніи почтенной Публики, прошу покорнѣйше васъ, Милостивый Государь мой, припечатать письмо сіе въ слѣдующемъ номерѣ издаваемого вами журнала и надѣюсь, что вы не опречетесь исполнить справедливой моей просьбы.

Имѣю честь бытъ и проч.

2 Декабря 1819. Александръ Фуллонъ.

.....

Отрывокъ изъ Писма къ N. N.

Согласенъ съ вами, М. Г. что вкусы, самые изящныя, могутъ бытъ различны и даже прошивуположны; но сіе различіе, сія прошивуположность естъ не иное что, какъ явленія одного и того же вкуса въ различныхъ предметахъ искусства и природы. Одинъ, напримѣръ, любитъ цвѣшущія поля, испещренныя вуспарниками и ручейками; другой мрачныя лѣса, дикія сѣпи, угрюмыя ушесы, и оба — любятъ изящное. Мож-

но по сему различію вкусовъ предпочесть Трагедію Комедіи и на оборотъ; но если та и другая совершенны въ своемъ родѣ, то совершенство ихъ не укроется отъ чловѣка, имѣющаго нѣжный, правильный вкусъ. Гомеръ, Анакреонъ, Горацій, несмотря на различіе вкусовъ, всѣми признаны за образцовыхъ писателей.

Итакъ, М. Г., различіемъ вкусовъ, нельзя объяснить спральной прошивуположности во мнѣніяхъ, касательно произведеній нашихъ писателей. Отъ чего же происходитъ сіе прошивурѣчіе? спросите вы. — Не берусь исчислять всѣхъ причинъ, но съ удовольствіемъ гошовъ указать нѣкопорыя. Важнѣйшая изъ нихъ есть предубѣжденіе или пристрастіе, иногда происпекающее отъ связи съ сочинителемъ, иногда отъ рабскаго довѣрія ко мнѣнію другихъ, а нерѣдко и отъ невѣжества.

Взгляните напримѣръ, на лучшія отрасли нашей Словесности, вездѣ увидише счастливаго автора, окруженнаго толпою разнаго рода приверженцевъ. Сіи идолопоклонники не только не вѣряють, что есть на свѣтѣ люди, которые пишушь столь же хорошо какъ *N.* или *R.*, но гошовьогласишь невѣжею того, кто бы осмѣлился сказать сіе, какъ будто достоинства одного писателя умаляюцца достоинствами дру-

гаго; какъ будшо непремѣнный законъ, читая *Письма Рускаго Путешественника* не развертывать *Разсужденія о старолѣ и новолѣ слога*; любя *Озерова*, ненавидѣть *Сумарокова*, и уважая *гекзалетры*, предавашъ проклятію *Рускія мѣры*. — Спранно! люди всегда стремяшя изъ одной крайности въ другую, смотряшъ на любимый предметъ съ одной стороны, какъ бы боясь, взглянувъ на другую, оскорбишъ оный недовѣріемъ къ его совершенствамъ.

Таковая невнимательность особенно бываетъ вредна, когда открываешя въ людяхъ, имѣющихъ нѣкоторое право на довѣріе Публики, или по знашности своей, предполагающей высшую степень просвѣщенія, или по глубокимъ знаніямъ въ другихъ частяхъ, или по инымъ какимъ причинамъ. Лъсепцы и слѣпые приверженцы, вѣруя безъ разбора каждой мысли ихъ, каждому выраженію, вездѣ и непрестанно повшоря оныя, непримѣтно приучающъ насъ къ заблужденіямъ, умножающъ погрѣшности языка, поршашъ вкусъ и чрезъ то наношшъ вредъ не только Словесности, но и всѣмъ изящнымъ искусствамъ.

Сіе шѣмъ опаснѣе, что съ нѣкотораго времени въ словесности нашей примѣтно возрастаетъ похвальное, но часшо гибельное стремленіе къ подражанію.

Гдѣ опышъ хошъ одинъ удачный мы найдемъ,
 Тамъ подражателей шолпы не перечшемъ.
 Одинъ, распротавшись, лиль слезы надъ цвѣтами—
 И всѣ заплакали и прозой и стихами.
 Одинъ, развеселясь, ударилъ кубкомъ въ ладъ—
 И всѣ спаканами безъ милоспи спучашъ.
 Положимъ, что одинъ и ужасомъ плѣняешъ;
 Другой уже пугашъ грибами начинаешъ *).

Въ слогѣ еще болѣе замѣтно сіе, нежели въ мысляхъ и выборѣ предметовъ. Единственно изъ подражанія, часно походяго на моду, многія слова и выраженія, даже слабыя, но употребленныя извѣстнымъ писателемъ, повпоряюща безпрестанно.

Тотъ древній нашъ языкъ искусно съ новымъ
 слиль,

Священныя слова прилично помѣспилъ —
 Глядишь, въ Трагедіи, *говяду гонятъ громы* —
 Здѣсь *убо, иже, азъ*—шамъ шексповъ полны шомы.
 Одинъ шипѣнье змѣй хошѣль изобразилъ;
 Другой ужъ переняль гусей и куръ дразнилъ.
 Тотъ силою стиховъ въ воспоргъ умы приводилъ;
 Сей шайнствомъ покрывъ, въ шуманѣ вѣчно ходилъ.

Подражаніе тогда шолько полезно, когда разборчивый вкусъ руководспивуешъ онымъ, ибо и самыя классическія писатели не чуж-

---

*) Комедія: *Наказанная Ханжа или Урокъ каждому въ огердь*, соч. Г. Федорова. Дѣйств. II. Явл. 7.

ды недостатковъ. Сверхъ сего, каждая страна, каждый вѣкъ имѣюшъ свои особенності. Не все приличное Грекамъ и Римлянамъ можетъ быть прилично намъ. Весьма странно было бы, на примѣръ, видѣть Европейскихъ Принцессъ, моющихъ бѣлье, подобно Греческимъ царевнамъ, или Тюрена и Конде, пьющихъ изъ череповъ своихъ непріятелей. Діогенъ, сидя въ бочкѣ и ходя днемъ съ зажженою свѣчею, могъ считаться Философомъ въ Греціи; у насъ назвали бы его сумазбродомъ.

Послѣ приспращія главнѣйшая причина прошивурчія во мнѣніяхъ, касательно произведеній нашей словесности, есть, какъ мнѣ кажется, недостатокъ въ критикѣ. — „Недостатокъ?“ говорите вы. — Да, М. Г., недостатокъ. Знаю, что въ журналахъ нашихъ попадаются часто реценсіи; но многія ли изъ нихъ основательны? Что вы найдете въ большей части? Двѣ, три остроты, нерѣдко ругательства, дюжину вопросительныхъ знаковъ и сколько же восклицательныхъ *). Сіи по реценсіи причиною бѣдности нашей въ истинной критикѣ; онѣ

---

*) Нѣтъ правила безъ исключенія, но число благомыслящихъ критиковъ весьма еще у насъ мало. *Прим. Сок.*

уронили имя ее до того, что кришика и пасквиль, для нѣкоторыхъ, сдѣлались уже синонимами — до того, что честные люди начинаютъ бояться имени кришика, и благоразумные не читаютъ реценсій. Затвердивъ, къ несчастію, полуспишіе: *La critique est aisée*, рецензенты наши смѣло принимаются судить о всякомъ сочиненіи и часто не въ силахъ будучи замѣшить

Хорошаго, худова,

О книгѣ скажутъ намъ съ насмѣшкою полслова;
Иль даже *цѣлый листъ*, чтобъ свѣту показать
Съ пустою головой охоту все ругать.
Не только съ авторомъ, съ читателемъ бранятся *).

И вы хопите, что бы я назвалъ эпо кришикою? Безпристрастная, благоразумная кришика есть свѣспильникъ, озаряющій творенія писателя: чѣмъ онъ совершеннѣе, тѣмъ болѣе блестятъ при ея свѣстѣ; напротивъ реценсіи наши часто бываютъ подобны блудящимъ огнямъ, совращающимъ съ пути неопытнаго спрашника. Истинный кришикъ ничего не говоритъ безъ причи-

---

*) Комедія: *Наказанная Ханжа*. Дѣйств. II. Явл. 7. — Можно сказать *полслова*, но *цѣлаго листа* не льзя. Не лучше ли такъ поправить это полуспишіе: „Иль *лишуть* цѣлый листъ.“ — *Прим. Изд.*

ны, никогда не касается личности автора, замѣчаетъ слабыя мѣста сочиненія, но ни одна также красота не уйдетъ отъ его вниманія; въ сочиненіяхъ важныхъ сморись онъ болѣе на мысль, въ легкихъ на языкъ; онъ знаетъ, что для ясности мыслей можно пожертвовать гармоніею и для гармоніи позволишь нѣкошорыя вольности; онъ не спанетъ для оспраго слова смѣяться надъ хорошимъ сочиненіемъ, и наконецъ изъ пріязни не будетъ хвалить дурнаго.

Заклучу мнѣніе свое нѣсколькими словами: пока нація опягощена оковами предразсудковъ, пока словесность ея не имѣетъ кришки, до тѣхъ поръ слава ея писателей весьма ненадежна.

Князь Цертелевъ.

~~~~~

Извѣстія о новыхъ Рускихъ книгахъ.

1. *Опытъ полного изслѣдованія началъ и правилъ хронологическаго и лѣтоисчисленнаго стисленія стараго и новаго стила. Соч. Барона Владимира Штейнгейля. Съ эпиграфомъ: „Испину спяжи и не опрени мудрости и ученія и разума. (Припч. Солом. Гл. 23. ст. 25.) и съ прекрасно выгравированною Г. Ческимъ виньеткою. С. П. б. въ Медицинской типографіи, 1819, въ 8 ку, XIV и 368 стран *).*

Сія любопытная и классическая, такъ сказать, въ своемъ родѣ книга есть полный, систематическій и весьма ясно изложенный трактатъ о времясчисленіи, какого не было еще до сихъ поръ на нашемъ языкѣ. Она содержитъ въ себѣ слѣдующіе предметы: *Введеніе*: обзорніе исторіи времясчисленія съ древнѣйшихъ до нашихъ вре-

---

°) Продается въ книжныхъ лавкахъ Ивана Зайкина подъ № 18, 20, 23 и 26 въ домѣ Генераль - Маіора Балабина, по 8 р. въ бум. а съ пересылкою въ другіе города по 10 р.

мень: 1.) *О времяисчисленіи по солнцу:* о гражданскихъ суипкахъ или днѣ; объ испинномъ супочномъ движеніи; о счисленіи времени надѣлами; способъ вычисляшь дни недѣли; о 12 мѣсяцахъ солнечнаго года; о солнечномъ гражданскомъ и астрономическомъ годѣ; объ исправленіи лѣтосчисленія Юліемъ Кесаремъ; о Григоріянскомъ или новомъ стилѣ; объ устанавленіи Индикціоновъ Римскихъ и Христіанскихъ и объ Индиктахъ; о Вруцелѣшии и о кругѣ солнца; о Римскихъ воскресныхъ букввахъ и о Римскомъ кругѣ солнца. 2) *О лунномъ времяисчисленіи:* о томъ, что такое луна; о лунномъ движеніи; о лунныхъ мѣсяцахъ; о лунныхъ гражданскихъ годахъ; о кругѣ лунномъ Греческомъ и о златомъ числѣ; объ эпактѣ Юліанской и о старости луны; объ основаніи и эпактѣ Пасхальной; объ эпактахъ Григоріянскаго Календаря; объ астрономическомъ способѣ находить на всякое число мѣсяца и года старость луны и также опредѣлять день полнолунія и новолунія въ каждомъ мѣсяцѣ; о великомъ Индикціонѣ или Викпоріянскомъ періодѣ и о періодѣ Юліанскомъ. 3.) *О стисленіяхъ Пасхальныхъ:* объ устанавленіи Пасхи ветхозаконныя и новозавѣщныя; о Пасхалии, Православною Грекороссійскою Церковью употребляемой; о способѣ опредѣлять день Св. Пасхи; о Трїоди, и о раздѣ-

леніи цѣлаго года по Россійскому Мѣсяцослову на недѣли; о подвижныхъ и неподвижныхъ праздникахъ въ Мѣсяцословѣ Россійскомъ, особо въ отношеніи къ Пасхалии означаемыхъ; о Пасхалии Григоріянскаго Календаря; объ астронимическомъ способѣ вычислять день Святыя Пасхи; объ истинномъ времени Воскресенія Христова; о настоящей причинѣ, по коей Греческій періодъ отъ Сотворенія Міра до Рождества Христова увеличенъ осмью годами.

„Чувствуя самъ сухость избраннаго мною предмета—говоритъ почтенный Сочинитель въ Предисловіи къ своей книгѣ—я старался сколько возможно объясненія о разныхъ установленіяхъ и правилахъ времечисленія и Пасхалии сдѣлать завлекательными, и даже—если смѣю сказать—не скучными. Не пропустивъ ни малѣйшаго обстоятельства безъ яснаго и точнаго истолкованія, я не оставилъ ничего на догадку читателей, зная по опыту, что въ подобныхъ сочиненіяхъ неясность и краткость весьма затрудняютъ вниманіе читателей, и бывають побужденіемъ къ невольному закрытію книги. Быть можетъ, что ученые мужи и это шщаніе поспавятъ мнѣ въ вину, назвавъ излишнею плодovitосшію и многословіемъ. Такимъ съ Аббатомъ Баніеромъ отвѣщившую: Un ouvrage qui est fait

pour tout le monde, doit être à la portée des lecteurs de toute espèce, et j'ai cru leur devoir plus de considération, qu'aux Sçavans qui n'ont pas besoin de mes lumieres. “

„Должень признаться, что въ отноше-
ніи правилъ Григоріанскаго Календаря, я
руководствовался большею частію сочи-
ніемъ Аббата Ривара подъ названіемъ: *Трак-
татъ о Сферѣ и Календарѣ* (*Traité de la
Sphere et du Calendrier, par Mr Rivard*). Мнѣ
желательно было подражая ему, представивъ
предварительно читателямъ моимъ подоб-
ное объясненіе Сферы, но какъ оное осно-
вано на познаніяхъ Плоской и Сферической
Тригонометріи; по я опасался сдѣлать кни-
гу мою неспособною для всеобщаго употре-
бленія. Впрочемъ если первоначальный въ
семь родѣ трудъ мой будетъ почтенною
Публикою принятъ съ ожидаемымъ благос-
нисхожденіемъ; по въ послѣдствіи я за осо-
бенное себѣ удовольствіе поставлю попол-
нить оный—когда по будетъ нужно—по-
добнымъ прибавленіемъ. “

„Итакъ въ настоящемъ сочиненіи мо-
емъ я предполагалъ уже въ читателяхъ мо-
ихъ нѣкоторое понятіе о Сферѣ; по край-
ней мѣрѣ столько, что имъ не спрочно
будетъ встрѣшитъ заключеніе о круглости
и движеніи земли—и, что наименованія:
Меридіанъ, Горизонтъ или Небосклонъ, Парал-

лель и пому подобныя, равно какъ и знаки, означающіе *Градусы, Минуты и Секунды* имъ не чужды. Надѣюсь однакожь, что и для шѣхъ, которые и сихъ познаній не имѣють, но покмо знаютъ четыре правила *Ариѳметики*, всѣ объясненія въ отношеніи различія *старого и новаго стилия*, равно и предложенные способы опредѣлять на всякое время *Новолунія и Полнолунія*, вычислять на каждый годъ время *Св. Пасхи* и другихъ *подвижныхъ* праздниковъ будутъ довольно ясны и вразумительны.“ (стр. XI, XII, XIII и XIV.)

Приведенныя здѣсь слова Сочинителя могутъ, кажется, дать достаточное понятіе какъ вообще о достоинствѣ сей книги, такъ и особенно о слогѣ, какимъ она писана. Мы съ своей стороны обязанностію почишаемъ сказать, что сочиненіе Г. Барона Штейнгеля, по важности и трудности своего предмета, достойно вниманія *просвѣщенной Публики*, и что оно написано простымъ, яснымъ, чистымъ и благороднымъ слогомъ, какимъ должно писать всегда ученныя книги.

2. *Учебная книга Россійской Словесности или избранныя мѣста изъ Русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ, съ присовокупленіемъ краткихъ правилъ Риторики и Шипики, и Исторіи*

Россійской Словесности, изданныя Николаемъ Гретемъ. Часть I. С. П. Б. 1819. въ Тип. Издашеля въ 8 ку, IV и 400 стран. *)

„Въ 1812 году издалъ я — говоритъ Издашель въ *Предувѣдомленіи* — по порученію тогдашняго моего начальства, книгу подъ названіемъ: *Избранныя мѣста изъ Рускихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ*. При всей ограниченности плана сей книги, и при многихъ недоспашкахъ въ исполненіи, имѣла она весьма хорошій успѣхъ: введена была во многія училища, и года въ два разошлась совершенно (**). Многіе почтенные наставники, равно какъ и начальства въ копорныхъ учебныхъ заведеніяхъ, требовали вторичнаго изданія оной, и я рѣшился напеча-

---

*) Продается въ книжныхъ лавкахъ Слениныхъ и Плавильщикова, также у самаго Издашеля, въ большой Морской, въ домѣ Антонова подъ Но 125 по 20 р. (За всѣ четыре части, заключающія въ себѣ до ста печатныхъ листовъ, ш. е. около 1600 страницъ). За пересылку въ другіе города прилагается по 5 р. Учебнымъ заведеніямъ дѣляется уступки по 5 р., если они возмушъ не менѣе 10 эк. и обратятся къ самому Издашелю.

***) *Въ два года* — у насъ это очень много значить. *Прим. Изд. Благ.*

пасть ее въ новомъ видѣ: прибавить другое отдѣленіе, Поэзію, къ примѣрамъ присовокупить правила, и вмѣсто отдѣльныхъ свѣдѣній о писателяхъ Рускихъ, помѣстить въ концѣ сего собранія краткую Исторію Руской Словесности. “

„Издаваемая нынѣ *Учебная книга Россійской Словесности, или избранныя мѣста изъ Рускихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ и прозѣ*, назначается не для Университетовъ, Академій или другихъ высшихъ училищъ, а преимущественно въ пользу заведеній среднихъ: Гимназій, Уѣздныхъ училищъ, Пансіоновъ, Институповъ Военныхъ, Горныхъ, Коммерческихъ, Медицинскихъ, равно какъ и для воспитанія женскаго пола учрежденныхъ, и вообще для всѣхъ шѣхъ, въ коихъ Краснорѣчіе и Поэзія не составляютъ главнаго предмета обученія (*). Кни-

---

*) Эта *Учебная книга Россійской Словесности* весьма можетъ быть полезна и для шѣхъ, которые пожелаютъ сами собою, безъ помощи учителя, узнать главнѣйшія и существенныя правила *Риторики и Поэтики* — даже для многихъ нашихъ записныхъ литераторовъ. Сколько у насъ молодыхъ и пружидыхъ людей, с хорошими впрочемъ дарованіями и свѣденіями, которые самоцкою (какъ поршней *Тришка* шилъ платье) пишутъ стихами и прозою — пишутъ цѣлыя книги и де умѣютъ

га сія не есть полный окончателный курсъ Лишпературы: она заключаешъ въ себѣ красное шолько руководство, необходимое для всякаго благовоспитаннаго челоуѣка, какаго бы онъ званія ни былъ. „

„Она состоитъ изъ двухъ главныхъ ошдѣленій: Прозы и Поэзіи; въ каждомъ изъ сихъ ошдѣленій находятся правила и примѣры. “

„Правила Риторики и Піирики почерпнушы изъ сочиненій Эшенбурга, Гейнзіуса и Рейнбека, и дополнены замѣчаніями, извлеченными изъ швореній знаменитѣйшихъ Писателей ошечешвенныхъ. Спопо-

иногда расположишь и связашъ правильно періодъ. Не шолько для писателей, но и для всѣхъ вообще шорядочныхъ людей, особенно для шѣхъ, кои гоповяшся заняты средня и высшя мѣста по гражданской службѣ, знаніе начальныхъ основаній Грамматики, Риторики и Логики необходимо. Многимъ молодымъ нашимъ лишператорамъ совѣловалъ бы я взять для себя хорошаго учителя Руской Шовесноши, или по крайней мѣрѣ читашъ самимъ лучшя по сей части учебныя книги. Въ этомъ нѣтъ никакого стыда, а стыдно Рускому писателю не знатъ Руской грамоты и дѣлатъ въ своихъ сочиненіяхъ шакія грубыя ошибки, кошорыя иногда, при посредственномъ знаніи нашего языка, образованный иностранецъ съ перваго взгляда замѣтитъ. *Прим. Изд. Благ.*

сложеніе написано по шеоріи Г. Воспокова. (*Опытъ о Рускомъ стопосложеніи* С. II. б. 1817). — Чинашели найдуть въ изложеніи каждой изъ сихъ наукъ особую методу: въ Риторикѣ болѣе правилъ, болѣе практическихъ наставленій къ надлежащему употребленію языка не въ одномъ краснорѣчіи, но и въ дѣлахъ обыкновенной жизни *); въ Писаникѣ болѣе примѣровъ, болѣе, такъ сказать, Историческихъ свѣдѣній. Прозою писанъ обязанъ всякій гражданинъ, всякій человекъ воспитанный: ему говорю я: *пиши такъ!* о Поэзіи достапочно ему имѣть хорошее свѣдѣніе теоретическое: ему доволь-

---

*) Не всѣмъ нужно знать какъ составляются *прямые* или *порядотные*, *обращенные* или *превращенные* (впрочемъ неупотребительные нынѣ) *Хриіи*, *Риторическіе Силлогизмы*, *Доводы*, *Ораторскія Рѣчи* и пр.; но всякой благовоспитанный человекъ долженъ правильно на словахъ и на бумагѣ изъяснять свои мысли и умѣть, по крайней мѣрѣ, написать складно письмо, сдѣлать извлеченіе (*extrait*) и т. п. Унасъ, къ сожалѣнію, очень еще мало занимають эпимъ молодыхъ людей; а въ чужихъ краяхъ заставляютъ и дѣвиць сколь можно чаще сочинять письма, дѣлають сокращенія изъ книгъ, рассказывать своими словами какую нибудь повѣсть, или анекдотъ, что въ общежитіи несравненно полезнѣе знанія всѣхъ школьныхъ старинныхъ риторическихъ правилъ. *Прил. Изд. Благ.*

по сказать: *такъ пишутъ!* Впрочемъ чело-
вѣкъ съ талантомъ и въ сей крапкой Пі-
ишикѣ можетъ найти довольно уроковъ и
приготовишься къ дальнѣйшему пупи.“

„При выборѣ примѣровъ руководствован-
вался я строжайшею осмотрительностію,
особенно въ отношеніи къ нравственному
ихъ содержанію, стараясь, чтобы въ нихъ
не вкралось ни одной неоспорочной мысли,
ни одного двусмысленнаго выраженія. Въ
сихъ избранныхъ мѣстахъ опивудь не дол-
жно искашь *всѣхъ* образцовыхъ Рускихъ
произведеній: это не Пантеонъ Липперашу-
ры, въ кошоромъ представлены всѣ класси-
ческія произведенія словесности: въ нихъ
приведены только примѣры для поясненія
изложенныхъ выше правилъ, примѣры за-
ключающіе въ себѣ въ то же время полезныя
испины, нравственныя уроки, воспоминанія
исшорическія и другіе подобныя предметы,
могущіе украсить не одну память, но рав-
номѣрно умъ и сердце учащихся...“

„*Краткая Исторія Россійской Словесности*,
которая“ будетъ помѣщена въ четвертомъ
томѣ, написана также не для ученыхъ или
гошовающихся вступишь въ сіе званіе, но
единственнo въ пользу молодыхъ любите-
лей словесности ошечественной.“

Въ первой части *Учебной Книги Россій-
ской Словесности* заключающіяся правила Ри-

порикки вообще, и въ особенності о сочиненіи писемъ, разговоровъ, описаній и книгъ историческихъ, съ присовокупленіемъ, для поясненія сихъ правилъ, избранныхъ мѣстъ изъ сочиненій Ломоносова, Фонъ-Визина, Муравьева, Карамзина, Филарета, Жуковского, Башюшкова, Каченовскаго, Князя Вяземскаго, писемъ ЕКАТЕРИНЫ II, Суворова и другихъ. Во второй части помѣщено будетъ окончаніе примѣровъ слога Историческаго, правила и примѣры учебныхъ сочиненій, дѣловыхъ бумагъ и Рѣчей Орашорскихъ. Въ третьей правила Пійтики и примѣры стихотвореній лирическихъ и эпическихъ. Въ четвертой правила и примѣры стихотвореній драматическихъ, описательныхъ и поучительныхъ, и въ заключеніе всего курса *Краткая Исторія Россійской Словесности*. Первая часть выдается; вторая и третія печатаются и выйдуть въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени. Четвертая издана уже къ печати и скоро начнется писаніемъ.

Мы намѣрены сдѣлать подробный разборъ сей *Учебной Книги Россійской Словесности*, какъ скоро выдетъ вторая оной часть, которой окончится *Проза или Риторика*. Смѣло впрочемъ и теперь можемъ сказать наше мнѣніе, что Риторика Г. Греча есть самая краткая, самая полная и едва ли не самая лучшая изъ всѣхъ бывшихъ доселѣ у насъ Риторикъ.

3. *Нравственныя прилѣбы или собраніе маленькихъ повѣстей для удовольствія и наставленія дѣтей.* Съ виньеткою и съ 34 искусно гравированными картинками. С. П. б. въ тип. В. Плавильщикова, въ малую 8 ку, 183 страницъ *)

Это прекрасныя небольшія нравоучительныя повѣсти, написанныя на Французскомъ языкѣ почтенною матерью семейства **) для дѣшей перваго возраста. Въ Парижѣ въ короткое время вышло четыре изданія сей книжки. Желаемъ искренно, что бы Рускій переводъ имѣлъ одинакій успѣхъ съ Французскимъ подлинникомъ. Переводчикъ не слишкомъ держался оригинала ***): вездѣ, гдѣ нужно, сдѣланы имъ прошивъ онаго перемѣны, дѣйствіе перенесено изъ Франціи въ Россію, и въ переводѣ маленькіе герои сихъ повѣстей уже не Французы, а наспоющіе Рускіе. Замѣшивъ, что въ ори-

---

*) Продаеяся въ книжныхъ лавкахъ Плавильщикова по 7 р. а съ раскрашенными картинками по 8 р.

**) Гжею *Ренневиль* подъ названіемъ: *Les contes à ma petite fille, et à mon petit garçon.*

***) Многіе переводящъ *очень дурно* отъ того, что старающяся переводить *очень близко*. Надобно переводить шакъ, что бы переводъ казался при чтеніи оригиналомъ. *Прим. Изд. Влаз.*

гиналь нѣкоторыя повѣсти представляли противоположность добродѣтели и порока, и что къ инымъ не доставало соотвѣстныхъ контрастовъ, Переводчикъ прибавилъ отъ себя девять новыхъ повѣстей *) и расположилъ всѣ сіи сказочки такъ, что за примѣромъ добродѣтели слѣдуешь у него примѣръ прошивнаго оной порока: сперва рассказываетъ онъ о старательной *Варинкѣ*, потомъ о небрежной *Аннушкѣ*, послѣ того о прилежной *Николинкѣ* и въ слѣдъ зашѣмъ о лѣнливой *Катенькѣ* и ш. д. Рассказъ очень пріятенъ. Есть нѣкоторыя небрежности въ слогѣ, происшедшія вѣроятно отъ поспѣшности Переводчика. Желательно, что бы при второмъ изданіи сей книги всѣ таковыя небрежности и ошибки были исправлены. На сіе потребуется очень мало времени, а книжка будетъ еще лучше. — Къ небольшому числу истинно хорошихъ для чтенія дѣшей книгъ на Русскомъ языкѣ **)

---

*) Напрасно не означилъ онъ, которыя именно повѣсти переведены имъ и которыя собственно ему принадлежатъ. *Прим. Изд.*

**) *Дѣтская Библіотека, Собраніе дѣтскихъ повѣстей* А. С. Шишкова, *Дѣтское Чтеніе*, изданное въ Москвѣ въ 20 частяхъ, *Другъ дѣтей*, прекраснѣйшій журналъ Г. Ильина на 1808 и 1809 годъ, *Дѣтскій Музеумъ* Г. Ушакова, *Дѣтская Библія* и *Училище Благотестія*, или

безъ сомнѣнія принадлежать и *Нравственныя Прилибры*. Выпишемъ здѣсь изъ оныхъ одну повѣсть, не самую лучшую, но которая покорооче другихъ, и сдѣлаемъ на нее свои замѣчанія.

Безпечный Левушка.

„Былъ одинъ безпечный маленькій дитя, который естлибъ былъ больше, то вѣрно спалъ бы умнѣе (1). Однажды мать его (2) послала въ школу. Погода была прекрасная, чистое небо, солнце сіяло и пшички поржали въ кустахъ и пѣли. Маленькій дитя лучше хотѣлъ бы бѣгать по полю и ловить *мотыльковъ* (3), нежели сидѣть за книгами и *сб* (4) аспидной доской. Онъ спросилъ крестьянскую дѣвушку, которая его провожала: не хочется ли она играть съ нимъ? —, Нѣтъ, баринъ, у меня есть много дѣла кромѣ игры (5). Когда я опведу себя въ школу, то пойду въ деревню купить льну для моей машери, а то ей нечего бу-

---

житія свѣпыхъ, сокращенныя изъ Чешыи Миней О. Пропоіереемъ Мансвѣповымъ — да кажется и полько. — Первые двѣ книги содержатъ въ себѣ почти одно и то же; третія и четвертая, къ сожалѣнію, сдѣлались нынѣ очень рѣдки; а пятая, за смертію Издашеля, оказалась неконченною. *Прим. Изд.*

дешъ работашъ, и не начшо купить хлѣба.“

„Минушу спуспя Левушка увидѣлъ пчелу; которая лешала съ одного цвѣточка на другой. Онъ сказалъ дѣвушкѣ, что ему хочется играть со пчелою; но дѣвушка отвѣчала, что пчелѣ некогда играть: она безпрестанно лепашетъ съ цвѣшка на цвѣтокъ, чшобъ собирать сокъ, изъ котораго дѣлаетъ медъ. И въ самомъ дѣлѣ пчела полетѣла къ своему улью.“

„Тогда онъ увидѣлъ бѣжавшую мимо собаку, которой вся шерсть испеспрена была большими карими пятнами. Мальчикъ хощѣлъ было съ нею играть; но охотникъ, который шелъ не вдалькѣ (6), наталѣ свистать (7), и собака потчасъ побѣжала за своимъ господиномъ въ поле, и подхватила куроцапку, которую (8) охотникъ засшрѣлилъ для своего обѣда.“

„Левушка продолжалѣ свою дорогу (9), и увидѣлъ подъ березовымъ кустарникомъ маленькую пшичку, которая перепрыгивала съ вѣшки на вѣшку. Вотъ пшичка, которая (10) прыгаетъ одна, сказалъ онѣ, она (11) будетъ рада, когда я начну съ ней играть. „Нѣшъ, отвѣчала дѣвушка, эшой пшичкѣ не до игры. Ей надо (12) нашаскашъ въ одно мѣстечко соломы, льну и моху, чшобъ сдѣлать себѣ гнѣздышко.“ Въ самое то время пшичка полетѣла, держа въ носикѣ соло-

менку, которую нашла и порхнула на высокое дерево, гдѣ она между листьями начала складывать гнѣздышко. “

„ Наконецъ мальчикъ вспрѣшилъ въ концѣ поля лошадь. Онъ подбѣжалъ къ ней, погладилъ ее, и видя, что она была очень смирна, хопѣлъ было играть съ нею; но *приходитъ* крестьянинъ, *который* (13) увелъ лошадь, сказавъ Левушкѣ: „ дружокъ! моей лошади некогда забавлять тебя. Она помогаетъ мнѣ работать на полѣ (14), а иначе рожь моя не поспѣетъ, а безъ того и хлѣба не будетъ. “

„ Тогда Левушка подумалъ: все, что я видѣлъ, имѣетъ много дѣла кромѣ игры; видно надо, чтобы и я дѣлалъ чтонибудь лучше. *Я хочу пойти* (15) теперь прямо въ школу и учить урокъ. Онъ поспѣетъ же пошелъ не мѣшкая, всѣ уроки выучилъ твердо, за что учителя очень его хвалили, а отецъ узнавъ о томъ на другой день, подарилъ ему желпинькую лакированную колясочку, *чтобы наградить за прилѣжность* (16). Представьте, милыя дѣти, какъ послѣ того былъ радъ Левушка, что не потерялъ время въ бесполезной игрѣ. “ (снран. 147—150.)

Замѣчанія:

1) Маленькій мужескаго, а дитя средняго рода; слѣдовательно надлежало бы ска-

зашь или *маленькій мальтикѣ*, или *маленькое дитя*. Слово: *былъ* употреблено въ этомъ крайкомъ періодѣ два раза. Я бы сказалъ просто: *Былъ одинъ безпечный, маленький мальтикѣ Левушка*. Надобно же упомянуть о имени мальчика въ самомъ началѣ повѣсти.

2) Мѣстоименіе *его* можетъ здѣсь относиться и къ матери и къ мальчику. Для избѣжанія обоюдности лучше переставить слова такъ: „Однажды мать послала *его* въ школу.“

3) Почему не *бабочекъ*? Слово: *мотылекѣ* употребляется почти только въ однихъ стихахъ.

4) И здѣсь должно бы употребить тотъ же самый предлогъ, который поставленъ выше, т. е. *за*, а не *съ*.

5) Слово: *есть* лишнее: оно часто подразумевается, особенно въ простомъ разговорѣ. Не лучше ли бы сказать такъ: *у меня и безъ игры много дѣла*.

6) Мы говоримъ обыкновенно: *шелъ не подалеку, недалеко отъ кого нибудь, а идти не вдалекѣ*, кажется, не употребляется.

7) Я бы поставилъ здѣсь прошедшее однократное время: *засвисталъ* — послушная собака бѣжитъ по первому свисту охотника.

8) Мѣстоименіе: *который* употреблено дважды въ одномъ періодѣ.

9) Говорится: *идти своею дорогою, про-*

должать путь, а не продолжать дорогу.

10) Слово: *который* опять употреблено дважды почти через одну строку.

11) *Одна, сказалъ онъ, она.* — Неприятное спеченіе однозвучныхъ словъ.

12) Не правильнѣе ли: *надобно?* Впрочемъ слово: *надо* въ просторѣчїи употребляется и короче перваго. Если пишутъ *нынѣ* вмѣсто *нынѣ*, то почему бы не ввести въ употребленіе и *надо*?

13) Здѣсь надлежало бы поставишь оба глагола или въ настоящемъ, или въ прошедшемъ однократномъ времени. Я употребилъ бы послѣднее, для скорѣйшаго изображенія дѣйствія, и сказалъ бы просто: *по пришелъ крестьянинъ и увелъ лошадь* и проч.

14) *Въ* полѣ, а не *на* полѣ.

15) Не лучше ли такъ: „*пойду* теперь прямо въ школу и *стану* учить урокъ.“

16) Оборотъ несвойственный Рускому языку. Можно переменить слѣдующимъ образомъ: „*въ награду* за его прилежаніе подарилъ“ и проч.—Слово *прилежность* неупотребительно. Можно поставишь его иногда въ стихахъ, но не въ прозѣ.

Издашеть *Сына Отечества* въ 50 N^o своего Журнала, говоря въ слѣдствіи Библіографіи о *Нравственныхъ Примѣрахъ*, совѣтуешеть

добрыми родителями, чпо бы они въ наступающіе праздники подарили дѣшею своихъ сею просто и хорошо написанною книжкою. И мы совершенно согласны съ его мнѣніемъ: дѣшею, копорые умѣютъ уже читать, гораздо лучше дарить хорошими книжками съ картинками, нежели игрушками.

4. *Жилблазъ де Сантиллана. Сочиненіе Лесажа. Часть вторая. Съ двумя гравированными картинками* С. П. б. Въ Морской Типографіи, 1819, въ 18ю долю листа. 413 стран. *).

Достоинство подлинника давно уже извѣстно Публикѣ. Сей превосходный романъ переведенъ былъ на Руской языкъ, лѣтъ за сорокъ или болѣе назадъ, Г. Тепловымъ, и несмотря на всѣ недоспашки его перевода,

---

*) Подписка на Жилблаза принимается у Переводчика *Аполлона Александровита Никольскаго*, живущаго Липейной части 4 квартала въ переулкѣ за церковью Спаса Преображенія, въ собственномъ домѣ подъ № 400, и у Издателя *Благонимѣреннаго*, также у Книгопродавцевъ: *Глазцова, Плавильщикова, Заикина, Себшикова и братьевъ Слениныхъ*. Цѣна за всѣ восемь частей съ порпешомъ Авшора и съ гравированными картинками при каждой части, здѣсь въ С. П. бургѣ 25, а съ пересылкою въ другіе города 30 р.

вышло онаго семь или восемь изданій. Теперь не возможно уже и читать его: столько много въ немъ обвещалыхъ, низкихъ, грубыхъ, непочныхъ и неправильныхъ выражений. Новый переводъ Жилблаза очень хорошъ. Нѣкоторые отрывки изъ онаго помѣщены въ *Благонамѣренномъ*. (См. Февраль мѣсяць сего Журнала 1818, также II и XX N^o нынѣшняго 1819 года)

И.

~~~~~

Извѣстія о бѣдныхъ.

I.

Хворая вдова Губернская Секретарша *Катерина Артемьева* живетъ Липейной части 4 кваршала, въ переулкѣ за церковью Спаса Преображенія, въ собственномъ (вешномъ, деревянномъ) домикѣ подъ N° 401. Она имѣетъ при себѣ двухъ дочерей, пожилыхъ уже дѣвицъ, и удрученную болѣзнями мать, которой уже теперь ровно *сто* лѣтъ отъ роду. Денегъ, получаемыхъ отъ опдачи въ наймы небольшой кварширы (сама хозяйка съ сѣмействомъ помѣщается нѣ двухъ весьма тѣсныхъ каморкахъ) только что достааетъ на уплату городскихъ повинностей и на необходимыя починки по дому. Единственныя кормилицы сего бѣднаго и чест-

наго сѣмейства сущь дочери Гжи Аршемьевой, копорья, не щадя здоровья своего, просяживають цѣлые дни и часто цѣлыя ночи за работою для того, что бы достать кусокъ насущнаго хлѣба. Безпрестанные труды сихъ дѣвиць довели ихъ до того, что онѣ, будучи еще среднихъ лѣтъ, почти совсемъ лишились зрѣнія. Это истинно бѣдное и честное сѣмейство тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманіе сострадательныхъ особъ, что оно, при всемъ горестномъ положеніи своемъ, не ропщетъ на судьбу, переноситъ крайній во всемъ недостатокъ, а нерѣдко даже голодъ и холодъ—въ молчаніи и съ удивительнымъ терпѣніемъ. Скромность препятствуетъ симъ бѣднымъ, но благороднымъ людямъ, прибѣгнуть къ другимъ какимъ либо пособіямъ, кромѣ тѣхъ, копорья снискивають они собственными трудами.

А. Н...ій.

2.

Вдова Регистраторша *Дарья Котова*, при старости лѣтъ и изнуренномъ трудами здоровьѣ, не имѣетъ почти дневнаго пропитанія съ увѣчною своею дочерью и сестрою. Мужъ ея служилъ въ Царскосельской Коншорѣ и умеръ 24 года тому назадъ. По смерти его осталась она съ двумя до-

черьми, изъ кошорыхъ одна находилъся ше-
 перь въ услуженіи, а другая, лишившись и
 лѣтъ предъ симъ ошъ болѣзни упошребленія
 ногъ, не въ состояніи вовсе ходишь. Отець
Котовой дѣлалъ ей по возможности пособіе,
 но и ошъ шесшый уже годъ какъ умеръ,
 ошвая на ея попеченіе другую свою дочь,
 а ея младшую сесипру, у кошорой 20 лѣтъ
 ошнѣны ноги параличѣмъ. Сіи несчастныя
 шерпяшъ во всемъ величайшую нужду и по
 необходимости должны шеерь прибѣгнушь
 къ состраданію великодушныхъ благошво-
 ришелей. Онѣ живущъ на Васильевскомъ
 ошрову, 5 квартала въ 15 линіи, въ домѣ
 Надворной Совѣщницы Михайловой подъ
 № 623.

3.

Капитанъ *Петръ Исаковъ* служилъ въ
 арміи болѣе сорока лѣтъ, былъ въ походахъ,
 въ сраженіяхъ, гдѣ получилъ нѣсколько ранъ,
 и находясь наконецъ въ Ревельскомъ гарни-
 зонномъ баталіонѣ, умеръ въ 1791 году. По
 слѣ него ошпалась вдова съ двума дѣтьми:
 сыномъ и дочерью. Сынъ, шакже какъ и о-
 тець, служилъ съ честію въ арміи, былъ
 шакже во многихъ походахъ, въ сраженіяхъ,
 и по причинѣ полученныхъ имъ ранъ и раз-
 шпроеннаго здоровья, вышелъ въ отшпавку
 съ чиномъ Поручика. Болѣзнь его время

опть времени усиливалась и напослѣдокъ сдѣлалась опасною. По недоспапчному своему состоянію преняпть опть былъ для леченія въ здѣшнюю ИМПЕРАТОРСКУЮ больницу для бѣдныхъ, гдѣ на рукахъ матери и сестры кончила жизнь своего 27 ч. Октября нынѣшняго года. Несчастная вдова *Исакова*, поперявъ своего сына, едва не лишилась и дочери, единственной своей опоры. Сія бѣдная дѣвушка, горячо любившая своего брата, такъ была поражена его смертію, что въ ту же самую минуту, когда онъ испустилъ послѣдній вздохъ, сдѣлались съ ней жесточайшіе болѣзненные припадки, за которыми послѣдовала продолжительная и опасная горячка. Теперь только начинаепть она оправляясь опть болѣзни, но не въ силахъ еще работать. Мать плачетъ и не знаетъ, какъ уплатить долги, въ которые вошла по необходимости, чпобъ похоронить своего сына и не умереть опть голода съ больною своею дочерью. Когда сія послѣдняя была здорова, то она шрудами рукъ своихъ доставала себѣ и матери пропитаніе. Теперь нѣтъ здоровья—нѣтъ и работы—нѣтъ и хлѣба. Истинно и матери и дочери *ѣсть нетего*. Онѣ живутъ Московской Части, 2 го квартала, въ домѣ Коллежской Совѣтницы Ососковой подъ № 226, въ Грязной улицѣ.

Въ 41 книжкѣ Журнала: *Сынъ Отечества* за прошедшій 1817 и въ 51й на нынѣшній 1819 годъ объявлено уже о бѣдственномъ положеніи вдовы Штабъ - Лекаря *Бѣллева*. Мужъ ея, бывшій предъ симъ лѣтъ семь назадъ Уѣзднымъ Врачемъ Орловской Губерніи въ городѣ *Трубчевскѣ*, имѣлъ несчастіе *лишиться ума*, а черезъ три года послѣ того лишился къ счастью и жизни въ Орловской градской больницѣ. Сѣмейство его, получавшее насущный хлѣбъ единственно оупъ его искусства и трудовъ, пришло вскорѣ въ совершенную бѣдность; все, что приобрѣлъ онъ въ продолженіи пятнадцатилѣтней службы и практики, по необходимости распродано и прожито. Семь лѣтъ уже какъ *Гжа Бѣллева*, съ четырьмя малолѣтними своими дѣтьми и престарѣлою, дряхлою машерью, терпитъ во всемъ величайшую нужду; а теперь доведена до такой крайности, что не имѣетъ почти дневнаго пропитанія и почищаетъ для себя величайшимъ благодареніемъ, когда кто нибудь изъ сожалѣнія дастъ ей сколько денегъ, что она можетъ купить на нихъ хлѣба и накормитъ до сыта голодныхъ дѣтей своихъ. Сіе несчастное сѣмейство живетъ Нарвской части 1 го квартала (въ бывшей 3 й ротѣ Лейбъ Гвардіи Измайловскаго полку) въ домѣ *Васкаковой* подъ N° 516.

4 й Адмиралшейской части, 3 го квартала, близъ Калинкина моста, въ домѣ Генераль Маіорши Постниковой подь № 143, въ нижнемъ этажѣ (№ 20) живешъ съ пяперыми малолѣшными дѣтьми бѣдная и больная вдова Коллежскаго Секретаря *Каменьщикова*, который около двадцати лѣтъ исправлялъ во флотѣ должность Клерка, и находившійся на многихъ морскихъ сраженіяхъ, получилъ нѣсколько тяжелыхъ ранъ. Послѣ того служилъ онъ съ честію въ штатѣ здѣшней Полиціи почти одиннадцать лѣтъ и наконецъ умеръ скоропостижно въ 1816 году отъ сильнаго кровотеченія изъ гортани. Нечаянная смерть его шакъ поразила несчастную его вдову, что она нѣсколько мѣсяцовъ была совершенно безъ ума и разстроила навсегда свое здоровье. Бѣдная *Каменьщикова* изнуряетъ себя работою и при всемъ помѣ должна переносить съ дѣтьми холодъ и голодъ. О ней объявлено уже было въ 51 й книжкѣ *Сына Отечества* на прошедшій 1817 годъ.

И.

Благотворенія.

Издатель *Благонаименнаго* получилъ для раздачи бѣднымъ, а именно:

Изъ Вятки:

При запискѣ отъ 21 Ноября . . .	10 р.
— — — — 23 —	10 —
— — — — 6 Декабря	10 —
Изъ <i>Екатеринбурга</i> отъ 8 Ноября, собранныхъ шамъ въ пользу бѣдныхъ по случаю открытія особаго класса для дѣшей горныхъ чиновниковъ *) . . .	150 —

---

*) Сей классъ открытъ, при существующей въ *Екатеринбургѣ* Горной Школѣ, 30 ч. прошедшаго мѣсяца Октябрю. Въ ономъ предположено на первый случай обучать Закону Божию, Священной Исторіи, Нравоученію, Россійскому, Нѣмецкому и Французскому языкамъ, начальнымъ основаніямъ Математики, Рисованію и Музыкѣ. Должности наставниковъ приняли на себя добровольно и безъ всякаго жалованья Гг. Офицеры, воспитывавшіеся въ Горномъ Корпусѣ. Въ день открытія класса, послѣ молебствія, собрано въ пользу бѣдныхъ 300 р., изъ коихъ половина роздана въ *Екатеринбургѣ*, а остальные 150 р. доставлены чрезъ Начальника шамонныхъ горныхъ заводовъ къ Издателю *Благонаименнаго*. Надѣемся впредь сообщить подробнѣйшее извѣстіе о семъ полезномъ для юношества заведеніи, которое дѣлаешь честь благородному сословію *Екатеринбургскихъ* горныхъ чиновниковъ.

(въ помъ числѣ для пресшарѣлой машери
и сеспры покойнаго Над. Сов. *Зайцова* 50 р.)

Здѣсь въ С. П. бурѣ:

22 Декабря, отъ Купца Григорья Василье-
вича Васильева . . . . . 200 р.

(въ помъ числѣ для бѣдной вдовы Шшабъ-
Лекарши *Бѣляевой* и малолѣтнихъ ея
дѣшей 25 р.)

26 Декабря, отъ *Н. К.* . . . . . 10 —

Итого *триста девяносто* рублей . 390 р.

Изъ сихъ денегъ отдано Издашелемъ:

Машери и сеспрѣ Над. Сов. *Зайцова* . 75 —

(Бѣдная дѣвица *Зайцова*, идучи съ
рабошою во время бывшихъ здѣсь пе-
редъ праздниками жестпкихъ морозовъ,
поскользнулась, упала и ушиблась такъ
сильно, что ее подняли замершво. Теперь
однако ей лучше и она принялась уже
опяшь за шитье.)

Вдовѣ Шшабъ-Лекаря *Бѣлева* (см.
376 стран. сей книжки) . . . . . 50 —

Дѣйств. Стат. Сов. *А. Л. К—ой* (см.
XVIII № сего журнала, стран. 388.) . 25 —

Губернской Секретаршѣ *Артемьевой*
(см. 372 стран. сей книжки) . . . . . 25 —

Регистраторшѣ *Котовой* съ увѣч-
ною ея дочерью и сеспрю (см. 373 стр.) 25 —

Капитаншѣ *Исаковой* съ больною
ея дочерью (см. 374 стран.) . . . 25 р.

Женѣ бѣднѣйшаго чиновника 14
класса *Е. В. П—ой* (см. I N^о, стран. 57) . 25 —

(Не давно далъ ей Богъ *седьмое*
диптя. Сіе бѣдное, но честное сѣмейство
помѣщается въ двухъ маленькихъ ком-
наткахъ, въ вѣшкѣ и почти развалив-
шейся хижинѣ.—*О Небо! и дѣтей ужас-
но намѣ желать!*)

Вдовѣ Коллежской Ассесоршѣ *Ш.*
съ двумя малолѣтними дѣтьми и пре-
спарѣлою маперью . . . . . 25 —

Вдовѣ *Т. П. Байковой* (см. N^о VII,
стран. 66). . . . . 15 —

Вдовѣ *Софроновой* (см. N^о IV, стран.
262) . . . . . 15 —

Вдовѣ *Каменьщиковой* (см. 377 стр.
сей книжки) . . . . . 10 —

Вѣдному, изувѣченному чиновнику
14 го класса *И. П. Щелкунову* (см. N^о
VIII сего журнала на прошедшій 1818
годъ, стран. 255) . . . . . 10 —

Региспраторшѣ *Убытковой* (см. XX
N^о, стран. 123) . . . . . 10 —

Преспарѣлому и разбитому пара-
личемъ состоящему на инвалидномъ со-
держаніи Подпоручику *Карташову* 15 —

Вдовѣ *Макаровой* . . . . . 10 —

— — *Бабиной* . . . . . 10 —

Вдовѣ Сидневой	. . . . .	10 р.
— — Поповой	. . . . .	10 —

Итого *триста девяносто* рублей . 390 р.

Дай Богъ здоровье добрымъ людямъ! Они облегчили и обрадовали предъ праздниками *осьмнадцать* бѣдныхъ, честныхъ и большею частію *многотисленныхъ* семействъ.

И.

~~~~~

Отъ Издателя.

Журналь *Благонамѣренный* издаваться будетъ и въ слѣдующемъ 1820 году на прежнемъ основаніи, т. е. по двѣ книжки въ мѣсяць, въ половинѣ и въ концѣ каждаго. Сверхъ прежнихъ предметовъ войдутъ въ составъ сего Журнала *Критика* и любопытныя *Рускіе Анекдоты*; спашья *Иностранныхъ Извѣстій* будетъ полнѣе и занимательнѣе. Многіе извѣстные Литераторы обѣщали принять участіе въ трудахъ Издателя, который употребитъ всѣ зависящія отъ него способы, что бы Журналь его сооправдывалъ своему названію *Сочиненія*, противныя строгой нравственности и цѣломудрію, а также и бранныя критики, не будутъ имѣть мѣста въ *Благонамѣренномъ*.

Подписка на Журналь *Благонамѣренный* принимается у Издателя Коллежскаго Совѣтника *Александра Ефилювита Измайлова*, живущаго на Пескахъ прошивъ Бассейна, въ каменномъ прехъ-эпажномъ домѣ Моденова подъ № 283; въ Газетной С. П. бургскаго Почтампа Экспедиціи, кошорая приняла самыя вѣрныя мѣры къ исправному доставленію сего Журнала иногороднымъ подписчикамъ, и у всѣхъ здѣшнихъ книгопродавцевъ. Цѣна за годовое изданіе, т. е. за 24 книжки, здѣсь въ С. П. бургѣ, на люб.-бум. 35, а на простой 30 рублей; за полугодовое же или за 12 книжекъ вполонину менѣе. За пересылку въ другіе города и за доставленіе на домъ прилагается въ годъ по 5 р., а за полгода 2 р. 50 к. Для всѣхъ вообще казенныхъ и частныхъ училищъ дѣлается уступки оцъ каждаго экземпляра въ годъ по 10 р. Начальники, Правленія, или Содержатели оныхъ, благоволятъ ошноситься съ шребованіями своими къ самому Издателю.

У Издателя *Благонамѣреннаго* можно еще получать сей Журналь за прошедшій 1818 и нынѣшній 1819 годъ. Цѣна первому 25, а послѣдному 30 р. безъ пересылки на простой бумагѣ. Если же кому изъ подписавшихся на слѣдующій 1820 годъ уродно будетъ взять у самаго Издателя Журналь сей и за прежніе два года; въ шакомъ слу-

чаѣ имѣетъ бытъ сдѣлано уступки отъ каждаго годоваго экземпляра по 10 р. На пересылку прилагается за каждый годъ по 5 р.

(31 Декабря.)

NB. Въ XXII книжкѣ *Благонамѣреннаго* на стран. 247 сдѣланы двѣ довольно важныя ошибки: въ 7 й спрокѣ вмѣсто *Равви Галліель Гануси* напечатано: *Равви Іосуа*, а въ 9 й вмѣсто *Равви Іосуа* — *Равви Галліель Гануси*.

ОГЛАВЛЕНИЕ ОСЬМОЙ ЧАСТИ.

ЛИТТЕРАТУРА, НАУКИ, ХУДОЖЕСТВА

и ПОЛИТИКА.

Стихотворенія .

Оды.

Стран.

Весна	68.
Къ Аделаидѣ	72.
Отзывъ сердца	73.
Къ моему сердцу	74.
Пѣснь Радости	129.
Таршаръ	134.

Пѣсни и Романсы.

Возвращеніе на родину	75.
Брачная Пѣснь	135.
Прощаніе	158.
Шушка	277.

Элегіи.

Вечерняя прогулка	193.
Лира, принесенная въ жершву	197.
Торквашо Тассъ въ изгнаніи	201.

Герой	274.
Торжество Аполлона. <i>Прологъ</i> на возоб- новленіе большого Театра	3.
Опрывокъ изъ <i>Комедіи</i>	16.
Лиза. <i>Баллада</i>	257.

Басни.

Солнце и Облако	204.
Мошка	205.
Аполлонъ на чердакъ Поэта	—

Въ Альбомы.

М. Г. В.	76.
С. К. Б.	77.
П. С. Т.	140.
А. М. Б.	142.
N. N.	143.
А. С. Ш.	207.
Е. Ф. Ш.	208.
А. Ф. Ш.	209.
М. С. П.	—
<i>Эпиграммы</i>	146.
<i>Омонимы</i> . . . . . 20, 147, 210 и 279.	
<i>Шарады</i> . . . . . 21, 78, 147, 210 и 279.	

Смѣсь.

Сила воображенія	65.
Спранное дѣло	78.

Желаніе	139.
Кляшвы	145.
Мѣсячное сіяніе	200.
Роза	206.
Къ Юліи	276.

Проза.

Повѣсти и Анекдоты.

Невинность	80 и 312.
Ученый споръ	170.
Сонъ Миноны	236.
Судъ Париса. (Отрывокъ изъ <i>Lettres à Emilie sur la Mythologie</i>)	23.
Отрывокъ изъ <i>Жилблаза</i>	102.
Отрывки изъ <i>Ваксфильдскаго Священника</i>	212.

Историческія сочиненія и отрывки.

Видѣніе Принцессы Папанцинъ	111.
Пребываніе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I въ Пешрозаводскѣ	149.
Анекдоты изъ Гальмуда	244.
Скандинавская Мифологія	281.

Теорія изящныхъ наукъ и искусствъ.

О средствахъ усовершенствованія Русской Словесности, какъ науки	28.
О древнихъ надгробныхъ памятникахъ	183.
О Поэзіи	228.

СМѢСЬ.

Стран.

Примѣрные помѣщики	248.
Письмо къ Издашелю ошъ Начальника Олонецкихъ чугуноплавиленныхъ заво- довъ Г. Фуллона.	344.
Опрывокъ изъ Письма къ Н. Н. о Кри- шикѣ, и проч.	346.
Крашкія выписки, замѣчанія и анекдоты . 47.	
Выписки изъ иностранныхъ журналовъ и писемъ ошъ Корреспонденшовъ къ Из- дашелю	41 и 339.
Книжныя извѣстія . 58, 118, 121, 187, 252 и 353.	
Извѣстія о бѣдныхъ	123 и 372.
Благотворенія. . 62, 125, 187, 251 и 378.	

ИМЕНА ОСОБЪ И МѢСТЪ, ПОДПИСАВ-
ШИХСЯ

НА ЖУРНАЛЪ БЛАГОУМѢРЕН-
НЫЙ 1819.

(по азбучному порядку.)

(Окончаніе.)

Въ С. П. буреѣ:

Ихъ Высокородія.

Николай Петровичъ Новосильцовъ.

Францъ Александровичъ Юни.

Ихъ Высокоблагородія:

Анна Петровна Бунина.

Михайло Ивановичъ Клейнеръ.

Г. Панчулидзевъ.

Яковъ Николаевичъ Толстой.

Ихъ Благородія:

Г. Гладковъ.

Г. Голохвасповъ.

Александръ Абрамовичъ Крыловъ.

Дмитрій Степановичъ Меншенинъ.

Василій Филашовичъ Мироновъ.

Иванъ Гавриловичъ Покроескій.

Николай Петровичъ Рейндорфъ.

Павель Андреевичъ Теряевъ.

Борисъ Михайловичъ Федоровъ.

Англинскій Купецъ Александръ Григорьевичъ

Скугель.

С. П. бургскій Купецъ Трифонъ Сергѣевичъ
Бошеницъ.

С. П. бургскій Мѣщанинъ Василій Степано-
вичъ Мамоновъ.

Вѣ другихъ городахъ.

Вѣ Бершадѣ: Г. Полковникъ Тиманъ 2.

Вѣ Бѣлгородѣ: Его Благ. Михайло Гаврило-
вичъ Шленевъ.

Вѣ Борисоглѣбскѣ: Его Благ. Иванъ Андре-
евичъ Горѣловъ.

Вѣ Бѣжецкѣ: Его Благ. Кузьминъ-Короваевъ.

Вѣ Вяткѣ: Спасскаго Собора священноцерков-
но служители.

Вѣ Георгіевскѣ: Его Высокоблагородіе Аеана-
сій Ивановичъ Знаменскій.

Вѣ Данковѣ: Коллежскій Ассессоръ Хрущовъ.

Вѣ Елатьлѣ: Подпоруччикъ Алексѣй Ивано-
вичъ Болкашинъ.

Вѣ Задонскѣ: Поруччикъ Викулинъ.

Вѣ Зарайскѣ: Его Превосходительство А. А.
Протасовъ.

*Вѣ Зѣбевскомѣ рудникѣ на Колывановоскре-
сенскихъ заводахъ* Бергъ-Гешворень Алек-
сандръ Андреевичъ Дейхманъ.

Вѣ Иркутскѣ: Коллежскій Ассессоръ Воло-
шиновъ.

Вѣ Кашинѣ: Надв. Сов. Петръ Дмитріевичъ
Потемкинъ.

Вѣ Кирсановѣ: Маіоръ Владиміръ Петровичъ
Волковъ.

Въ Козловѣ:

Артиллеріи Шшабсъ-Капишанъ Осипъ Карловичъ Арнольди.

Коллежскій Регистраторъ Розовъ.

Въ Константинополѣ: Тип. Сов. Варунъ-Сакрешъ.

Въ Костромѣ: Его Благ. Алексѣй Алексѣевичъ Веселовскій.

Въ Лебедяни:

Т-п. Сов. Николай Васильевичъ Глѣбовъ.

Коллежскій Секретарь Волгинъ.

Въ Липецкѣ: Мзюръ Яковъ Яковлевичъ Алопеусъ.

Въ Минскѣ: Его Благородіе Владиміръ Ивановичъ Вередковичъ.

Въ Моршанскѣ:

Ихъ Благородія:

Иванъ . . . Дроновъ.

Иванъ . . . Дуплицкій.

Михайло . . . Зайцовъ.

Анашолій Ивановичъ Небогинъ.

Степанъ . . . Пахомовъ.

Петръ . . . Скабовскій.

Купцы:

Григорій Бѣлугинъ.

Василій Томилинъ.

Николай Томилинъ.

Купеческіе сыновья:

Никифоръ Аленчиковъ.

Степанъ Меньшовъ.

Мѣщане :

Евсей Алябьевъ.

Адріанъ В. ноходовъ.

Гавріиль Волосьевъ.

Ефимъ Давыдовъ.

Филипъ Давыдовъ.

Ларіонъ Дроновъ.

Гавріиль Кошовъ.

Александръ Полосинъ.

Иванъ Поповъ.

Кондрашій Поповъ.

Иванъ Челновскій.

Въ Мѣщовскѣ: Полковникъ Жуковъ.

Во Ржевѣ: Тип. Сов. Василій Ильичъ Ложинскій.

Въ Рязани: Его Высокоблагородіе Николай Гавриловичъ Рюминъ.

Въ Спаскѣ: Маіоръ Александръ Андреевичъ Гладковъ.

Въ Серпуховѣ: Николай Захаровичъ Хипровъ.

Въ Силбирскѣ :

Его Высокобл. Ефимъ Федоровичъ Андреевъ.

— Благ. Алексѣй Александровичъ Рудневъ.

———— Николай Ильичъ Ташариновъ.

Въ Тамбовѣ :

Его Сіяшельство Князь Пешръ Ивановичъ Давыдовъ.

Ихъ Высокоблагородія:

Николай Акимовичъ Маляревскій.

Спешанъ Игнашьевичъ Москвинъ.

Ихъ Благородія:

Владиміръ Ивановичъ Абакосимовъ.

Григорій Васильевичъ Душлицкій.

Петръ Михайловичъ Лебедевъ.

Петръ Ларионовичъ Матвѣевъ.

Василій Ивановичъ Небогинъ.

Николай Михайловичъ Образцовъ.

Василій Никишичъ Пановъ.

Григорій Ивановичъ Снѣгиревъ.

Провизоръ Андрей Карловичъ Ерфуршъ.

Въ Твери: Его Высокоблагородіе Петръ
Пандкрашъевичъ Пряженцовъ.

Въ Телнниковѣ: Его Благ. Василій Семеновъ
Семеновъ.

Въ Томскѣ: Неизвѣстная особа.

Въ Усмани: Его Благ. Николай Васильевичъ
Масловъ.

Въ Харьковѣ:

Харьковскій Вице-Губернаторъ Г. Коллеж-
скій Совѣшникъ Григорій Федоровичъ Ге-
желинскій.

Полицеймейстеръ Над. Сов. Александръ Евге-
ніевичъ Лавровъ.

Въ Шатскѣ: Его Благ. Сергѣй Осиповичъ
Кудрявцовъ.

Въ Ярославлѣ: Полковникъ Карновичъ.

